

Джош Малерман

ПТИЧИИ КОРОБ

Не вижу зла...

Annotation

Оно ждет тебя за порогом. Оно... нечто ужасное, нечто такое, что ни в коем случае нельзя разглядывать. Потому что один лишь взгляд на это существо? устройство? человека? грозит безумием и гибелью.

Человечество перестало существовать. Горстка выживших прячется в заброшенных домах с заколоченными окнами, не решаясь выйти наружу. Мэлани, мать-одиночка с двумя детьми, решается наконец бежать из своего дома-тюрьмы – бежать туда, где, по слухам, еще есть люди, туда, где безопасно. Ей предстоит ужасное испытание: двадцать миль вниз по реке в ненадежной лодке, с завязанными глазами, полагаясь лишь на острый слух ее малышей. Четырехлетних детей, которые росли и учились различать звуки в темноте маленьких душных комнат. Одно неверное движение – и они обречены. Кто-то ходит рядом, кто-то постоянно следит за ними – обычное животное или монстр?

- [Джош Малерман](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Джош Малерман

Птичий короб

Josh Malerman
BIRD BOX

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Nelson Literary Agency, LLC и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

© Josh Malerman, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Мэлори стоит на кухне и размышляет. Руки мокрые. Она дрожит. Носком нервно стучит по растрескавшейся плитке на полу. Еще очень рано, солнце, наверное, только выглянуло из-за горизонта. Слабый свет разбавляет черноту штор. «Туман же был», – думает Мэлори.

Дальше по коридору, под мелкой проволочной сеткой, накрытой черной тканью, спят дети. Они наверняка слышали, как несколько минут назад Мэлори ползала на коленях по двору. Микрофоны ловят каждый шорох, передают на усилители у кроватей.

Руки чуть поблескивают в пламени свечи – мокрые, утренняя роса еще не высохла. Мэлори делает глубокий вдох и задувает свечу. Оглядывает кухню, подмечая ржавые кастрюли и треснутые тарелки. Вот коробка, которая служит мусорным ведром. Вот стулья, многие держатся только благодаря веревке. Стены грязные, со следами детских рук и ног. Есть и старые пятна. Снизу стены выгорели, багровый цвет от времени побурел. Багровый – это пятна крови. Ковер в гостиной тоже выцветает, хоть Мэлори за ним и ухаживает. Чистящих средств в доме не осталось. Давным-давно Мэлори наполняла ведра водой из колодца и оттирала пятна по всему дому. Пятна не поддавались, даже самые бледные: посветлели, но полностью не свелись. Коробка со свечами прячет пятно в прихожей. Диван в гостиной повернут под нелепым углом. Его придвинули туда, чтобы замаскировать два подтека, напоминающие Мэлори волчьи головы. На втором этаже стопка заплесневевших половиков скрывает багровые царапины, вьедшиеся в основание стены у чердачной лестницы. Еще через десять футов самое темное пятно в доме. Мэлори не в силах перешагнуть через него и той частью второго этажа почти не пользуется.

Когда-то и сам дом, и район Детройта, в котором он находится, считались хорошими. Когда-то дом называли семейным гнездом, уютным и безопасным. Еще десять лет назад любой риелтор с гордостью показывал бы такой. Сейчас окна закрыты картоном и досками. Водопровод не работает. У кухонного стола – большое деревянное ведро. Пахнет из него тухлятиной. У детей нет нормальных игрушек. Вместо кукол обструганные ножки деревянного стула с нарисованными лицами. В шкафах пусто. На стенах нет картин. Провода тянутся из-под двери черного хода к комнатам первого этажа, там есть усилители, извещающие Мэлори и детей о любом звуке извне. Так они втроем и живут. Из дома надолго не выбирают, во

время коротких вылазок закрывают глаза повязками. Дети никогда не видели внешний мир даже через окна. Мэлори не видела его четыре с лишним года. Четыре года!

Не обязательно принимать решение сегодня. В Мичигане октябрь. Детям будет тяжело проплыть двадцать миль по реке. Они еще маленькие. А если один из них случайно упадет в воду? Что тогда делать Мэлори, с закрытыми-то глазами?

«Несчастный случай – доля ужасная, – думает Мэлори. – После долгой борьбы за выживание глупо становится жертвой несчастного случая».

Она смотрит на шторы и начинает плакать. Хочется накричать на кого-нибудь. Хочется кому-нибудь пожаловаться. «Это несправедливо! – посетовала бы она. – Это жестоко».

Мэлори оглядывается на порог кухни, на коридор, ведущий в детскую. За дверным проемом без двери крепко спят дети. Они накрыты черной тканью, спрятаны даже от света. Не шевелятся, не показывают, что проснулись. А ведь, может, они ее слушают. Сколько на них ответственности, сколько нагрузки на маленькие уши! Порой Мэлори кажется, что дети слышат, как она думает.

Можно дождаться солнца, тепла, лучших условий для поездки. Можно поговорить с детьми и выслушать их. Они сумеют подать ценные идеи. Четырехлетки, а слушать научились. Они с лодкой подсобят, грести-то придется вслепую. Без них Мэлори по реке не сплавится. Ей нужны их уши. Можно положиться на совет детей? Способны четырехлетки подсказать, когда лучше навсегда уйти из дома?

Мэлори тяжело опускается на кухонный стул и борется со слезами. Босой ногой она отбивает такт по линялому линолеуму, потом медленно поднимает голову: вон лестница, ведущая на чердак. Однажды она говорила там с мужчиной по имени Том о мужчине по имени Дон. Вот раковина: к ней Дон однажды принес ведра колодезной воды. Он дрожал от страха, выйдя из дома. Если чуть податься вперед, видна прихожая, где Шерил когда-то готовила корм для птиц. Между ней и входной дверью – гостиная, где слишком много разных воспоминаний о разных людях.

«Четыре года», – думает Мэлори и едва не стучит кулаком по стене. Четыре года незаметно перерастут в восемь, восемь – в двенадцать. Потом дети станут взрослыми. Взрослыми, которые никогда не видели небо. Которые никогда не смотрели в окно. Что станет с их разумом, если двенадцать лет растить их, как телят? Есть ли смысл их так растить? Есть ли смысл жить людям, которым небо – фантастика, а безопасно лишь дома, с плотной повязкой на глазах?

Мэлори тяжело сглатывает и представляет, как будет растить детей одна, пока они не станут подростками.

А она сумеет? Сумеет защищать их еще десять лет? Сумеет направлять и оберегать их, чтобы со временем они оберегали ее? Только ради чего? Ради какой жизни она их бережет?

«Ты плохая мать», – думает Мэлори.

Плохая, потому что не показала им бескрайнее небо. Потому что не дала им шанса свободно бегать по двору, по улице, по району с его пустыми домами и обшарпанными автостоянками. Потому что не позволила им хоть раз увидеть ночь, в волшебный момент, когда ее озаряют звезды.

«Ты бережешь детей для жизни, которую не стоит жить».

Сквозь слезы Мэлори замечает, что за шторами еще немного посветлело. Наверно, там туман, и он очень скоро рассеется. Если рассчитывать, что туман поможет, укроет их по пути к реке, по пути к лодке, то детей нужно будить сейчас.

Мэлори стучит кулаком по столу и вытирает слезы.

Из кухни она коридором идет в детскую.

– Мальчик! – кричит она. – Девочка! Вставайте!

В детской темно. Единственное окно завешено одеялами. Их столько, что даже когда солнце в зените, в комнату его лучи не проникают. У каждой стены по матрасу, над ними черные купола. Когда-то сетка, которая удерживает ткань, огораживала садик у колодца за домом. Последние четыре года она служит броней и защищает детей не от того, что может увидеть их, а от того, что могут увидеть они. Мэлори опускается на колени, чтобы ослабить провод, прикрепленный к гвоздям на двери детской, и слышит шорох. Лица у детей сонные, удивленные, но Мэлори уже достает из кармана повязки.

– Мама?

– Скорее вставайте! Мама торопится.

Дети не мешкают. Никаких капризов и слез.

– Куда мы идем? – спрашивает Девочка.

– Надевай! – велит Мэлори, протягивая ей повязку. – Мы идем к реке.

Оба плотно прикладывают черную ткань к глазам и завязывают концы. Оба в этом деле мастера, эксперты, если четырехлетки бывают в чем-то экспертами. У Мэлори сердце разрывается. Они только дети. Где же любопытство, где бесконечные «зачем» и «почему»? Почему они уходят из дома сегодня? Почему к реке, которую они прежде не видели?

Никаких вопросов. Дети безропотно слушаются.

Сама Мэлори повязку пока не надевает. Сперва нужно собрать детей.

– Возьми свой пазл, – говорит она Девочке. – Оба возьмите одеяла.

Волнение Мэлори необъяснимо и очень напоминает истерику. Мэлори бродит по комнатам, собирает вещи, которые могут им понадобиться. Она вдруг чувствует себя совершенно неготовой, страшно уязвимой, слово дом и земля исчезли, оставив ее наедине с внешним миром. В море паники не дает утонуть одна-единственная мысль. Повязки! Что бы она ни взяла с собой, что бы из вещей ни сделала оружием, самая надежная защита – это повязки.

– Возьмите одеяла! – напоминает Мэлори детям, слышит, как они собираются, и возвращается к ним, чтобы помочь.

Мальчик для своего возраста мелковат, зато вынослив, чем Мэлори очень гордится. Он решает, которую из двух рубашек надеть. Обе очень велики ему. Когда-то их носил взрослый мужчина, которого давно нет в живых. Она сама выбирает рубашку и смотрит, как темная макушка Мальчика ныряет в горловину, потом выныривает наружу. Даже среди кутерьмы Мэлори подмечает, что за последнее время Мальчик вырос.

Девочка, для своих лет средненькая, натягивает через голову платье, которое они с Мэлори сшили из старой простыни.

– Девочка, на улице холодно, – говорит Мэлори. – В платье ты замерзнешь.

Девочка хмурится. Белокурые волосы взъерошены: она ведь недавно проснулась.

– Мама, я и брючки надену. Еще мы берем одеяла.

Мэлори сердится. Споры ей не нужны. Только не сегодня. Хоть Девочка и права.

– Сегодня ты платье не наденешь.

Внешний мир с пустыми моллами и ресторанами, с брошенными машинами, с ненужным товаром на пыльных прилавках давит на дом, шепчет, напоминая об участии его обитателей.

Мэлори забирает куртку из спальни, которая чуть дальше детской по коридору. Выходит из комнаты, понимая, что порог ее больше не переступит.

– Мама, велосипедные звонки брать? – спрашивает Девочка.

Мэлори делает глубокий вдох и отвечает:

– Нет, мы будем вместе от начала до конца путешествия.

Девочка возвращается в детскую, а Мэлори думает о велозвонках, любимом развлечении своих малышей. Жалкое развлечение. Со звонками они играют не первый год, чуть ли не с рождения звонят и гудят на весь

дом. Мэлори, бывало, злилась, но звонки не отнимала и не прятала. Даже в первые, мучительные дни материнства – никогда. Мэлори всегда понимала: при такой жизни все, что веселит детей, – благо.

Даже когда звонки пугали Виктора.

Как же Мэлори не хватает этого пса! Свыкаясь с ролью матери-одиночки, она частенько представляла, что отправится по реке вместе с Виктором, что бордер-колли будет сидеть в лодке рядом с ней. Подкрадись зверь, Виктор залаял бы, а то и спугнул бы незваного гостя.

– Ну вот, – объявляет Мэлори, снова появляясь в дверях детской. – Мы готовы. Пора идти.

Не раз и не два, безмятежными полуднями и бурными вечерами, Мэлори предупреждала, что этот день наступит. Да, она уже говорила с детьми о реке, о путешествии. Побегом она не называла его намеренно: нельзя, чтобы дети росли с мыслью, что нужно от чего-то бежать. Нет, она предупреждала, что однажды утром разбудит их, попросит быстро собраться и они навсегда уйдут из дома. Разумеется, они слышали неуверенность в ее голосе, как слышат паука, крадущегося по завешенному окну. Годами она держала в буфете мешок с едой, а когда съестное портилось, неизменно заменяла свежим. Мэлори считала это наглядным, вещественным доказательством того, что она не сказки рассказывает, что однажды они действительно оправятся в путь. «Видите, – говорила она, опасливо поправляя одеяла на окнах, – еда в буфете. Это часть нашего плана».

И вот этот день пришел. Утро настало. Час пробил. Туман сгустился.

Мальчик и Девочка подходят к ней. Мэлори опускается на колени и проверяет повязки: вроде сидят плотно. Именно в этот момент, глядя то на одно личико, то на другое, Мэлори понимает, что путешествие наконец началось.

– Послушайте! – говорит она, хватая детей за подбородки. – Сегодня мы отправляемся в путешествие по реке. Может, оно получится долгим. Очень важно, чтобы вы оба меня беспрекословно слушались. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– На реке холодно. У вас есть одеяла. У вас есть повязки. Сегодня вам больше ничего не нужно. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Повязки не снимать ни в коем случае. Если снимете, я вас накажу. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Вы должны слушать. Вы оба должны слушать очень-очень внимательно. На реке вы должны слушать не только плеск воды и шум деревьев в лесу. Если услышите зверя в лесу, немедленно скажите мне. Если услышите что-то необычное в воде, немедленно скажите мне. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Не задавайте вопросов, которые не связаны с рекой. Ты, – она касается плеча Мальчика, – сядешь впереди. А ты, – она касается плеча Девочки, – сзади. Когда спустимся к лодке, я посажу вас как нужно. Сама я сяду посередине и буду грести. В лодке никаких разговоров, только если услышите что-то в лесу или в воде. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

– Мы не остановимся ни за что. Лишь когда доберемся до места. Я сама вам об этом скажу. Если проголодаетесь, ешьте из этого мешка. – Мэлори прижимает мешок с едой к их ладошкам. – Не засыпайте, ни в коем случае не засыпайте. Сегодня ваши уши нужны мне, как никогда.

– А микрофоны мы возьмем? – спрашивает Девочка.

– Нет.

Мэлори переводит взгляд с одного закрытого повязкой личика на другое.

– Мы пойдем по тропе к колодцу, держась за руки. В лесу, сразу за нашим домом, есть полянка. Тропа к реке заросла. Держась за руки, идти, может, и не получится. Если так, цепляйтесь за мою куртку или за куртки друг друга. Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

Она их напугала?

– Послушайте, сегодня мы отправимся туда, где вы никогда не были. Мы уйдем от дома дальше, чем вы прежде уходили. На улице есть те, кто обидит вас и вашу маму, если послушаетесь меня.

Дети молчат.

– Вам ясно?

– Да, мама.

– Да.

Мэлори хорошо их подготовила.

– Нам пора, – объявляет она и слышит в своем голосе истерические нотки. – Нам пора идти. Пора!

Мэлори касается лбом детских головок, берет Мальчика и Девочку за руки и быстро ведет на кухню. Там вытирает слезы и, дрожа, вытаскивает из кармана свою повязку, плотно прикладывает ее к глазам и завязывает поверх длинных темных волос. Замирает она, уже коснувшись дверной ручки. За дверью дорожка, которой Мэлори бесчисленное множество раз ходила к колодцу.

Сейчас она уйдет из дома навсегда. Близость этого момента ошеломляет Мэлори.

Когда она распахивает дверь, в лицо веет свежий ветер. Мэлори делает шаг вперед, а в голове все путается от страха. Такие мысли при детях озвучивать нельзя. Язык заплетается, Мэлори едва не срывается на крик:

– Держите меня за руки, оба!

Мальчик берет ее за левую руку, Девочка сжимает крошечными пальчиками правую.

В повязках, они втроем выходят за порог.

Колодец в двадцати ярдах от дома. Тропка выложена деревяшками, бывшими багетами. Мальчик и Девочка ходили по ним босиком бесчисленное множество раз.

Однажды Мэлори сказала им, что колодезная вода – единственное лекарство, которое им понадобится в жизни. Поэтому дети уважают колодец. Они никогда не жаловались, что приходится носить воду вместе с матерью.

Они уже у колодца. Неровная земля под ногами кажется неестественно мягкой.

– Вон наша поляна, – объявляет Мэлори.

Она осторожно ведет детей. Вторая тропка начинается в десяти ярдах от колодца – узкая, она рассекает лес. До реки отсюда менее ста ярдов. В лесу Мэлори сразу отпускает руки детей, на ощупь отыскивает тропку.

– Держитесь за мою куртку!

Мэлори ощупывает ветки, пока не находит топик, три года назад привязанный к дереву у начала тропки. Мальчик цепляется за карман куртки Мэлори, а Девочка, похоже, за него. Мэлори то и дело окликает детей, спрашивает, держатся ли они друг за друга. Ветки царапают лицо, но она молча терпит.

Вскоре они добираются до указателя, который Мэлори вонзила в землю. Расколовшаяся ножка кухонного стула торчит из центра тропки специально для такого случая: дойди, споткнись, опознай.

Лодку Мэлори нашла четыре года назад, привязанной в пяти домах от своего. В последний раз она видела ее в прошлом месяце, но надеется, что лодку не тронули. О худшем и думать боится. А если до лодки добрался кто-то другой? Другая женщина, вроде самой Мэлори, которая живет в пяти домах от нее и четыре года набиралась храбрости, чтобы сбежать? Однажды та женщина доползла сюда, на скользкий глинистый берег, и нащупала шанс спастись – стальной нос лодки.

Холодный воздух царапает Мэлори лицо. Дети не капризничают.

«Это не детство», – думает Мэлори, спускаясь с ними к реке.

Тут она улавливает заветный шорох. Еще не добравшись до причала, слышит, как вода плещется о борта лодки. Мэлори останавливается, проверяет повязки на детях и затягивает потуже. Ведет детей на мостки.

«Лодка до сих пор здесь», – думает Мэлори. Совсем как машины, до сих пор припаркованные у дома. Совсем как пустые дома, до сих пор стоящие на улице.

Здесь холоднее, чем в лесу, холоднее, чем дома. Плеск воды и страшит, и ободряет. Мэлори встает на колени там, где должна быть лодка, отпускает ладошки детей и ищет стальной нос. Ее пальцы нащупывают веревку, что удерживает лодку у причала.

– Мальчик! – зовет Мэлори, подтягивая лодку к мосткам. – Садись вперед, давай! – Она устраивает сына, потом касается ладонями его щек и повторяет: – Слушай! Слушай не только воду! Слушай!

Девочке Мэлори велит стоять на мостках, а сама вслепую развязывает веревку и устраивается на средней скамье. Потом помогает Девочке влезть в лодку. Лодка раскачивается, Мэлори чересчур сильно сжимает руку Девочки. Малышка не вскрикивает.

В лодке листья, прутья, вода. Мэлори ощупью находит весла, которые укладывала по правому борту лодки. Весла холодные. Влажные. Пахнут плесенью. Мэлори вставляет их в металлические пазы. Весла крепкие, прочные. Одним веслом Мэлори отталкивается от причала. А потом...

Они плывут!

Вода спокойная. Но звуки есть. В лесу какое-то шевеление.

Мэлори думает о тумане и надеется, что он спрятал их, помог сбежать.

Но ведь туман рассеется.

– Дети, слушайте! – От волнения Мэлори едва не задыхается.

Целых четыре года она ждала, готовилась, собирала мужество, а теперь уплывает от причала, от берега, от дома, защищавшего ее и детей, как ей кажется, всю жизнь.

Глава 2

До рождения детей девять месяцев. Мэлори с сестрой Шеннон снимают скромную квартирку, которую толком не привели в порядок. Вопреки беспокойству друзей, сестры съехались три месяца назад. Обе умны, общительны, но в компании друг друга теряют контроль над собой, как и получилось в день, когда занесли вещи в квартиру.

– Наверное, бульшую спальню лучше занять мне, – заявила Шеннон на лестничной площадке второго этажа. – У меня же комод больше.

– Да ладно тебе, – отозвалась Мэлори, держа ящик с нечитанными книгами. – В той комнате окно лучше.

Сестры долго спорили, причем обе боялись доказать правоту родных и близких, поругавшись в первый же день. В итоге Мэлори предложила подбросить монету. Выиграла Шеннон, но Мэлори решила, что сестрица смухлевала.

Сегодня и сейчас Мэлори не думает о сестрицыных штучках, которые ее бесят. Она не убирает за Шеннон носки и свитеры, которые та разбрасывает по коридору. Не закрывает за ней шкафы. Не давится злостью, не качает головой, когда возится со стиральной машиной или уносит коробку с вещами Шеннон из центра гостиной, где она мешает им обеим. Нет, сегодня и сейчас обнаженная Мэлори стоит в ванной первого этажа перед зеркалом и разглядывает свой живот.

«У тебя и раньше месячные задерживались», – утешает себя Мэлори. Утешение так себе: она беспокоилась уже несколько недель, зная, что Генри Мартин был недостаточно осторожен.

Черные волосы отросли до плеч. Уголки рта опускаются вниз – Мэлори любопытно. Она кладет руки на плоский живот и медленно кивает. Как себя ни уверяй, она *чувствует*, что беременна.

– Мэлори! – кричит из гостиной Шеннон. – Что ты там делаешь?

Мэлори не отвечает. Поворачивается боком и наклоняет голову. Неяркий свет ванной делает голубые глаза серыми. Мэлори ладонью касается розового линолеума у ванной и изгибает спину. Хочется сделать живот еще плосче и доказать: новой жизни в нем нет.

– Мэлори! – снова зовет Шеннон. – По телику опять сообщение. Что-то случилось на Аляске.

Мэлори слышит сестру, только внешний мир сейчас не слишком ее волнует.

Недавно Интернет взорвало сообщение, названное Русской Байкой. Дело было в Санкт-Петербурге. На заснеженном шоссе мужчина попросил своего друга, который вел грузовик, притормозить у обочины, оторвал ему губы, затем достал из кузова циркулярку и покончил с собой. Жуткая, но заурядная история разлетелась по Интернету и забылась. Но вот поступило еще одно сообщение. Очередная трагедия с похожими обстоятельствами потрясла Якутск, удаленный от Санкт-Петербурга на три тысячи миль. Местная жительница, по всеобщему мнению нормальная, заживо закопала детей в огороде, а потом перерезала себе вены осколком тарелки. Третья трагедия разыгралась в Омске, почти в двух тысячах миль к юго-востоку от Санкт-Петербурга, и мгновенно стала одной из самых обсуждаемых во всех социальных сетях. На сей раз имелся видеоролик. Пока могла, Мэлори смотрела на мужчину с окровавленной бородой, пытавшегося топором зарубить невидимого ей оператора. В итоге бородач своего добился, но ту часть Мэлори не видела. Она не просила, только Шеннон, любительница мелодрам, рассказала ей, чем все закончилось.

– Аляска, – повторяет Шеннон из гостиной. – Мэлори, это уже Америка!

Белокурые волосы достались Шеннон от матери-финки. Мэлори же больше в отца – коренастая, с глубоко посаженными глазами и гладкой кожей северянки. Девушки выросли в Мичигане, на Верхнем полуострове, и мечтали перебраться на юг, к Детройту. Ведь там концерты, вечеринки, хорошая работа и мужчины, выбирай – не хочу. С последним пунктом у Мэлори не клеилось, пока она не встретила Генри Мартина.

– Черт подери! – орет Шеннон. – Похоже, и в Канаде что-то стряслось. Мэлори, дело серьезное. Эй, чем ты там занята?

Мэлори открывает кран, мочит пальцы в холодной воде и брызгает на лицо. Смотрит в зеркало и думает о родителях, оставшихся на Верхнем полуострове. Они даже не слышали о Генри Мартине. После той единственной ночи она сама с ним не разговаривала. И на тебе, она связана с ним навеки.

Дверь ванной распаивается. Мэлори тянется за полотенцем.

– Боже, Шеннон!

– Мэлори, ты меня слышала? Эта история всюду. Теперь ее с глюками связывают. Странно, да? По Си-эн-эн сейчас сказали, глюки фигурируют в каждом из случаев. Мол, те люди что-то увидели, потом набросились на других, потом с собой покончили. Мэлор, ты веришь этому? Веришь?

Мэлори медленно поворачивается к сестре. На лице апатия.

– Эй, ты как себя чувствуешь? – спрашивает Шеннон. – Вид у тебя

неважный.

Мэлори плачет и кусает нижнюю губу. Полотенце она взяла, а прикрыться не успела. Так и стоит перед зеркалом и разглядывает голый живот. Шеннон это замечает.

– Черт подери! – вырывается у Шеннон. – Ты боишься, что...

Мэлори кивает. В розовой ванной сестры обнимают друг друга. Шеннон гладит Мэлори по голове и утешает:

– Не будем гнать, ладно? Сперва тест сделай. Так ведь полагается? Не бойся ты! У каждой второй результат отрицательный.

Вместо ответа Мэлори тяжело вздыхает.

– Ладно, пошли за тестом, – говорит Шеннон.

Глава 3

Каков предел человеческого слуха?

Мэлори не представляла, что вслепую грести так трудно. Сколько раз лодка врезалась в берег и застревала на несколько минут? Мэлори в это время казалось, что к повязкам на глазах у детей тянутся невидимые руки, что цепкие пальцы вылезают из воды, из прибрежного ила. Дети не кричали, даже не хныкали, они слишком терпеливы.

Так каков предел человеческого слуха?

Мальчик помогал освободить лодку – поднимался и толкал ее мшистый корпус. Мэлори снова работает веслами. Да, поначалу было непросто, но они движутся вперед. Успех вдохновляет. Солнце взошло, на деревьях поют птицы. В густых лесах вдоль реки рыщут звери. Рыба выпрыгивает из воды, плещется, действуя Мэлори на нервы. Все это им слышно. Не видно ровным счетом ничего.

Стараниями Мэлори звуки леса знакомы детям с рождения. Еще когда они были младенцами, она завязывала им глаза футболкой и выносила на лесную опушку. Там Мэлори описывала Мальчику и Девочке звуки леса, прекрасно зная, что дети слишком малы, чтобы ее понять.

«Это листья шелестят, – объясняла она. – А это возится зверек, наверное, кролик». Она всегда понимала, что за шелестом и возней может скрываться что-то страшное. Страшнее любого зверя, даже медведя. В ту пору и потом, когда дети начали понимать объяснения, Мэлори училась вместе с ними. Только ее слух уже не станет таким острым, как у Мальчика и Девочки. Отличать стук дождя в окно от стука пальцев она училась в двадцать четыре. Мэлори в детстве учили воспринимать мир глазами. Это минус для нее, как для учителя? Она правильно делает, что приносит листья домой, мнет их то руками, то ногами и велит детям вслепую различать звуки?

Каков предел человеческого слуха?

Мальчик любит рыбок. Как-то Мэлори нашла на чердаке зонт, смастерила из него удочку и поймала в реке рыбу. Мальчику нравилось смотреть, как рыбки плещутся в ведре, которое поставили на кухне. Ему и рисовать их нравилось. Мэлори тогда подумала, что придется ловить всех зверюшек на свете и таскать домой – иначе дети их не увидят. Если бы увидели, кто еще им понравился бы? Девочка полюбила бы лис? А енотов? Даже машины стали для ее детей сказкой, иллюстрированной неумелыми

рисунками Мэлори. То же самое со звездами, улицами, домами, магазинами, садами, кустами, сапогами... Целый мир придется воссоздать! Пока были только рыбки. Мальчик их полюбил.

Сейчас Мэлори страшится каждого плеска. Вдруг Мальчик из любопытства снимет повязку?

Так каков предел человеческого слуха?

Нужно, чтобы дети *вслушивались* в деревья, в берега, в ветер, за которыми целый мир, полный живых существ. «Река – наш амфитеатр», – думает Мэлори, работая веслами.

Еще это могила.

Детям *необходимо* слушать.

Мэлори не в силах отогнать видения. Ей чуждаются руки, которые из мрака тянутся к детским головкам и намеренно ослабляют их единственную защиту.

Мэлори вспотела и тяжело дышит. Она молится, чтобы человеческого слуха хватило для самосохранения.

Глава 4

Машину ведет Мэлори. Сестры взяли ее «форд-фестиву» 1999 года выпуска, потому что в нем больше бензина. Они лишь в трех милях от дома, а признаки перемен уже налицо.

– Смотри! – Шеннон показывает на отдельные дома. – Окна завесили одеялами.

Мэлори старается слушать Шеннон, только мысли упорно возвращаются к собственному чреву. Истерия СМИ вокруг Русских Баек ее тревожит, но она относится к ним не так серьезно, как Шеннон. Скептиков вроде Мэлори в Сети немало. В блогах, которые она читает, большей частью в «Придурках», выкладывают фотографии людей, принимающих меры предосторожности, потом сдабривают их смешными комментариями. Шеннон то тычет пальцами в окна, то закрывает глаза рукой, и Мэлори вспоминается фотография из «Придурков». На ней женщина завешивала окно одеялом. Ниже шел комментарий: «Милый, давай кровать сюда передвинем! Что скажешь?»

– Веришь Русским Байкам? – спрашивает Шеннон.

Мэлори молча кивает и поворачивает влево.

– Ну, признай, – просит Шеннон. – Похоже, дело принимает интересный оборот.

Отчасти Мэлори согласна. Дела и впрямь интересные. Мужчина и женщина идут по тротуару, прижав газеты к вискам. Кое-кто едет, подняв зеркала заднего вида. «Что это доказывает? – рассеянно гадают Мэлори. – Люди начинают верить, что случилась беда? Если так, какая именно?»

– Не понимаю, – заявляет Мэлори, отчасти из желания отвлечься, отчасти потому, что заинтересовалась.

– Чего не понимаешь?

– Почему люди боятся смотреть? Ну, по сторонам?

– Да, – кивает Шеннон. – Именно этого все и боятся. Я тебе говорила.

«Шеннон вечно драматизирует», – думает Мэлори.

– Звучит дико, – говорит она. – Только взгляни на того типа!

Шеннон смотрит, куда показывает ей сестра, потом отворачивается. Мужчина в деловом костюме идет с тростью, как слепой. Глаза у него закрыты.

– Им даже не стыдно так себя вести, – говорит Шеннон, глядя себе на ноги. – Вот до чего все запущено.

У аптеки «Стокли» Шеннон закрывает глаза рукой, словно от солнца. Мэлори замечает это и обводит взглядом стоянку. Другие ведут себя так же, как Шеннон.

– Что ты боишься увидеть? – спрашивает она.

– Этого пока никто не знает.

Желтая вывеска аптеки, которую Мэлори видела тысячи раз, выглядит ужасно непривлекательной.

«Ну, пошли покупать первый тест на беременность», – думает Мэлори, выбираясь из машины.

Сестры идут через стоянку к аптеке.

– Тесты, наверное, рядом с лекарствами, – шепчет Шеннон и распахивает дверь, по-прежнему прикрывая глаза рукой.

– Шеннон, прекрати!

Мэлори первой направляется в отдел планирования семьи. На полках «Фест респонс», «Клирблю изи», «Нью чойс» и еще шесть марок.

– Их так много! – сетует Шеннон, взяв коробочку с полки. – Презервативами теперь не пользуются?

– Какой мне брат?

Шеннон пожимает плечами.

– Не знаю. Например, вот этот.

В конце ряда мужчина вскрывает упаковку марлевых повязок и прикрывает одной глаз.

Сестры несут тест на кассу, где сегодня работает Эндрю. Он ровесник Шеннон и однажды приглашал ее на свидание. Мэлори хочется поскорее с этим покончить.

– О-па! – восклицает Эндрю, сканируя коробочку.

– Заткнись, Эндрю! – восклицает Шеннон. – Это для нашей собаки.

– У вас собака появилась?

– Ага, – отвечает Шеннон и забирает пакет, в который он положил тест. – По ней все кобели района сохнут.

Поездка домой – сущая пытка для Мэлори. Полиэтиленовый пакет между сиденьями красноречиво говорит, что ее жизнь уже изменилась.

– Смотри! – Шеннон показывает в окно рукой, которой только что прикрывала глаза.

Сестры медленно подъезжают к стоп-сигналу. У дома на углу женщина забралась на невысокую стремянку и прибавляет одеяло к эркерному окну.

– Приедем домой, сделаю то же самое, – обещает Шеннон.

– Шеннон!

На улице, где стоит их дом, обычно много соседских детей, а сейчас пусто. Нет ни синего трехколесного велосипеда, ни бейсбольных бит.

Дома Мэлори сразу направляется в ванную, Шеннон – к телевизору.

– На тест надо попи́сать! – кричит Шеннон.

Новости Мэлори слышит и в ванной.

Когда сестра туда заглядывает, Мэлори смотрит на розовую полоску и качает головой.

– О боже! – вырывается у Шеннон.

– Нужно позвонить маме с папой, – говорит Мэлори. Она заранее собирается с духом, понимая, что оставит ребенка, хотя ни мужа, ни бойфренда у нее нет.

– Позвони-ка ты лучше Генри Мартину, – заявляет Шеннон.

Мэлори бросает взгляд на Шеннон. Она с самого начала знала: Генри Мартин не поможет ей растить ребенка. В какой-то мере она уже с этим смирилась. Шеннон ведет сестру в гостиную, где перед телевизором стоят коробки с вещами. На телеэкране похоронная процессия. Ведущие Си-эн-эн ее обсуждают. Шеннон подходит к телевизору и убавляет громкость. Мэлори садится на диван и с сотового звонит Генри Мартину.

Он не отвечает, и Мэлори отправляет эсмэску: «Есть серьезный разговор. Срочно перезвони мне».

Вдруг Шеннон соскакивает с дивана и кричит:

– Мэлори, ты это видела? Инцидент в Мичигане! По-моему, говорили про Верхний полуостров!

На первый план тотчас выходят мысли о родителях. Шеннон увеличивает громкость, и сестры слушают, как пожилых супругов из Айрон-маунтин нашли повешенными в окрестном лесу. Ведущий говорит, что они повесились на ремнях.

Мэлори звонит матери. Та отвечает после второго гудка.

– Мэлори!

– Мама!

– Ты из-за новостей звонишь?

– Нет. Мама, я беременна.

– Боже, Мэлори! – На миг мама замолкает, и Мэлори слышит ее телевизор. – У тебя с кем-то серьезные отношения?

– Нет, все случайно вышло.

Шеннон встала перед телевизором. Глаза у нее круглые-круглые. Она показывает на экран, словно напоминая, что дело очень важное. Мама молчит.

– Мама, ты как, ничего?

– Доченька, сейчас я больше о тебе тревожусь.
– Да уж, не вовремя я.
– На каком ты сроке?
– Недель пять-шесть.
– Оставишь ребенка? Ты уже решила?
– Да. То есть я сама только что узнала. Буквально минуту назад. Но да, я его оставляю.

– Отец ребенка в курсе?
– Я эсэмэску ему сбросила и собираюсь позвонить. – Теперь паузу делает Мэлори, а потом продолжает: – Мама, у вас там безопасно? Спокойно?

– Не знаю, доченька. Этого никто не знает. Нам очень страшно, но сейчас я больше беспокоюсь о тебе.

Тележурналистка на схеме показывает, что якобы произошло, проводит линию от проселочной дороги, где супруги бросили свой автомобиль. Мать Мэлори вроде бы знакома со знакомыми погибших. Их фамилия Микконен. Тележурналистка стоит на окровавленной траве.

– Господи! – восклицает Шеннон.

– Жаль, отца дома нет, – сетует мать. – Ты беременна... Ох, Мэлори!

Шеннон хватает трубку и выпрашивает у матери подробности. В новостях о чем-то умалчивают? Что говорят местные? Случай Микконен единичный? Как насчет мер предосторожности?

Пока Шеннон трещит по телефону, Мэлори встает с дивана и распаивает входную дверь. «Дело и впрямь серьезное?» – гадают она, оглядывая улицу.

Во дворах пусто. В окнах соседних домов не мелькают лица. Мимо проезжает машина, но Мэлори не видит лица водителя. Он заслоняется рукой.

На траве у парадной двери валяется утренняя газета. Мэлори поднимает ее. Передовицу посвятили растущему числу инцидентов. Заголовок короткий: «Опять!» Шеннон наверняка уже рассказывала обо всем, что там написано. Мэлори листает газету, и на последней странице взгляд за что-то цепляется.

Там объявление. Некий дом в Ривербридже открывает двери для всех желающих. Дом называют безопасным местом. Пристанищем. С каждым днем новости все страшнее, вот хозяйева и хотят видеть дом убежищем.

Мэлори, впервые почувствовав холодок паники, снова оглядывает улицу. У соседней дверь открывается и тотчас закрывается. Руки механически сжимают газету – Мэлори поворачивается к своему дому, где

по-прежнему орет телевизор. В окно видно, как Шеннон стоит в гостиной, у дальней стены и прибавляет одеяло к окну.

– Заходи скорее! – велит Шеннон. – И дверь закрой.

Глава 5

До рождения детей шесть месяцев. У Мэлори заметен живот. Все окна в доме закрыты одеялами. Входную дверь никогда не оставляют распахнутой и незапертой. Сообщения о необъяснимых событиях передают с пугающей частотой. Прежде они считались сенсацией и появлялись дважды в неделю, а сейчас – ежедневно. По телевизору крутят интервью с госчиновниками. Сообщения приходят даже из Мэна и Флориды, поэтому меры предосторожности соблюдают теперь обе сестры. Шеннон ежедневно читает десятки блогов и боится всего, что пишут. Мэлори не знает, чему верить. Новые истории появляются в Интернете ежечасно. Это единственная тема, которая обсуждается и в социальных сетях, и на новостных лентах. Этой теме целиком отданы новые веб-сайты. На одном вывесили карту мира и красными рожицами метят города, в которых зафиксированы происшествия. В последний раз Мэлори видела триста с лишним рожиц. В Сети происшествия называют Проблемой. Многие обыватели верят: Проблема, в чем бы она ни заключалась, начинается с того, что человек *видит* какую-то невидаль.

Мэлори до последнего отказывалась в это верить. Сестры постоянно спорили. Мэлори перечисляла сайты, где высмеивали массовую истерию, Шеннон – остальные. Однако вскоре Мэлори уступила: авторы ее любимых блогов стали публиковать истории о своих близких и в итоге признались, что тоже тревожатся.

«Ну вот, даже скептики дрогнули», – подумала тогда Мэлори.

Ей казалось, что она живет двойной жизнью. Сестры больше не выбирались из дома. Обе проверяли, закрыты ли окна. Обе смотрели Си-эн-эн, Эм-эс-эн-би-си и «Фокс», пока от повторяющихся сюжетов не начинало воротить. Шеннон день ото дня становилась серьезнее, а Мэлори лелеяла надежду, что Проблема исчезнет.

Только она не исчезла, а, наоборот, усугубилась.

На четвертый месяц затворничества воплотились наихудшие опасения сестер: родители перестали отвечать на телефонные звонки. На имейлы они тоже не отвечали.

Мэлори хотела поехать на Верхний полуостров, но Шеннон отказалась.

– Нужно просто надеяться, что они живы-здоровы. Нужно надеяться, что у них отключили телефон. Мэлори, сейчас ездить вообще никуда не

стоит, даже в магазин. Девятичасовая поездка – чистое самоубийство.

Проблема неизменно выливалась в самоубийство. В «Фокс-ньюс» слово использовалось так часто, что пришлось искать синонимы – самоуничтожение, самоистребление, харакири. Один ведущий назвал печальный финал самоудалением, но такой вариант не прижился. В стране ввели комендантский час, советовали запираить двери, закрывать окна ставнями и, самое главное, не выглядывать на улицу. По радио музыку почти полностью заменили обсуждением Проблемы.

«Полное затемнение, – думает Мэлори. – Внешний, окружающий нас мир тает во мраке».

Никто не знает ответов. Никто не понимает, в чем дело. Люди видят нечто, заставляющее причинять боль другим. Причинять боль себе.

Люди гибнут.

Но почему?

Мэлори пытается успокоиться мыслями о ребенке, растущем у нее в чреве. Она находит у себя все симптомы, описанные в книге «Счастлирое ожидание» – небольшие кровотечения, усталость, гиперчувствительность груди. «Еще перемены настроения», – добавляет Шеннон, хотя куда неприятнее меняющиеся пристрастия в еде. Сестры боятся ехать в магазин и питаются тем, что запасли вскоре после покупки теста на беременность. Но у Мэлори теперь другие вкусы. От простой еды ее воротит, вот она и пробует разные сочетания – апельсиновые брауни, цыпленка с коктейльным соусом, сырую рыбу на тосте. До чего же хочется мороженого! Всякий раз, глядя на входную дверь, Мэлори думает, что на машине легко доберется до магазина. И пятнадцати минут не потратит. Стоит шагнуть к двери, как по телевизору рассказывают об очередной трагедии. Вдруг персонал магазинов на рабочем месте не появляется?

– Как думаешь, что они видят? – спрашивает Мэлори сестру.

– Не знаю, Мэл. Не знаю.

Этот вопрос сестры задают друг другу постоянно. В Сети появилось бесчисленное множество теорий. Все страшно пугают Мэлори. Одна из них – душевное расстройство от радиоволн, излучаемых беспроводными устройствами. Ошибочный скачок в эволюции человечества – другая. Эзотеристы считают, что дело в контакте людей с планетой, которая вот-вот взорвется, или с солнцем, которое вот-вот погаснет.

Некоторые полагают, что Землю наводнили какие-то твари.

Правительство велит держать двери на замке.

Мэлори одна сидит на диване и, массируя себе живот, смотрит телевизор. Ничего позитивного не показывают, и Мэлори тревожит, что ее

беспокойство передается ребенку. В «Счастлимом ожидании» предупреждают, что такое бывает – ребенок чувствует эмоции матери. Только от телеэкрана не оторваться. Они с Шеннон и компьютер не отключают. Негромко бормочет радио. Обстановка напоминает Мэлори военный штаб: они в центре рушащегося мира. Ощущения потрясающие. Становится по-настоящему страшно. Реклама исчезла. Ведущие новостей, не стыдясь, делают паузы, в прямом эфире показывая, как удивлены сообщениями, которые бесперебойно получают.

На фоне шума телевизора, компьютера и радио Мэлори слышно, как на втором этаже возится Шеннон. Пока Гэбриэл Таунс, один из основных ведущих Си-эн-эн, беззвучно читает с листа, который ему принесли, над головой у Мэлори раздается глухой стук, и она замирает.

– Шеннон! – кричит она. – Ты там как?

Гэбриэл Таунс неважно выглядит. В последнее время он то и дело в эфире. Канал Си-эн-эн признал, что многие корреспонденты перестали появляться в студии. А Таунс там ночует. «Прорвемся вместе» – его новый девиз. Прическа Гэбриэла уже не безупречна, студийный грим минимален. Но еще поразительнее усталая апатия, с которой он читает новости. Гэбриэл кажется измученным.

– Шеннон, иди сюда! Похоже, Таунсу принесли что-то новенькое.

Ответа нет. На втором этаже тишина. Мэлори встает и убавляет громкость телевизора.

– Шеннон!

Гэбриэл Таунс негромко рассказывает про обезглавливание в Толедо. От Мэлори это не дальше восьмидесяти миль.

– Шеннон, что ты там делаешь?

Ответа нет. Таунс тихо вещает по телевизору. Нет ни сопровождающей графики, ни музыки, ни рекламных вставок.

Мэлори стоит в центре гостиной и смотрит на потолок. Потом уменьшает громкость телевизора, отключает радио и поднимается по лестнице.

У поручней Мэлори медленно поднимает глаза на устанный ковром пролет. Свет не горит, но стену озаряют тонкие солнечные лучи. Мэлори сжимает поручень и ступает на ковер. Оглядывается на входную дверь и представляет себе мозаику из новостей, которые видела и слышала.

Мэлори поднимается по лестнице.

– Шеннон!

Мэлори уже в холле второго этажа. Идет по коридору и видит: из комнаты Шеннон льется солнечный свет. Она медленно подходит к двери

заглядывает в комнату.

Часть окна оголилась. Уголок одеяла открепился и висит, как тряпка.

Мэлори быстро отводит глаза. В комнате тихо, только с первого этажа слышен ропот телевизора.

– Шеннон!

Ванная в конце коридора. Дверь открыта. Свет горит. Мэлори идет на свет, задерживает дыхание и заставляет себя посмотреть.

Шеннон лежит на полу, уставившись в потолок. Из груди торчат ножницы. Вокруг Шеннон целое море крови, растекающейся по напольной плитке. Неужели в человеческом теле столько крови?

Мэлори кричит, хватается за дверную раму и, рыдая, оседает на пол. Резкий свет ванной выявляет напоказ каждый штрих жуткой картины. Неподвижные глаза Шеннон. Рубашку, ушедшую в грудь вместе с лезвиями ножниц.

Мэлори подползает к унитазу, и ее выворачивает наизнанку. Тело сестры так и липнет к ней. Она пробует привести Шеннон в чувство, но знает, что ничего не получится. Мэлори встает, разговаривает с Шеннон, сейчас, мол, сейчас тебе помогут. Потом вытирает кровь с рук и бежит вниз за телефоном. Телефон на диване. Она звонит в полицию. Никто не отвечает. Звонит снова. Никто не отвечает. Она звонит родителям. Никто не отвечает. Мэлори бежит к входной двери. Нужно вызвать подмогу. Она сжимает дверную ручку, а повернуть не может.

«По собственной воле Шеннон бы так не поступила, – думает Мэлори. – Господи, значит, это правда! Что-то и впрямь происходит».

То, что увидела Шеннон, совсем близко от дома. Лишь деревянная дверь отделяет Мэлори от того, что убило сестру. Но Шеннон это увидела.

За деревянной дверью воет ветер. Других звуков нет. Ни машин, ни соседей – только тишина.

Мэлори одна. Ей кто-то нужен – эта мысль озаряет с мучительной четкостью. Ей нужна безопасность. Нужно придумать, как выбраться из дома.

Перед глазами стоит Шеннон. Мэлори бежит на кухню, вытаскивает из-под раковины старые газеты и быстро-быстро перебирает. Дыхание сбилось, глаза вылезают из орбит – она просматривает самые последние страницы.

Вот эта газета!

Частное объявление. Ривербридж. Люди приглашают к себе в дом всех желающих. Мэлори перечитывает объявление. Потом еще раз. Она падает на колени, сжав газету в руке.

До Ривербриджа двадцать минут езды. Шеннон увидела что-то за окном, и оно ее убило. Нужно обезопасить себя и ребенка.

Судорожные вдохи смывает безбрежная река горячих слез. Что же делать?! Мэлори в жизни не было так страшно. Внутри все горит, она словно в огне.

Мэлори рыдает навзрыд. «Шеннон увидела... Увидела что-то за окном», – повторяет она. Слезы застилают глаза, но Мэлори перечитывает объявление.

Слезы падают на газету.

Глава 6

- В чем дело, мальчик?
- Мама, ты слышала?
- Что именно? Ну, говори!
- Послушай.

Мэлори слушает. Перестает грести и слушает. Она слышит ветер. Она слышит реку. Она слышит пронзительный крик птиц в небесной выси и возню мелких зверьков среди деревьев. Она слышит собственное дыхание и бешеный стук сердца. За всеми этими звуками – внутри их – слышится другой, которого она тут же пугается.

Что-то плывет за ними по реке.

– Молчите! – шипит Мэлори.

Дети молчат. Мэлори кладет весла на согнутые колени и замирает.

Перед лодкой в воде есть что-то большое. Оно периодически выныривает и плещется.

Мэлори так старалась защитить детей от безумия, а вот к реалиям старого мира не подготовила. Например, к тому, что дикие звери могут вернуть себе реку, которую бросил человек. Лодка кренится влево. Мэлори чувствует, как что-то горячее касается борта, где лежат весла.

Птицы на деревьях затихают.

Мэлори не решается вздохнуть, думая о детях.

Что играет с носом лодки?

«Это какое-то существо? – паникует Мэлори. – Только бы не тварь! О господи, пусть это будет зверь!»

Мэлори знает, если дети снимут повязки, если закричат, теряя рассудок, она глаза не откроет. Лодка снова движется, хотя Мэлори не гребет. Она берется за весло, чтобы махнуть им, но слышит плеск: существо рассекает водную гладь и, судя по звукам, уплывает. У Мэлори аж дыхание сбивается. Слева от нее шуршат прибрежные кусты: похоже, существо выползло на берег.

Выползло или вышло?

Вдруг оно стоит на берегу? Вдруг смотрит на деревья и на ил у себя под ногами?

Такие мысли напоминают о Томе. Миляга Том дни напролет размышлял, как выжить среди ужасов нового мира. Эх, сюда бы его! Он определил бы, кто издает тот звук. «Это барибал», – уверяет себя Мэлори.

Птицы снова начинают петь. Лесная жизнь продолжается.

– Вы молодцы, – потрясенно сипит Мэлори.

Она начинает грести. Шорох кусочков пазла, которые перебирает Девочка, сливается с ударами весел о воду.

Мэлори представляет, как плывут по реке ее дети в черных повязках, как солнце дразнит, распяляет им глаза. У самой Мэлори повязка сидит плотно, ткань влажная, возле ушей натирает. Порой Мэлори не обращает на это внимания, порой думает лишь о мерзкой царапающей материи. Периодически Мэлори погружает пальцы в ледяную воду и смачивает повязку там, где трет. Над ушами. На переносице. Узел на затылке. Влажная ткань коже приятнее, но привыкнуть к ней все равно трудно. «От повязки устают глаза, даже ресницы устают», – думает Мэлори, работая веслами.

«Барибал», – снова говорит она себе. Только уверенности нет.

Подобные самоувещевания предшествуют любому поступку Мэлори уже четыре с половиной года, с тех пор, как она откликнулась на объявление и приехала в Ривербридж. Каждый услышанный ею шорох страшнее любого зверя.

– Вы молодцы, – хвалит детей дрожащая Мэлори. Хочется подбодрить их, но голос звенит от страха.

Глава 7

Ривербридж.

В этих краях Мэлори уже бывала. Несколько лет назад встречала здесь Новый год. Как звали девушку, которая устраивала вечеринку? Марси? Мэрибел? С ней дружила Шеннон, она и вела машину в тот вечер. На дороге была снежная каша, вдоль переулков высились грязные сугробы. Сосульки добавляли в коктейли. Кое-кто полуголым выскакивал на улицу и писал на снегу «2009». Сейчас середина июля, лето в разгаре. Машину ведет Мэлори. Испуганная, осиротевшая, убитая горем.

Поездка – сущее мучение. Скорость не больше пятнадцати миль в час – Мэлори лихорадочно высматривает другие машины и указатели. Она закрывает глаза, потом снова открывает, и это не останавливаясь.

На дорогах ни души. В домах, мимо которых проезжает Мэлори, окна завешаны одеялами или закрыты досками. Витрины пусты, стоянка торгового центра пуста. На дорогу смотреть, на дорогу! Мэлори следует маршруту, который маркером выделила на карте. Руки едва справляются с рулем, глаза болят от слез. Мэлори задыхается от чувства вины перед сестрой, которую она бросила на полу ванной. Мертвую бросила!

Она не похоронила Шеннон. Она просто уехала.

Ни до больниц, ни до похоронных бюро Мэлори не дозвонилась. Кое-как прикрыла сестру желто-синим шарфом, который та любила.

Радио то работает, то нет. Ведущий говорит о войне. «Если человечество объединится...» – начинает он, потом слышен лишь треск. У обочины брошена машина. Дверцы распахнуты, рукав пиджака свисает с пассажирского сиденья на асфальт. Мэлори спешно отводит взгляд, закрывает глаза, потом смотрит на дорогу.

Радио оживает. Ведущий все еще говорит о войне. Мэлори замечает, как справа что-то движется. Мэлори не смотрит, закрывает правый глаз. Впереди, прямо в центре трассы, птица то опускается на что-то, то взлетает. Вблизи становится ясно, что птица кружит наддохлым псом. Мэлори переезжает пса. Автомобиль подсакивает, она ударяется головой о крышу, чемодан гремит на заднем сиденье. Мэлори трясется. Пес казался не простодохлым, а искореженным. Она закрывает глаза, потом снова открывает.

Птица, возможно, та же самая, каркает с неба. Мэлори проезжает Раундтри-стрит. Потом Боллем-стрит, потом Хортон-стрит. Чувствует, что

почти добралась. Слева что-то пронесется. Мэлори закрывает левый глаз, проезжает брошенный почтовый фургон. Письма валяются на асфальте. Птица летит слишком низко, едва не бьется о лобовое стекло. Мэлори кричит, закрывает оба глаза, потом снова открывает. И тут замечает нужный указатель.

Шиллингем.

Она поворачивает направо, притормозив, сворачивает за угол на Шиллингем-лейн. С картой сверяться нет нужды. Номер дома, 273, Мэлори помнит с самого начала поездки.

Улица пуста, если не считать пары машин, припаркованных у дома справа. Район – обычная окраина. Дома кажутся одинаковыми. Лужайки заросли. Все окна завешены. Мэлори взволнованно смотрит на дом, у которого стоят машины. Она уверена, что ищет именно его.

Закрывает глаза и жмет на тормоз.

Машина останавливается. Мэлори тяжело дышит, перед мысленным взором – дом.

Гараж справа, его бежевая дверь заперта. Крыша из коричневого рубероида, кирпичные стены облицованы белым сайдингом. Передняя дверь темно-коричневая. Окна закрыты. В доме есть чердак.

Глаза по-прежнему закрыты. Мэлори собирается с духом и берет чемодан. Дом футах в пятидесяти от места, где она остановилась. Машина даже не у обочины. Мэлори понимает это, но ей все равно. Чтобы успокоиться, она делает вдох, глубокий и медленный. Чемодан рядом, на пассажирском сиденье. Мэлори прислушивается, не разлепляя век. С улицы не доносится ни звука. Мэлори открывает водительскую дверь, выходит на улицу и тянется за вещами.

Ребенок пинается.

Мэлори охает, неловко цепляется за чемодан и открывает глаза. Глядит на живот, кладет на него руки и осторожно гладит.

– Приехали, – шепчет она.

Мэлори берет чемодан и вслепую бредет к лужайке перед домом. Едва почувствовав под ногами траву, шагает быстрее. Натыкается на куст. Запястье и бедро колют иголки. Мэлори отступает, прислушивается и, опасливо ступив по направлению к входной двери, чувствует под ногами асфальт подъездной дорожки.

Мэлори не ошибается. С грохотом втаскивает чемодан на крыльцо, шарит по кирпичной стене, нащупывает звонок. Звонит.

Сперва никто не отвечает. У Мэлори возникает недоброе предчувствие, что это тупик. Неужели она напрасно рисковала и ехала в

такую даль? Мэлори звонит еще раз. Потом еще раз. Потом еще. Ответа нет. Мэлори стучит, отчаянно барабанит в дверь.

Никто не отвечает.

А потом... потом Мэлори слышит приглушенные голоса.

«Господи, там кто-то есть! В доме кто-то есть!»

– Эй! – зовет Мэлори и пугается собственного голоса в тишине пустой улицы. – Эй! Я прочла ваше объявление в газете!

Снова тишина. Мэлори ждет и вслушивается. Наконец ей отвечают.

– Кто вы? – интересуется мужчина. – Откуда приехали?

Мэлори во власти надежды и облегчения. Во власти слез.

– Меня зовут Мэлори. Я приехала из Уэсткорта!

После паузы другой мужчина спрашивает:

– У вас глаза закрыты?

– Да, закрыты.

– Давно закрыты?

«Да впустите же меня, – думает Мэлори. – Впустите!»

– Нет, – отвечает она. – То есть да. Я приехала из Уэсткорта. Глаза закрывала при любой возможности.

Мэлори слышит приглушенные голоса. Люди спорят, впускать ее или нет.

– Я ничего не видела! – уверяет она. – Честное слово! Я не опасна. Глаза у меня закрыты. Прошу вас, впустите меня! Я прочла объявление в газете.

– Не открывайте глаза, – наконец велит мужчина. – Сейчас дверь распахнется. Постарайтесь войти побыстрее, ясно?

– Ясно! Конечно, ясно.

Мэлори ждет. Воздух неподвижен, значит, ничего не происходит. Потом щелкает ключ в замке. Она тут же делает шаг вперед. Чужие руки затаскивают ее в дом. Дверь захлопывается.

– погоди, – говорит женщина. – Нам нужно тебя ощупать. Нужно удостовериться, что ты одна.

Мэлори стоит с закрытыми глазами и слушает. Судя по звукам, обитатели дома шарят по стенам метлой. Несколько человек касаются ее плеч, шеи, ног. Кто-то становится у нее за спиной и барабанит пальцами по закрытой двери.

– Порядок, – говорит мужчина. – Мы закончили.

Мэлори открывает глаза и видит пятерых. Они стоят плечом к плечу. Толпятся в прихожей. Смотрят на Мэлори. Мэлори смотрит на них. У одного на голове шлем, на руках витки изолянта, переложенные ватными

шариками. Из ленты торчат ручки, карандаши, другие острые предметы – похоже на рыцарские доспехи, которые смастерил ребенок.

У двоих в руках метлы.

– Привет, – говорит «рыцарь». – Меня зовут Том. Ты ведь понимаешь, с чего такая подозрительность? Мало ли кто может проскользнуть к нам вместе с тобой.

Из-под шлема торчат светло-русые волосы. Лицо у Тома волевое. Голубые глаза светятся умом. Он чуть выше Мэлори, небрит, щетина рыжеватая.

– Да, понимаю, – отзывается Мэлори.

– Уэсткорт, – повторяет Том, приближаясь к ней. – Оттуда путь неблизкий. Ты смелая, раз рискнула сюда приехать. Давай, присядь и расскажи нам, что видела по дороге.

Мэлори кивает, но с места не сдвигается. Чемодан она стискивает так, что пальцы белеют и начинают ныть. К ней подходит другой мужчина, куда крупнее Тома.

– Давай чемодан поддержи, – предлагает он.

– Спасибо!

– Меня зовут Джулс. Живу здесь уже два месяца, как и большинство остальных. Только Том с Доном приехали чуть раньше.

Темные волосы Джулса кажутся грязными, словно он долго работал на улице. Судя по внешности, человек он добрый.

Мэлори поочередно разглядывает жильцов. Перед ней четверо мужчин и женщина.

– Я Дон, – представляется один. Волосы у него тоже темные, но длиннее, чем у Джулса. Он в черных брюках и фиолетовой рубашке на пуговицах с закатанными до локтей рукавами. На вид он старше Мэлори, ему лет двадцать семь – двадцать восемь. – Ты перепугала нас до чертиков. К нам никто неделями не стучался.

– Извините...

– Ничего страшного, – говорит четвертый мужчина. – Каждый из нас в свое время сделал то же самое. Меня зовут Феликс.

У Феликса усталый вид. Мэлори он кажется молодым, ему двадцать один – двадцать два. Длинный нос и пышные каштановые волосы делают его наружность почти карикатурной. Он высокий, как Джулс, но худой.

– А я Шерил, – говорит женщина, протягивает руку, и Мэлори ее пожимает.

Шерил менее приветлива, чем Том и Феликс. У нее каштановые волосы, ниспадающие на лицо. Она в майке. Кажется, ее тоже оторвали от

работы.

– Джулс, помоги! – просит Том. Он пытается снять шлем, но импровизированные доспехи мешают.

Джулс помогает.

Наконец шлем снят. Мэлори снова оглядывает Тома: светло-русые волосы спутались, бледные веснушки оживляют лицо. На бороду пока один намек, а вот усы посерьезнее. Клетчатой рубашкой и коричневыми слаксами Том напоминает Мэлори ее бывшего учителя.

Мэлори разглядывает Тома, не замечая, что Том разглядывает ею живот.

– Только не обижайся, но ты беременна?

– Да, – тихо отвечает Мэлори, испугавшись, что это создаст проблемы.

– Мать твою, что за сюр?! – восклицает Шерил.

– Шерил, не пугай ее, – говорит Том.

– Слушай, как бишь тебя, Мэлори? – не унимается Шерил. – Не сочти за стервозность, но взять в дом беременную – колоссальная ответственность.

Мэлори молча обводит взглядом обитателей дома, подмечая выражение их лиц. Они наблюдают за ней, решают, готовы ли приютить потенциальную роженицу. Мэлори вдруг понимает, что не думала о будущем с такой стороны. По дороге сюда у нее не возникало мыслей о том, что в Ривербридже она будет рожать.

На глаза наворачиваются слезы.

Злости как не бывало – Шерил качает головой и подходит к Мэлори.

– Господи, – бормочет она, – ну иди сюда, иди!

– Раньше я жила с сестрой, Шеннон, – говорил Мэлори. – Она погибла. Я ее бросила...

Теперь она рыдает навзрыд, но сквозь слезы ловит взгляды четырех мужчин. В глазах у них сострадание. Мэлори тут же чувствует, что у каждого из них свое горе.

– Пошли, я покажу тебе дом, – предлагает Том. – Можешь занять комнату на втором этаже. Я буду спать внизу.

– Нет, я не хочу отнимать комнату у кого-то из вас, – отказывается Мэлори.

– Я настаиваю, – заявляет Том. – Спальня Шерил на втором этаже в конце коридора. Феликс живет в смежной комнате с той, где поселишься ты. Мэлори, ты же беременна. Мы устроим тебя со всеми удобствами.

Мэлори ведут по коридору. Слева жилая комната, потом ванная. Мэлори видит свое отражение в зеркале и быстро отводит глаза. Дальше

кухня. На разделочном столе большие ведра.

– Вот гостиная, – показывает Том. – Мы здесь частенько собираемся.

Перед Мэлори комната побольше. В ней диван, приставной столик с телефоном, лампы, кресло, ковер. На стене картины в рамах, между ними календарь, нарисованный маркером. Окна завешаны черными одеялами.

В гостиную заходит пес – бордер-колли, – с любопытством смотрит на Мэлори, потом встает ей на ногу и ждет, чтобы погладила.

– Это Виктор, – говорит Джулс. – Ему шесть лет. Я взял его щенком.

Мэлори гладит Виктора. Шеннон он понравился бы.

Джулс выходит из гостиной с чемоданом Мэлори и поднимается по устланной ковром лестнице. И тут на стенах картины и фотографии. Джулс заносит чемодан в комнату на втором этаже. Даже снизу Мэлори видит окно, завешенное одеялом.

Шерил ведет ее к дивану. Мэлори усаживается, измученная горем и потрясениями. Шерил с Доном обещают приготовить еду.

– У нас консервы, – поясняет Феликс. – Запаслись мы в день, когда я сюда приехал. Незадолго до первого инцидента на Верхнем полуострове. Продавец подумал, что мы свихнулись. Мы накупили столько, что еще месяца на три хватит.

– Уже не на три, – уточняет Дон, исчезая в кухне.

«Он имел в виду, что появился лишний рот, то есть я?» – гадает Мэлори.

Том усаживается рядом с ней и спрашивает, что она видела по дороге. Его интересует любая мелочь, любой новый факт, а Мэлори кажется, что она помнит сплошную ерунду. Мэлори рассказывает про почтовый фургон. Про дохлого пса. Про пустые витрины и улицы, про брошенную машину и рукав пиджака.

– Я должен кое-что тебе объяснить, – говорит Том. – Во-первых, этот дом не принадлежит никому из нас. Хозяин погиб, подробности потом. Интернета нет – не было с тех пор, как мы сюда приехали. Мы думаем, вышки сотовой связи больше не обслуживаются. Персонал не выходит на работу. Или погиб. Письма не доставляют. Газеты тоже. Ты сотовый свой проверяла? Наши отключились недели три назад. Зато, хочешь верь, хочешь нет, работает стационарный телефон. Только я не знаю, кому звонить.

Шерил приносит стакан воды, тарелку с морковью и зеленым горошком.

– Стационарный телефон работает, – повторяет Том. – И свет есть. Местная электростанция использует гидроэнергию. Не знаю, может, и

электричество однажды отключится, но если шлюзы оставили закрытыми, турбины будут крутиться бесконечно. Иными словами, электричеством дом снабжает река. Ты в курсе, что тут рядом река? Если не случится ничего катастрофического, пока течет река, у нас все будет в порядке. Возможно, мы выживем. Я прошу слишком много? Да, пожалуй. Когда выходим к колодцу за водой – именно колодезной водой мы пользуемся, – слышен шум реки. Она ярдах в восьмидесяти от дома. Водопровод не работает, отключился вскоре после моего приезда. В ванной мы пользуемся ведрами, помой по очереди выливаем в ямы, которые вырыли в лесу. Разумеется, все это нужно делать вслепую.

Джулс спускается вниз, пес Виктор следом.

– Все готово, – объявляет он, кивая Мэлори.

– Спасибо, – тихо отвечает она.

Том показывает на картонную коробку на столике у стены.

– Повязки там. Надевай любую, когда понадобится.

Все смотрят на нее. Дон у входа на кухню. Феликс у завешенного окна. Джулс на лестнице, стоит на корточках рядом с Виктором. Шерил сидит на подлокотнике кресла. «Каждому есть о чем горевать, – думает Мэлори. – Они пострадали не меньше, чем я».

Мэлори пьет воду из стакана, который принесла Шерил, и поворачивается к Тому. В голову лезут мысли о Шеннон, но она борется с ними и устало заговаривает с Томом.

– Что за костюм был на тебе, когда я приехала?

– Доспехи?

– Ага.

– Сам еще не знаю, – с улыбкой отвечает Том. – Хочу смастерить защитный костюм. Думать нужно не только о глазах. Неизвестно ведь, что случится, если тварь тебя коснется.

Мэлори смотрит на других, потом снова на Тома.

– Вы верите в тварей?

– Верим, – отвечает Том. – Джордж, бывший хозяин дома, видел одну. Незадолго до своей гибели.

Мэлори не знает, что сказать, и машинально кладет руку на живот.

– Я не пытаюсь тебя напугать и скоро расскажу тебе о Джордже, – говорит Том. – Только ведь по радио твердили то же самое. По-моему, сейчас есть единое мнение на этот счет. Нас уничтожают живые существа. Достаточно увидеть одно – на секунду, а то и меньше, – и все, конец.

В гостиной словно потемнело. У Мэлори кружится голова, перед глазами плывет.

– Кем или чем бы ни были эти твари, человеческим умом их не понять. Они, как бесконечность, чересчур сложные, для нас недостижимые, так ведь?

Мэлори не улавливает слов Тома. У ног Джулса шумно дышит Виктор. Шерил спрашивает, как Мэлори себя чувствует. Том до сих пор говорит.

«Твари... бесконечность... у человеческого разума есть предел, Мэлори... эти существа... они за пределом... недостижимы... недостижимы...»

Тут Мэлори теряет сознание.

Глава 8

Просыпается Мэлори в новой спальне. Вокруг темно. На один чудесный миг новости о тварях и безумии кажутся ей страшным сном. Мэлори с трудом вспоминает Ривербридж, Тома, Виктора, поездку, но полной ясности нет, пока она не поднимает глаза к потолку. Тогда Мэлори осознает, что в этой комнате прежде не просыпалась.

А Шеннон мертва.

Мэлори медленно садится и смотрит на окно, единственное в комнате. Черное одеяло, прибитое к стене, защищает от внешнего мира. За кроватью старое трюмо. Изначально розовое, оно поблекло от времени, но зеркало чистое. В нем Мэлори бледнее обычного. Из-за этого ее черные волосы кажутся еще чернее. У основания зеркала горсть гвоздей, молоток, гаечный ключ. Кровать, трюмо – вот и вся мебель.

Мэлори свешивает ноги с края матраса и на полу, застланном серым ковром, видит второе одеяло, черное, аккуратно свернутое. «Запасное», – думает она. Еще есть небольшая стопка книг.

Мэлори смотрит на дверь и слышит голоса, доносящиеся с первого этажа. Новых соседей она пока не знает и на слух может отличить лишь Шерил, единственную женщину, и Тома, чей голос останется с ней на долгие годы.

Мэлори встает. Ковер под ногами старый и жесткий. Она идет к двери и выглядывает в коридор. Мэлори отдохнула и чувствует себя неплохо. Голова больше не кружится. На Мэлори та же одежда, в которой она потеряла сознание накануне вечером. Она спускается по лестнице в гостиную.

Деревянная дверь совсем близко. Мимо проходит Джулс со стопкой грязных вещей.

– Привет! – говорит он, кивая, и спешит по коридору в ванную. Потом слышится плеск: Джулс бросает белье в ведро с водой.

Мэлори поворачивает к кухне. Дон и Шерил стоят у раковины. Дон зачерпывает воду из ведра. Шерил слышит шаги и оборачивается.

– Вчера ты нас напугала, – говорит она. – Как ты сейчас, получше?

Мэлори вспоминает, что накануне потеряла сознание, и краснеет.

– Да, сейчас получше. Вчера был непростой день.

– Каждый из нас прошел через подобное, – говорит Дон. – Ничего, привыкнешь. Скоро здешняя жизнь малиной покажется.

– Дон – циник, – добродушно поясняет Шерил.

– На самом деле нет, – заявляет Дон. – Мне здесь нравится.

Мэлори подсказывает: Виктор лизнул ей руку. Она тянется его погладить и слышит музыку из столовой. Мэлори пересекает кухню и заглядывает в столовую. Там ни души, просто радио работает.

Мэлори снова смотрит на Шерил и Дона. Они у раковины, чуть дальше дверь подвала. Мэлори собирается спросить про подвал, когда слышит голос Феликса. Он в гостиной, громко называет адрес дома.

«...Шиллингом, двести семьдесят три. Меня зовут Феликс. Мы ищем... выживших...»

Мэлори заглядывает в гостиную. Феликс разговаривает по стационарному телефону.

– Он наугад звонит.

Мэлори опять подсказывает, на сей раз от голоса Тома, который вместе с ней заглядывает в гостиную.

– Здесь нет телефонного справочника?

– Нет, как ни досадно.

Феликс набирает другой номер.

– Хочешь спуститься со мной в подвал? – спрашивает Том, сжимая листок бумаги и карандаш.

Мэлори идет за ним через кухню.

– Решил запасы проверить? – интересуется Дон, когда Том открывает дверь подвала.

– Угу.

– Скажешь мне потом, сколько чего осталось?

– Конечно.

Том входит первым. Мэлори спускается за ним по деревянным ступеням. Пол в подвале земляной. Во мраке Мэлори вдыхает запах сырой земли и чувствует ее босыми ногами.

Неожиданно включается свет – это Том потянул за веревку у лампочки. Зрелище пугающее: перед Мэлори не подвал, а настоящий склад. Бесконечные деревянные стеллажи заставлены консервами. От потолка до земляного пола это место напоминает бункер.

– Это все Джордж устроил, – говорит Том, показывая на стеллажи. – Он в самом деле время опередил.

Слева от Мэлори занавес из прозрачной ткани, освещенный лишь частично. За ним стиральная машина и сушилка.

– Кажется, еды много, – говорит Том, показывая на банки. – На самом деле нет. Дон больше всех беспокоится о том, сколько у нас осталось.

– Как часто ревизию проводите? – спрашивает Мэлори.

– Раз в неделю. А если я теряю покой, то спускаюсь сюда и считаю банки через день после плановой ревизии.

– Здесь прохладно.

– Угу. Классический холодный погреб. Идеальные условия.

– А если консервы кончатся?

Том поворачивается к Мэлори. В свете лампы лицо у него такое доброе!

– Раздобудем еще. Наведаемся в продуктовые. В другие дома. Уж как получился.

– Да, верно, – кивает Мэлори.

Пока Том делает отметки, она осматривает подвал.

– По-моему, это место – самое безопасное в доме, – говорит она.

Том отрывается от записей и обдумывает ее слова.

– А по-моему, чердак безопаснее.

– Почему?

– Ты обратила внимание на замок на подвальной двери? Дверь старая. Запирается, но старая. Можно подумать, сначала построили подвал, потом, много лет спустя, добавили к нему дом. А вот чердачная дверь... На ней замок выдающийся. Если понадобится обороняться, если одна из тварей проберется в дом, я позову всех на чердак.

Мэлори машинально возводит глаза к потолку и обнимает себя за плечи.

Если понадобится обороняться...

– Судя по тому, что осталось, мы продержимся еще месяца три-четыре, – объявляет Том. – Кажется, много, только время здесь летит. Дни сливаются. Поэтому мы и завели календарь на стене гостиной. Впрочем, счет дней уже не важен, но календарь помогает связать нынешнюю жизнь с прежней.

– Возможностью следить за ходом времени?

– Да, и тем, как мы его проводим.

Мэлори садится на невысокую табуретку. Том продолжает что-то записывать.

– Когда закончим здесь, я покажу тебе, что и как мы делаем по хозяйству, – обещает Том и показывает куда-то между полками и занавесом. – Видишь, что там?

Мэлори поднимает глаза, но не понимает, о чем речь.

– Иди сюда!

Том ведет ее к стене, туда, где сломана кладка. За кирпичами видна

земля.

– Даже не знаю, пугает меня это или радует.

– В каком смысле?

– Земля голая. Значит ли это, что мы можем начать рыть? Строить туннель? Второй подвал? Еще просторнее? Или это другой путь на улицу?

Глаза Тома ярко блестят в свете лампы.

– Понимаешь, если твари захотят прорваться в дом... Они прорвутся. Если бы хотели, наверное, уже прорвались бы.

Мэлори смотрит на брешь в стене и представляет, как беременная станет рыть туннели. И червей представляет.

– Чем ты занимался, пока все это не началось? – спрашивает она после небольшой паузы.

– Чем занимался? Учителем. Восемиклассников учил.

– Так я и думала, – кивает Мэлори.

– Знаешь, мне это многие говорят. Очень многие! И мне нравится. – Том поправляет воображаемый воротничок. – Сегодня, дети, я расскажу вам правду о консервах. Так что закройте рты, мать вашу!

Мэлори хохочет.

– А ты чем занималась?

– Поработать я не успела, – отвечает Мэлори.

– Ты ведь сестру потеряла? – осторожно спрашивает Том.

– Да.

– Сочувствую, – говорит он и добавляет: – Я потерял дочь.

– О господи!

Том делает паузу, словно решая, рассказывать ли Мэлори подробности.

– Мать Робин умерла при родах, – начинает он. – Жестоко такое тебе говорить, ты ведь в положении. Но если нам с тобой знакомиться по-настоящему, ты должна услышать эту историю. Робин была чудесной девочкой, в восемь лет куда умнее своего отца. Любила разные странности. К примеру, инструкции к игрушкам обожала намного больше самих игрушек, а титры к фильмам – больше самих фильмов. Любила читать, даже выражение моего лица читала. Однажды заявила, что из-за волос я похож на солнце. «В смысле, сияю как солнце?» – спросил я. «Нет, папочка, ты сияешь как луна, когда на улице темно». Когда посыпались сообщения, а люди начали воспринимать их всерьез, я, как многие родители, решил не поддаваться страху. Отчаянно старался поддерживать привычный ритм жизни. Особенно хотелось, чтобы это прочувствовала Робин. В школе она, конечно, слышала разговоры, только я не желал, чтобы моя девочка боялась. Со временем притворяться стало невмоготу. Вскоре родители

начали забирать детей из школы. Потом сама школа закрылась. Временно. Точнее, пока мы не убедим родителей, что в школе безопасно. Смутное было время, Мэлори. Я ведь тоже учитель... Моя школа закрылась примерно в то же время. Так мы с дочкой оказались дома, наедине друг с другом. Я понял, что Робин выросла. Она мыслила почти как взрослая. Только разве восьмилетка поймет сообщения, которыми пестрят новости? Я пытался не скрывать их от нее, но родительские чувства брали свое, и порой приходилось переключать станции. Радио доконало Робин. По ночам ей стали сниться кошмары. Я подолгу успокаивал дочку и постоянно чувствовал, что лгу. Мы договорились больше не смотреть в окна. Мы договорились, что без моего разрешения на улицу Робин ни ногой. Порой я внушал, что ей ничего не грозит, но при этом существует огромная опасность. Робин стала спать на моей кровати, но однажды утром я проснулся и дочку не увидел. Накануне она говорила, что скучает по прежней жизни. Что скучает по маме, которую никогда не видела. Робин, восьмилетняя девочка, потрясла меня, посетовав, что жизнь несправедлива. Не увидев дочь рядом с собой, я решил, что она привыкает. К новой жизни привыкает. Боюсь, накануне вечером моя дочь утратила детскую наивность и раньше меня поняла, что творится за пределами нашего дома. – Том замолкает и смотрит на пол. – Я нашел дочь в ванне, Мэлори. В воде. Запястья Робин исполосовала себе бритвой, которой я при ней брился тысячи раз. Вода покраснела. Кровь испачкала стены. Кровь капала с бортиков ванны. И это ребенок. Восьмилетка. Она на улицу выглянула? Или сама на такое решилась? Ответ я не узнаю никогда.

Мэлори обнимает Тома.

Он не плачет. Подходит к стеллажам и снова берется за записи.

Мэлори думает о Шеннон. Она тоже погибла в ванной. Она тоже покончила с собой.

Том заканчивает ревизию и спрашивает, готова ли Мэлори идти наверх. Он тянется к веревке у лампочки и замечает, что Мэлори смотрит на брешь в стене.

– Жутко, да? – спрашивает он.

– Угу.

– А ты борись с собой. Это же предрассудки, одна из старейших фобий.

– О чем ты?

– О страхе перед подвалами.

Мэлори кивает.

Том дергает за веревку, и свет гаснет.

Глава 9

«Твари, – думает Мэлори. – Что за тупое слово!» Дети молчат, на берегах тихо. Слышно, как весла рассекают воду, двигаются в такт ударам сердца Мэлори. Когда синхронность нарушается, Мэлори словно умирает.

Твари...

Мэлори это слово никогда не нравилось. Она не считала тварями тех, кто преследовал ее четыре с лишним года. Тварь – это слизняк в саду. Или дикобраз. С теми, кто рыскает за опущенными шторами и заставляет ее жить вслепую, экстерминатору не справиться.

«“Варвары” тоже неверно. Варвары грубые, отчаянные. И дикари тоже». Весла рассекают воду, каждый гребок отдается в плечо.

«“Мастодонт” – это пальцем в небо. Вдруг они крошечные?»

Путешествие в самом начале, а у Мэлори от гребли ноют мышцы. Рубашка намочена от пота. Ноги замерзли. Повязка продолжает натирать.

«Демоны? Бестии? Вариантов сколько угодно».

Шеннон рассталась с жизнью, увидев одного или одну из них. Родителей наверняка постигла та же участь.

«“Черты” – слишком мягко. “Звери” – опять пальцем в небо».

Мэлори и пугают, и завораживают те, кто преследуют лодку по реке.

«Они хоть понимают, что делают? Они нарочно?»

Сейчас ей кажется, что планета вымерла, что лодка – последнее сосредоточение жизни. С каждым гребком мир раскрывается за носом лодки: пустой шар, туманный, безлюдный.

«Если они не понимают, что творят, то злодеями считаться не могут».

Дети давно молчат. В небе поет еще одна птица. В воде плещется рыба. Мэлори никогда не видела эту реку. Какая она? По берегам растут деревья? Может, там и дома стоят?

«Они чудища, – думает Мэлори, но понимает, что дело не только в этом. – Они бесконечность».

– Мама! – вдруг кричит Мальчик.

Громкое карканье хищной птицы эхом разносится по реке.

– В чем дело, Мальчик?

– Кажется, я слышу мотор.

– Что?

Мэлори бросает весла и прислушивается.

Издалека, почти заглушаемый плеском воды, доносится рев мотора.

Мэлори тотчас его узнает. Вместо радостного предвкушения встречи с другим человеком ее одолевает страх.

– Пригнитесь оба! – велит Мэлори и откладывает весла.

Лодка плывет по течению.

«Мальчик услышал мотор, – беззвучно говорит себе Мэлори. – Он услышал мотор, потому что ты правильно его воспитала. Теперь уши у него намного чувствительнее глаз».

Она глубоко вдыхает и ждет. Шум мотора приближается. Та лодка идет вверх по реке.

– Ой! – взвизгивает Мальчик.

– В чем дело?

– Ухо болит! Я о дерево ударился.

Мэлори думает, что это хорошо. Раз Мальчик задел дерево, значит, они у берега. Немного удачи они заслужили. Вдруг она им улыбнется и листва их спрячет?

Другая лодка теперь куда ближе. Мэлори ее увидела бы, не будь повязки.

– Не снимайте повязки, – говорит она детям.

Шум мотора нагоняет их лодку, но не удаляется.

«Тот, кто на той лодке, нас видит», – думает Мэлори.

Мотор резко глохнет. В воздухе пахнет бензином. Гулкие шаги доносятся, очевидно, с палубы.

– Эй! – кричат с лодки.

Мэлори не отвечает.

– Эй, не бойтесь! Можете снять повязки! Я обычный человек!

– Повязки не снимать! – тотчас говорит Мэлори детям.

– Мисс, ничего страшного нет, поверьте. Мы с вами одни.

Мэлори замирает. Потом чувствует, что выбора нет, и отвечает незнакомцу:

– Откуда такая уверенность?

– Мисс, я сейчас без повязки. Так я провел на реке весь сегодняшний день. И вчерашний тоже.

– Без повязки нельзя, – парирует Мэлори. – Вы прекрасно это знаете.

Незнакомец хохочет.

– Бояться нечего, – твердит он. – Можете мне поверить. На реке мы с вами одни. Случайно встретились, только и всего.

– Нет! – кричит Мэлори детям, отталкивает Девочку и снова берется за весла.

Мужчина вздыхает.

– Мисс, ну зачем так жить? Подумайте о детях! Неужели вы лишите их шанса полюбоваться таким прекрасным днем?

– Не приближайтесь к нашей лодке, – категорично говорит Мэлори.

Молчание. Мужчина не отвечает. Мэлори собирается с духом. Ей кажется, что она в западне. Она беззащитна в утлой лодчонке, прижатой берегу. Беззащитна на этой реке. Беззащитна в этом мире.

В воде что-то плещется. Мэлори испуганно охает.

– Мисс, речной пейзаж прекрасен, если вы не против легкого тумана. Когда вы в последний раз выглядывали на улицу? Несколько лет назад? Вы реку-то видели? В погожий день? Вы небось уже забыли, что такое погода.

Мэлори прекрасно помнит внешний мир. Помнит, как школьницей возвращалась домой по туннелю из осенних листьев. Помнит соседские дворы, сады, дома. Помнит, как вместе с Шеннон валялась на траве за домом, рассматривала облака и решала, на кого из одноклассников они похожи.

– Мы повязки не снимем, – заявляет Мэлори.

– А я с ними покончил, мисс, – говорит незнакомец. – Я просто живу дальше и вам советую, попробуйте?

– Оставьте нас в покое! – велит Мэлори.

Мужчина снова вздыхает.

– Они не могут преследовать вас вечно, – говорит мужчина. – И жить так вас вечно не заставят. Вы в курсе, мисс?

Мэлори тянется правым веслом, чтобы оттолкнуться от берега. Точнее, она надеется, что сумеет оттолкнуться.

– Сейчас я сниму вам повязки, – неожиданно говорит мужчина.

Мэлори замирает.

Голос у него звучит грубовато, даже зло.

– Вот ведь, двое на реке встретились, – не унимается мужчина. – Четверо, если считать малышей. Они-то не виноваты в том, как вы их растите. Мне одному хватает пороху смотреть на мир. А вы живете в страхе, вы боитесь постоянно, то больше, то меньше.

Теперь голос доносится из другого места. «Наверное, в нос лодки перебрался», – думает Мэлори. Ей бы только протиснуться мимо него. Ей бы только уплыть подальше от брошенного утром дома.

– Только представьте себе, я их видел! – Голос мужчины звучит пугающе близко.

Мэлори хватается Мальчика за шиворот и тянет к себе. Малыш стучается о стальное днище лодки и вскрикивает от боли.

Мужчина смеется.

– Они вовсе не ужасные, мисс.

Мэлори снова отталкивается от берега, отчаянно молотит веслом, ищет что-нибудь твердое, а попадаются корни и ветки. Ил.

«Сейчас он сойдет с ума, – думает Мэлори. – И на всех нас набросится».

– Куда вы направляетесь? – орет мужчина. – Будете вопить каждый раз, когда ветка хрустнет?

Мэлори не удается оттолкнуть лодку от берега.

– Не снимайте повязки! – кричит она детям.

Мужчина якобы видел тварь. Где? Когда?

– По-вашему, я свихнулся, да?

Наконец весло упирается в твердую землю. Мэлори, кряхтя, отталкивается. Лодка двигается. Мэлори думает, что прорвется, потом с силой врезается в лодку незнакомца и визжит.

«Он заманил тебя в ловушку».

Неужели он сорвет с них повязки?

– Эй, кто здесь ненормальный? На себя взгляните! Двое встречаются на реке...

Мэлори раскачивается взад-вперед. За лодкой она чувствует брешь, неверную тень шанса.

– ...один смотрит на небеса...

Мэлори ощущает, как весло вонзается в землю.

– ...другой управляет лодкой с завязанными глазами.

Лодка почти протиснулась.

– Вот я и спрашиваю себя...

– Ну, давай! – кричит Мэлори.

– ...кто здесь свихнулся?

Мужчина хохочет. Кажется, что его смех улетает на небеса, о которых он говорил. Мэлори хочется спросить, где он видел тварь, но она не спрашивает.

– Оставьте нас в покое! – кричит она.

Мэлори работает веслами так, что в лодку попадает холодная речная вода. Девочка взвизгивает. «Спроси, где он видел тварей», – беззвучно говорит себе Мэлори. Вдруг безумие его еще не одолело? Вдруг у этого мужчины оно развивается медленнее? Вдруг он совершит еще один добродетельный поступок, прежде чем окончательно утратить связь с реальностью?

Лодка вырывается из тисков.

Том однажды сказал, что каждый теряет рассудок по-своему. Мол,

сумасшедший безумнее уже не станет, а здравомыслящий теряет рассудок не в одночасье.

– Откройте глаза, Христа ради! – вопит мужчина.

Голос изменился и теперь звучит, как у пьяного.

– Не убегайте, мисс! Откройте глаза! – умоляет он.

– Не слушайте его! – орет Мэлори.

Мальчик прижался к ней. Девочка хнычет у нее за спиной. Саму Мэлори колотит.

– Дети, ваша мама сошла с ума. Снимайте повязки!

Мужчина вдруг начинает выть и клохтаться. Звуки такие, будто в горле у него что-то умерло. Сколько времени осталось до того, как он задушит себя веревкой или сунет голову в гребной винт лодочного мотора?

Мэлори гребет изо всех сил. Повязка у нее сидит недостаточно туго.

«То, что он видел, близко. То, что он видел, – здесь, на реке».

– Не снимайте повязки! – снова кричит Мэлори и гребет мимо лодки незнакомца. – Вам ясно? Отвечайте!

– Да, мама, – говорит Мальчик.

– Да, – вторит ему Девочка.

Мужчина снова воет, но он уже дальше от лодки Мэлори. Кажется, он хочет крикнуть, но забыл как.

Когда их лодка проплывает ярдов сорок, и гул мотора почти стихает, Мэлори касается плеча Мальчика.

– Не волнуйся, мама, – говорит Мальчик.

Мэлори ощупью находит руку Девочки и сжимает. Потом отпускает обоих детей и снова берется за весла.

– Тебя обрызгало? – спрашивает она Девочку.

– Да, – отвечает та.

– Вытрись одеялом, сейчас же!

Воздух снова пахнет чистотой. Водой. Деревьями.

Пары бензина остались далеко позади.

«Помнишь, как пахло в доме?» – беззвучно спрашивает себя Мэлори.

Даже ужасная встреча с незнакомцем в лодке не может вычеркнуть из памяти спертую духоту дома. Так было и в день приезда Мэлори, и сегодня утром.

У Мэлори нет ненависти к мужчине в лодке. Только жалость.

– Вы большие молодцы! – хвалит Мэлори детей и, дрожа, гребет дальше.

Глава 10

Мэлори живет в доме уже две недели. Она и ее соседи питаются консервами из подвала и мясом из морозильной камеры. Каждое утро, просыпаясь, Мэлори радуется тому, что электричество еще не отключилось. Новости теперь поступают лишь по радио, только Родни Барретту, последнему диджею, сообщить нечего. Вот он и болтает всякую ерунду. Злится. Сквернословит. Соседи Мэлори утверждают, что он уже засыпал в прямом эфире. Тем не менее радио они слушают, и Мэлори понимает почему. Тихонько ли бормочет Барретт или на всю столовую, где стоит приемник, диджей – последняя ниточка, соединяющая их с внешним миром.

Мэлори чувствует себя затворницей. Невероятная клаустрофобия давит на нее и на малыша.

Впрочем, сегодня у обитателей дома вечеринка. Все шестеро собрались за обеденным столом. Помимо консервов, туалетной бумаги, батареек, свечей, одеял и инструментов в подвале нашлось несколько бутылок рома, который прекрасно дополняет травку от Феликса (он смущенно признался, что ожидал встретить в доме хиппи, а наткнулся на совершенно «правильную» компанию). Мэлори единственная, кто не курит и не пьет: ей-то нельзя терять голову. Только настроение соседей действует и на нее, да еще Родни Барретт в кои веки поставил музыку. Поэтому Мэлори улыбается, а то и смеется, вопреки непостижимым ужасам, которые стали обыденностью.

В столовой есть пианино. Как и юмористические романы, составленные стопкой у трюмо в ее комнате, оно кажется обломком другой жизни, ныне почти неуместным.

Сегодня на пианино играет Том.

– В каком ключе мелодия? – орет вспотевший Том Феликсу через всю столовую. – Ты про тональность знаешь? Ноты знаешь?

Феликс улыбается и качает головой.

– Нет, Том, откуда мне знать, черт подери? Но я с удовольствием тебе подпою.

– А вот этого не надо, – с улыбкой просит Дон, потягивая ром из стакана.

– Не, пою я классно! – уверяет Феликс, ослабившись.

Феликс встает, спотыкается и бредет к пианино. Вместе с Томом они

поют «Ди-Лавли». Приемник стоит на комодe с зеркалом. Музыка, которую завел Родни Барретт, диссонирует с хитом Коула Портера.

– Эй, Мэлори, как ты? – спрашивает Дон, сидящий за столом напротив Мэлори. – Как тебе здесь? Пока нравится?

– Все нормально, – отвечает Мэлори. – Я о ребенке много думаю.

Дон улыбается, но улыбка у него грустная. Мэлори знает, что он тоже потерял сестру. Каждый из обитателей дома пережил ужасную потерю. Родители Шерил в панике уехали на юг, с тех пор от них ни слуху ни духу. Феликс, когда звонит наугад, всегда надеется на весточку о братьях. Джулс часто рассказывает о Сидни, своей невесте, которую нашел в канаве неподалеку от дома, прежде чем ответил на то же объявление, что и Мэлори. Горло у Сидни было перерезано. Но самой страшной Мэлори кажется история Тома. Если слово «страшный» еще не обесценилось окончательно.

Сейчас Мэлори слушает, как он играет на пианино, и у нее сердце разрывается от жалости.

Вот «Ди-Лавли» заканчивается, и снова слышно одно радио. Песня, которую поставил Родни Барретт, тоже заканчивается, и диджей начинает говорить.

– Слушайте, слушайте! – восклицает Шерил и подходит к комоду, где стоит приемник. – Голос у Барретта унылее обычного.

Том не обращает внимания на радио – попивает ром, потеет, коряво играет начальные аккорды «Я ощущаю ритм» Джорджа Гершвина. Дон поворачивается к приемнику удостовериться, права ли Шерил. Джулс сидел у стены и гладил Виктора, а тут тоже поворачивается на звук.

«Твари, что вы у нас забрали? – начинает Родни Барретт, растягивая слова. – Что вы здесь делаете? У вас хоть цель есть?»

Дон встает из-за стола и подходит к Шерил. Том отрывается от клавиш.

– Впервые слышу, чтобы он напрямую обращался к тварям, – говорит он с табуретки у пианино.

«Мы теряли матерей и отцов, сестер и братьев, – продолжает Родни Барретт. – Мы теряли мужей и жен, друзей и любовников. Но хуже всего отдавать вам детей. Как вы смеете заставлять детей смотреть на вас?»

Мэлори наблюдает за Томом. Тот слушает с отсутствующим видом. Мэлори подходит к нему.

– Барретта и раньше заносило, – говорит Шерил. – Но такого не припомню.

– Я тоже, – отзывается Дон. – Послушать, так он пьянее нас.

– Том! – зовет Мэлори, усаживаясь на скамейку рядом с ним.

– Сейчас он покончит с собой, – вдруг предрекает Дон.

Мэлори поднимает голову – хочет, чтобы Дон заткнулся, – и слышит то же самое. Голос Родни Барретта пропитан черным отчаяньем.

«Сегодня я околпачу вас, – обещает Родни Барретт. – Сегодня я украду у вас единственное, что у меня осталось».

– Боже! – восклицает Шерил.

Приемник затихает.

– Шерил, выключи радио! – велит Джулс. – Выключи!

Пока Шерил тянется к приемнику, в колонках грохочет выстрел.

Шерил вскрикивает. Виктор лает.

– Что за черт? – спрашивает Феликс, тупо глядя на приемник.

– Барретт сдержал слово, – бесцветным голосом объясняет Джулс. – Даже не верится.

Воцаряется тишина.

Том встает со скамейки и выключает радио. Феликс потягивает ром. Джулс опустился на одно колено и успокаивает Виктора.

Тут, словно эхо выстрела, доносится стук во входную дверь.

Один, и тут же второй.

Феликс делает шаг к двери, и Дон хватается его за руку.

– Просто так дверь не открывай, – говорит он. – Ты что, не в себе?

– Я и не собирался просто так! – огрызается Феликс, вырывая руку.

В дверь стучат снова.

– Эй! – кричит женщина.

Все в столовой замирают.

– Кто-нибудь, откройте ей, – просит Мэлори и поднимается со скамейки, чтобы открыть дверь, но Том ее опережает.

– Да, мы здесь, – отвечает он. – Кто вы?

– Олимпия! Меня зовут Олимпия. Пустите меня!

Том останавливается. Вид у него пьяный.

– Вы одна? – спрашивает он.

– Да!

– Глаза закрыты?

– Да, закрыты. Мне очень страшно. Пожалуйста, впустите меня.

Том смотрит на Дона.

– Кто-нибудь, принесите метлы, – велит он.

Джулс уходит за метлами.

– Еще одного едока мы не потянем, – заявляет Дон.

– Ты с ума сошел, – осаживает его Феликс. – За дверью женщина...

– Я-то как раз мыслю здраво, – огрызается Дон. – Мы не можем кормить всю страну.

– Но женщина прямо сейчас к нам стучится, – напомнил Феликс.

– А мы пьяны, – говорит Дон.

– Да ладно тебе, – осаживает его Том.

– Не делай из меня злодея, – парирует Дон. – Ты понимаешь все не хуже меня.

– Эй! – снова зовет женщина.

– Держитесь! – отзывается Том.

Они с Доном бурвят друг друга взглядами. В прихожую возвращается Джулс и протягивает Тому метлу.

– Делайте что хотите, – отмахивается Дон. – Значит, голодать начнем раньше.

Том поворачивается к входной двери.

– Всем закрыть глаза! – велит он.

Мэлори слышит, как его шаги скрипят по деревянному полу прихожей.

– Олимпия! – окликает он.

– Да!

– Сейчас я открою дверь. Как услышите, что она открыта, постарайтесь войти побыстрее, ясно?

– Да!

Мэлори слышит скрип двери, потом беспорядочный шум: наверное, Том затаскивает Олимпию в дом, как две недели назад затащили ее. Дверь захлопывается.

– Не открывайте глаза! – велит Том. – Сейчас я вас проверю. Нужно убедиться, что вы одна.

Метла шуршит по стенам, по полу, по входной двери, по потолку.

– Порядок, – наконец объявляет Том. – Все чисто.

Мэлори открывает глаза и рядом с Томом видит красивую бледную брюнетку.

– Спасибо! – сдавленно благодарит та.

Том что-то говорит, но его перебивает Мэлори.

– Ты беременна? – спрашивает она Олимпию.

Та смотрит на свой живот, дрожит и, подняв глаза, кивает.

– Уже четыре месяца, – отвечает она.

– Вот тебе на! – восклицает Мэлори, приближаясь к ней. – У меня примерно столько же.

– Мать вашу! – ругается Дон.

– Я ваша соседка, – объясняет Олимпия. – Простите, что напугала.

Муж у меня летчик. Он уже несколько недель не объявляется. Наверное, погиб. Я услышала, как вы играете на пианино. Сразу прийти не хватило смелости. В обычное время я бы кексы принесла.

Невинный лепет Олимпии прорывается сквозь мрак, сквозь ужасный ужас, который обитатели дома только что слышали по радио.

– Мы рады, что ты пришла, – говорит Том, но в его голосе Мэлори чувствует усталость и напряжение. Теперь придется заботиться о двух беременных.

– Да ты проходи.

Новую соседку ведут в гостиную. У первой ступеньки она охает и показывает на фотографию, которая висит на стене.

– Ой, он здесь? – спрашивает она.

– Джорджа больше нет, – отвечает Том. – Вы наверняка с ним знакомы. Изначально дом принадлежал ему.

Олимпия кивает.

– Да, я много раз его видела.

Все собираются в гостиной. Том усаживает Олимпию на диван. Мэлори слушает, как он мрачно расспрашивает новенькую о ее доме. Что было. Что осталось. Что можно использовать.

Глава 11

По подсчетам Мэлори, она гребет уже три часа. Мышцы рук горят. На дне лодки плещется холодная вода – набралась постепенно, с каждым гребком, с каждым движением весел. Несколько минут назад Девочка сказала, что хочет пи́сать. Мэлори велела ей попи́сать. Теплая моча смешивается с речной водой. Мэлори чувствует тепло сквозь туфли, думает о мужчине в лодке, с которым они столкнулись.

«Дети не сняли повязки, – думает Мэлори. – В жизни ведь чужих голосов не слышали, но обмануть себя не дали».

Она вымуштровала их на славу. Только думать об этом не хочется. Вымуштровала, значит, запугала настолько, что им страшно послушаться. Сама она в детстве постоянно бунтовала против родителей. Не разрешали сладкое – она приносила его домой тайком. Не разрешали фильмы ужасов – Мэлори ночами прокрадывалась в гостиную и включала телевизор. Когда родители запретили ей спать в гостиной на диване, она передвинула туда свою кровать. Такие выкрутасы наполняли детство яркими красками, а Мальчик и Девочка их лишены.

Мэлори учила младенцев просыпаться с закрытыми глазами: стояла у кроваток, завешенных мелкой сеткой, сжимала в руках мухобойку и ждала. Ребенок просыпался, открывал глаза – и Мэлори тут же била нарушителя по ручке. Малыши плакали, а Мэлори наклонялась и смыкала им веки. Если дети слушались и не открывали глаза, она расстегивала рубашку и кормила их. Награда!

– Мама, это был тот дядя, который поет по радио? – спрашивает Девочка, имея в виду любимую кассету Феликса.

– Нет, – говорит Мальчик.

– Тогда кто он? – допытывается Девочка.

Мэлори поворачивается к Девочке лицом, чтобы лучше слышала.

– По-моему, мы договорились не задавать вопросы, которые не связаны с рекой. Уговор больше не действует?

– Действует, – тихо отвечает Девочка.

Когда детям исполнилось три, Мэлори научила их носить воду из колодца. Обвязывала себе пояс веревкой, а другим концом обвязывала Мальчика. Потом ему следовало вслепую разыскать тропку – а пальцы ног на что? – и идти к колодцу. Мэлори слышала грохот ведра, которое Мальчик неловко поднимал. Потом слышала, как он пыхтит, ковыляя к ней с ведром.

Много раз она слышала, как он роняет ведро. Когда такое случалось, она неизменно посылала Мальчика обратно.

Девочка ненавидела ходить к колодцу. Мол, вокруг него «ямные ямы». Мол, ей кажется, что под травой живут люди. Пока Девочка не перестала упрямиться, Мэлори не давала ей есть.

Малышами она рассаживала детей по разным углам гостиной, ходила по ковру и спрашивала: «Где я сейчас?» Мальчик и Девочка показывали. Потом Мэлори поднималась на второй этаж и, спустившись в гостиную, спрашивала: «Где я была?» Дети показывали. Если ошибались, Мэлори на них орала.

Впрочем, ошибались дети нечасто. Вскоре вообще перестали.

«Что бы об этом сказал Том? – гадают Мэлори. – Сказал бы, что ты лучшая мать на свете. И ты поверила бы».

Без Тома полагаться оставалось только на себя. Когда дети спали, Мэлори много раз усаживалась за кухонный стол и в полном одиночестве задавала себе неизбежный вопрос: «Ты хорошая мать? Такое понятие еще существует?»

Колена что-то касается, и Мэлори охает. Но это только Мальчик. Он просит есть. Не отпуская весел, Мэлори вынимает мешочек из кармана куртки и передает Мальчику. Слышит, как маленькие зубки разгрызают орехи из банки, что простояла на подвальной полке четыре с половиной года. Сегодня утром Мэлори решила взять орехи с собой.

Она перестает грести. Ей жарко. Слишком жарко. Она вспотела, словно на дворе июнь. Мэлори снимает куртку и кладет на скамью. Кто-то робко трогает ее за спину. Девочка. Она тоже проголодалась.

«Ты хорошая мать?» – опять спрашивает себя Мэлори, вручая второй мешочек с едой.

Разве можно надеяться, что дети дотянутся до неба, если им нельзя на него взглянуть?

Ответа Мэлори не знает.

Глава 12

Том что-то мастерит из старого футляра для гитары и диванной подушки. На втором этаже, в комнате, смежной с комнатой Мэлори, спит Олимпия – Феликс отдал ей свою спальню, так же как Том уступил свою Мэлори. Сейчас Феликс спит на диване в гостиной. Накануне вечером Том со слов Олимпии составил подробный перечень припасов у нее в доме. Началось с простой беседы, закончилось коллективным решением: игра не стоит свеч. Нужные вещи у Олимпии есть, но идти слишком опасно. Бумага. Еще одно ведро. Набор инструментов. Однако, как заметил Феликс, когда и если потребность превысит риск, они заглянут к Олимпии. Кое-что, как уточнил Дон, понадобится в ближайшем будущем. Соленые орешки, тунец, макароны, приправы. Когда речь заходит о еде, Том рассказывает соседям, сколько съестного осталось на складе. Запасы не беспредельны, и Мэлори очень беспокоится.

Сейчас Джулс спит в кабинете, который в самом конце коридора. Его матрас в одном углу, матрас Дона в другом. Между ними стоит высокий деревянный стол, на котором лежат их вещи. Виктор в той же комнате. Джулс храпит. Из маленького кассетника льется негромкая музыка. Кассетник стоит в столовой, где Феликс и Дон играют в юкер колодой с Пиви Херманом^[1]. Шерил стирает на кухне.

Мэлори с Томом вдвоем сидят на диване в гостиной.

– Хозяина дома Джорджем звали? – уточняет Мэлори. – Это он объявление разместил? Ты его застал?

Том мастерил защитную, с мягким слоем, заслонку для лобового стекла, а тут смотрит Мэлори в глаза. При электрическом свете его волосы кажутся еще рыжее.

– Я первым ответил на объявление, – начинает Том. – Джордж был замечательным человеком. Пускал в свой дом чужих, когда все вокруг запирали двери. Считаю его невероятно прогрессивным, мыслителем, генератором идей. Что он только не предлагал! А если смотреть в окно через линзы? А если через отражающее стекло? А если через телескоп? А если через бинокль? Вот она, его новаторская мысль! Если дело в обзоре, может, нам угол обзора изменить? Или способ обзора? Вдруг твари не причинят вреда, если смотреть через некое приспособление? Мы с ним вместе искали ответ на эти вопросы. Причем Джордж разговорами не ограничивался, хотел проверить теории на практике.

Том рассказывает, а Мэлори представляет себе лицо с фотографий на лестнице.

– Приехал Дон, и вечером мы втроем сели на кухне слушать радио. Тогда Джордж и предположил, что причина в новой форме жизни. Эта же теория потом прозвучала на Эм-эс-эн-би-си. Джордж якобы почерпнул ее в старой книге «Возможные невозможности». Там говорилось о несовместимых формах жизни. При столкновении два принципиально разных мира способны вредить друг другу. Если другая форма жизни попала к нам... По словам Джорджа, случилось именно так. Мол, нарочно или случайно, пришельцы поняли, как к нам переместиться. Мне эта теория нравилась, Дону нет. В то время он подолгу сидел в Сети, читал про реагенты, про гамма-лучи – про разную невидимую гадость, которая, если смотреть на нее, может незаметно причинить вред. Угу, Дон на нас злился, а злится он от души, умеючи. Только Джордж все доводил до конца, невзирая на опасность. К приезду Феликса и Джулса Джордж был готов проверить свою теорию о влиянии преломляющей среды. Мы вместе читали все, что он находил в Сети. Великое множество сайтов посвящены зрению, особенностям человеческого глаза, оптическим иллюзиям, преломлению света, сущности работы телескопа и так далее. Пока Дон, Феликс и Джулс спали, мы сидели за кухонным столом и чертили диаграммы. Джордж расхаживал взад-вперед, периодически останавливался, поворачивался ко мне и спрашивал: «Кто-нибудь из погибших носил очки? Вдруг окно защитит нас, если смотреть под определенным углом?» И мы с ним еще час это обсуждали. Постоянно смотрели новости, в надежде получить зацепку, услышать идею, которая подскажет, как защитит себя и других. Когда сообщения стали повторяться, Джордж потерял покой. Чем больше он говорил о своей теории «смещенного угла обзора», тем сильнее хотел проверить ее на практике. Мне было страшно, Мэлори. Джорджа я считал кем-то вроде капитана тонущего судна, он не боялся погибнуть. Представь, его теория оказалась бы дельной? Тогда Джордж помог бы спасти планету от ужаснейшей эпидемии.

Том рассказывает, а в его синих глазах танцуют блики света.

– Чем воспользовался Джордж? – спрашивает Мэлори.

– Видеокамерой, – отвечает Том. – Он хранил камеру на втором этаже. Древнюю, пленочную, с кассетами. И воспользовался ею, только нам ничего не сказал. Однажды ночью поставил ее за одеялом на окне гостиной. Утром я проснулся и увидел там его спящим на полу. Он меня услышал, вскочил – и скорее к камере. «Том, получилось! – радовался он. –

Я несколько часов записывал. Все здесь, на пленке. Возможно, у меня в руках решение проблемы. Непрямое зрение. Фильм! Нужно его посмотреть!» Я сказал, что мысль неудачная и что за пять часов он вряд ли сделал ценную запись. В ответ Джордж объяснил, что его следует привязать к стулу в комнате второго этажа, где он и просмотрит запись. Привязанный, он при самом худшем раскладе себе не навредит. Дон разозлился по-настоящему. Назвал Джорджа опасностью для всех нас. И справедливо заметил, что мы не понимаем, с чем имеем дело, и если рисковать, то всем, а не одному Джорджу. Мы с Феликсом не возражали. Решили проголосовать. Дон высказался против и захотел уйти. Мы его еле отговорили. В итоге Джордж заявил, что в своем доме свободен в своих действиях и может никого не спрашивать. В общем, я пообещал привязать его к стулу.

– И привязал?

– Да.

Том опускает взгляд на ковер.

– Поначалу казалось, Джордж задыхается. Словно в горле у него что-то застряло. Два часа он сидел наверху, не издавая ни звука. Потом стал нас звать. «Том, дерьмо собачье! Иди сюда! Иди!» Он хихикал, орал, вопил. Лаял, как собака. Мы слышали, как его стул рухнул на пол. Джордж грязно выругался. Джулс хотел подняться к нему, но я схватил его за руку и не пустил. Нам оставалось только слушать. И мы слушали до самого конца. До тех пор, пока не стихли грохот стула и крики. Мы ждали. Долго ждали. Потом вместе поднялись на второй этаж, вслепую отключили магнитофон и лишь после этого открыли глаза. Увидели, что осталось от Джорджа. Он так рвался из пут, что они прорезали его мышцы до костей. Не тело, а глазурь на торте – кровь и кожа слоями поверх веревок на груди, на животе, на шее, на руках и ногах. Феликса стошнило, а мы с Доном опустились на колени рядом с Джорджем и начали убирать. Когда закончили, Дон заявил, что кассету надо сжечь. И мы сожгли. Пока она горела, я думал, что с ней горит первая серьезная теория. Через какую призму ни смотри на тварей, они тебя изведут.

Мэлори молчит.

– Знаешь, а ведь Джордж был прав. Ну, в какой-то мере. О тварях он говорил задолго до того, как их впервые упомянули в новостях. Он до чего-то докопался. Может, если бы действовал иначе, Джорджу удалось бы изменить мир.

В глазах у Тома стоят слезы.

– Знаешь, что меня особенно пугает в этой истории?

– Что?

– Всего за пять часов работы камера что-то зафиксировала. Мэлори, сколько же их там?

Мэлори смотрит на одеяла, закрывающие окна. Потом снова на Тома. Он доводит до ума заслонку для лобового стекла. В столовой негромко играет музыка.

– Ну вот, надеюсь, что-то подобное поможет, – говорит Том, поднимая свое изобретение. – Джордж погиб, но останавливаться нельзя. Смерть Джорджа Дона напугала. По крайней мере, надломила.

Том встает, держа в руках громоздкую заслонку. Что-то трещит, заслонка разваливается и падает на пол.

Том поворачивается к Мэлори.

– Останавливаться нельзя.

Глава 13

Феликс идет к колодцу. В руках у него ведро, одно из шести имеющихся в доме. Ведро деревянное, из-за черной металлической ручки кажется старым. Оно тяжелее других, но Феликс не ропщет, ему это даже нравится. Оно, мол, стабильности придает. Один конец веревки Феликс привязал к поясу, другой – к шесту у двери черного хода. Веревка длинная, ненатянутая. Часть ее постоянно задевает брючину и ботинки. Феликс боится споткнуться, поэтому левой рукой отодвигает веревку подальше от себя. Он в повязке. Обломки багетов ограничивают тропку и не дают с нее сбиться.

– Точно игра в детстве, как бишь ее, «Операция»? – кричит он Джулсу, который, тоже в повязке, ждет у шеста. – Помнишь? Как коснусь ногой дерева, звенит звонок.

Джулс не умолкает с тех пор, как Феликс отправился к колодцу. Так заведено в доме: один несет воду, другой говорит, чтобы несущий по голосу определил, насколько отошел от дома. Джулс не рассказывает ничего особенного. Про оценки, которые получил в колледже. Про первые три места, где работал по окончании учебы. Некоторые слова Феликс слышит, некоторые – нет. Это не важно. Пока Джулс говорит, Феликс чувствует себя не таким беспомощным.

Хотя особой уверенности голос Джулса не вселяет.

Феликс врезается в колодец. Каменный выступ царапает ему бедро. Больно, а ведь шел он медленно. А если бы бежал?

– Я у колодца, Джулс! Сейчас повешу ведро на крюки.

За Феликсом наблюдает не только Джулс. На кухне стоит Шерил, слушает через закрытую дверь черного хода. Пост на кухне ввели на случай ЧП. Шерил искренне надеется, что сегодня роль страховочной сетки играть не понадобится.

Над бездонной глубиной колодца установлена деревянная перекладина с металлическими крюками на концах. Это ведро единственное сидит на крюках идеально, потому Феликс и любит его брать. Он крепко привязывает веревку к ведру. Убедившись, что держится хорошо, он поворачивает ручку до тех пор, пока веревка не натягивается. Руки свободны, Феликс вытирает их о джинсы. Тут он и слышит шорох.

Феликс быстро поворачивает голову и закрывает лицо руками. Ничего не происходит. Нападать никто, похоже, не собирается. Джулс по-прежнему

стоит у двери черного хода, рассказывает, как работал автомехаником. Как ремонтировал машины. Феликс слушает.

Тяжело дыша, Феликс прокручивает ручку в противоположном направлении – только один оборот, – а сам прислушивается к звукам двора. Сейчас веревка натянута не так туго, можно снять ведро с крюков. Пусть повисит над каменным жерлом колодца. Феликс ждет еще минуту.

– Эй, Феликс, все нормально? – окликает его Джулс.

Отвечает Феликс не сразу, продолжая прислушиваться. Наконец, прервав молчание, он понимает, что голос указывает его точное месторасположение.

– Да. По-моему, я что-то слышал.

– Феликс?

– Я вроде бы что-то слышал! Сейчас набираю воду.

Феликс поворачивает ручку. Ведро опускается, бьется о каменные стенки колодца. Каждый удар разносит гулкое эхо. Феликс помнит: чтобы ведро коснулось воды, ручку нужно повернуть двадцать раз. Вот он и считает обороты.

«Одиннадцать... Двенадцать... Тринадцать...»

После девятнадцатого оборота Феликс улавливает плеск. Решив, что ведро наполнилось, он поднимает его. Вешает на крюки, развязывает веревку и бредет обратно к Джулсу.

Так он повторит три раза.

– Несу первое! – объявляет Феликс.

Джулс до сих пор рассказывает про авторемонт. Когда Феликс подходит к нему, Джулс касается его плеча. Обычно стоящий у шеста стучит в дверь черного хода, предупреждая того, кто ждет на кухне, что первое ведро принесли обратно полным. Только Джулс мешкает.

– Что ты там услышал? – спрашивает он.

Феликс задумывается.

– Олень, наверное, – отвечает он, не выпуская тяжелое ведро. – Точно не скажу.

– Олень из леса выбежал?

– Не знаю, откуда он взялся.

Джулс молчит. Потом, судя по шороху, что-то ощупывает.

– Проверяешь, одни мы или нет?

– Угу.

Убедившись, что все в порядке, Джулс дважды стучит в дверь черного хода. Он забирает ведро у Феликса. Шерил распахивает дверь, Джулс передает ей ведро. Дверь закрывается.

– Вот тебе второе, – объявляет Джулс, вручая Феликсу другое ведро.

Феликс снова бредет к колодцу. Это ведро из листовой стали. Таких в доме три. На дне ведра два булыжника. Их положил Том, выяснив, что ведро слишком легкое и в воду не погружается. Нет, пушинкой и это ведро не назовешь, но оно не такое тяжелое, как деревянное. Джулс снова говорит, на сей раз о породах собак. Феликс об этом уже слышал. Когда-то у Джулса была Черри, белый лабрадор. Редкая упрямец! У Феликса ботинок вязнет в грязи, и он едва не падает. Он чувствует, что идет слишком быстро, и сбавляет шаг. На этот раз Феликс вытягивает руку: вот колодец, близко. Феликс ставит ведро на каменный выступ и привязывает к нему веревку.

Тут Феликс что-то слышит. Снова. Кажется, вдали хрустят ветки. Он поворачивается на звук и случайно сталкивает ведро с выступа. Оно падает в колодец. Ручка крутится сама. Ведро летит на дно. Удары металла о каменные стенки отзываются гулким эхом. Джулс окликает Феликса, и тот, оборачиваясь, чувствует себя невероятно уязвимым. Он и в этот раз не понимает, откуда звук. Феликс прислушивается, тяжело дыша, прислоняется к каменному выступу и ждет.

Ветер шелестит листвой.

Больше ничего не слышно.

– Феликс!

– Я уронил ведро в колодец.

– Оно было привязано?

Феликс молчит, взволнованно поворачивается к колодцу, тянет за веревку и обнаруживает, что успел привязать ручку к перекладине прежде, чем столкнул ведро с выступа. Феликс отпускает веревку, поворачивается лицом ко двору и ждет. Потом поднимает ведро.

Когда Феликс бредет обратно, Джулс задает ему вопросы.

– Ты как, ничего?

– Угу.

– Ты просто уронил ведро?

– Столкнул. Я снова что-то слышал.

– Какой был звук? Словно ветка хрустнула?

– Нет. Да. Не знаю даже...

Феликс приближается к Джулсу, и тот забирает ведро.

– Ты точно осилишь еще одно ведро?

– Да, с двумя я уже справился. Ничего страшного, Джулс, просто разную хрень там слышу.

– Давай я последнее ведро принесу.

– Нет, я сам.

Джулс стучит в дверь черного хода. Шерил открывает, берет ведро и вручает Джулсу третье.

– Ребята, у вас все нормально?

– Да, нормально, – отвечает Феликс.

Шерил захлопывает дверь.

– Вот ведро, – говорит Джулс Феликсу. – Если что, зови меня. Не забывай, ты соединен с шестом.

Джулс натягивает веревку.

– Угу.

На третий раз Феликс велит себе не спешить. Он понимает, почему торопится. Он хочет вернуться в дом, где можно смотреть Джулсу в глаза, где одеяла на окнах создают ощущение безопасности. Тем не менее к колодцу он попадает быстрее, чем ожидал. Феликс медленно привязывает веревку к ручке ведра и обращается в слух. Тишину нарушает лишь голос Джулса, доносящийся от шеста, к которому привязана веревка.

Кажется, мир накрыло неестественное безмолвие.

Феликс поворачивает ручку.

«Один оборот... Два...»

Джулс что-то говорит, но далеко. Слишком далеко.

«...шесть оборотов, семь...»

Голос у Джулса встревоженный. Зачем ему тревожиться? Или есть зачем?

«...десять оборотов, одиннадцать...»

Лицо потеет под повязкой. Пот медленно течет по носу.

«Еще чуть-чуть, и окажешься в доме, – говорит себе Феликс. – Наполни ведро и дуй...»

Феликс снова слышит звук. В третий раз. Но теперь ему ясно, откуда звук доносится.

Из колодца.

Феликс выпускает ручку и отступает от колодца. Ведро летит вниз, бьется о каменные стенки и, наконец, плюхается на воду.

«Что-то шевельнулось. В воде что-то шевельнулось. Шевельнулось ведь?»

Феликсу холодно. Его колотит озноб, будто мороз по коже.

Джулс зовет его, но Феликсу не хочется отвечать. Не хочется издавать и звука.

Феликс ждет. Чем дольше он ждет, тем сильнее пугается. Словно тишина становится громче. Словно сейчас он услышит то, что слышать не

желает. Звук не повторяется, и мало-помалу Феликс убеждает себя: он ошибся. Конечно, в колодце может что-то быть. Но ведь что-то может быть и в реке. И в лесу. И в траве.

Что-то может быть где угодно.

Феликс снова подходит к колодцу. Прежде чем потянуться за веревкой, он ощупывает каменный выступ, водит по нему пальцами. Определяет его ширину.

«Ты поместился бы в колодце? Другой человек поместился бы?»

Феликс не знает. Он поворачивается к дому, готовый бросить ведро. Потом снова поворачивается к колодцу и начинает быстро вращать ручку.

«Тебе померещилось. Парень, да у тебя крыша течет! Поднимай ведро. Возвращайся в дом. Сейчас же!»

Феликс поворачивает ручку, но с каждым движением страх вырывается из-под контроля. Ведро кажется чуть тяжелее обычного.

«Оно НЕ тяжелее! Поднимай ведро и возвращайся в дом. СЕЙЧАС ЖЕ!»

Когда ведро достигает каменного выступа, Феликс останавливается и медленно тянется к ведру. Рука дрожит. Вот пальцы касаются влажной стальной кромки, и Феликс нервно сглатывает. Он блокирует ручку колодца и сует ладонь в ведро.

– Феликс! – зовет Джулс.

Судя по ощущениям, в ведре только вода.

«Вот видишь, тебе почудилось...»

Тут из-за спины слышится, как по траве шлепают мокрые ноги.

Феликс бросает ведро и бежит.

Падает.

«Вставай!»

Феликс встает и бежит дальше.

Джулс зовет его. Феликс отвечает.

Снова падает.

«Вставай! Вставай!»

Джулс хватается за него.

Дверь черного хода открывается. Феликса хватается кто-то еще. Феликс в доме. Говорят все сразу. Дон кричит. Шерил кричит. Том велит всем успокоиться. Дверь черного хода захлопывается. Олимпия спрашивает, в чем дело. Шерил спрашивает, что стряслось. Том велит всем закрыть глаза. Феликса ощупывают. Джулс орет, чтобы все замолчали.

Все замолкают.

– Ты проверил возле двери черного хода? – негромко спрашивает Том.

- Откуда мне знать, черт подери, хорошо я проверил или нет?
- Просто спрашиваю, проверил ли ты?
- Угу, проверил.
- Феликс, что произошло? – снова спрашивает Том.

Феликс рассказывает. Стараются не упустить ни одной мелочи. Том уточняет, как все закончилось. Особенно его интересует случившееся у двери черного хода. Что было до того, как его втащили в дом? Как именно его втаскивали? Феликс повторяет.

- Ладно, я открываю глаза, – говорит Том.

Мэлори задерживает дыхание.

- Полный порядок, – объявляет Том.

Мэлори открывает глаза. На кухонном столе два ведра колодезной воды. Феликс в повязке стоит у двери черного хода. Джулс снимает с него повязку.

- Заприте дверь, – велит Том.

- Уже заперта, – отзывается Шерил.

– Джулс, поставь стулья из столовой перед этой дверью. Потом заблокируй столом окно гостиной.

- Том, ты меня пугаешь! – жалуется Олимпия.

– Дон, пойдем со мной! Заблокируем комодом переднюю дверь. Феликс, Шерил, поставьте диван на бок и придвиньте к окну. Я чем-нибудь забаррикадирую другое.

Все взгляды устремлены на Тома.

- Ну, давайте, давайте! – торопит он.

Все разбегаются. Мэлори берет Тома за руку.

- В чем дело?

– Мы с Олимпией тоже хотим помочь. Мы же беременные, а не калеки. Можем закрыть матрасами окна второго этажа.

- Ладно. Только повязки не снимайте. И будьте предельно осторожны.

Том убегает с кухни. В гостиной Дон толкает диван к окну. Мэлори с Олимпией поднимаются на второй этаж, осторожно переворачивают матрас Мэлори на бок и ставят к завешенному одеялом окну. Затем делают то же самое в комнатах Шерил и Олимпии.

На первом этаже баррикадируют двери и окна.

Обитатели дома собираются в гостиной. Стоят плотной группой.

- Том, во двор кто-то пробрался? – спрашивает Олимпия.

Том отвечает не сразу. В глазах Олимпии Мэлори читает не страх, а что-то большее. Она сама чувствует то же самое.

- Возможно.

Том смотрит на окна.

– Но вдруг... вдруг это олень? Может ведь быть такое?

– Может.

Один за другим обитатели дома усаживаются на ковер. Садятся поплотнее друг к другу. Плечо к плечу, спина к спине. У одного окна – диван, у другого – стулья с кухни. Обитатели дома сидят молча.

Сидят и слушают.

Глава 14

С каждым гребком холодная речная вода попадает Мэлори на брюки. С каждым гребком Мэлори представляется, как тварь зачерпывает воду и брызгается, попробуй, мол, сбеги. Мэлори дрожит.

Книги о младенцах, которые принесла Олимпия, оказались весьма полезны. Особенно поразило предложение из «И он родился!»: «Твой малыш умнее, чем ты думаешь».

Поначалу Мэлори отказывалась в это верить. В новом мире детей следовало учить просыпаться с закрытыми глазами. Их следовало растить в страхе. Только так, никаких сомнений и неопределенностей. Однако порой Мальчик и Девочка ее удивляли.

Однажды Мэлори убрала самодельные игрушки из коридора второго этажа и вернулась в гостиную. Тогда она и услышала шорох этажом ниже, в комнате в самом конце коридора.

– Мальчик! – позвала она. – Девочка!

Но ведь малыши в детской. Менее часа назад Мэлори оставила их там в колыбельках.

Мэлори закрыла глаза и вышла в коридор.

Звук она узнала сразу. Она точно помнила, где что лежит. Это книга упала со стола в комнате, которую когда-то занимали Феликс и Джулс.

У порога детской Мэлори застыла. В комнате тихо сопели.

Из пустой комнаты снова донесся грохот, и Мэлори охнула. От ванной ее отделяло несколько шагов. Дети спали. Если доберется до ванной, она сможет защититься.

Мэлори закрыла лицо руками, быстро шагнула в ванную, но врезалась в стену, не вписавшись в дверной проем. В ванной она больно ударилась бедром о раковину и ощупывала все вокруг, пока не нашла полотенце. Мэлори плотно прижала его к глазам и завязала двойным узлом. Потом за открытой дверью отыскала то, что ей сейчас требовалось.

Садовый топор.

Полотенце на глазах, топор в руках, Мэлори вышла из ванной. Держа топориче двумя руками, она медленно двинулась к двери, которую всегда держала закрытой. К двери, которую кто-то открыл.

Мэлори переступила порог и вслепую махнула топором на уровне глаз. Топор ударился о деревянную стену, полетели щепки. Мэлори вскрикнула, развернулась и ударила снова, на сей раз по противоположной стене.

– Убирайся! Не трогай моих детей!

Тяжело дыша, Мэлори ждала.

Ждала ответа. Движения. Того, из-за чего упала книга.

И тут она услышала, как на полу, у ее ног, хнычет Мальчик.

– Мальчик?

Потрясенная Мэлори опустилась на колени и быстро его нашла. Сняла полотенце и открыла глаза.

В маленьких ручках Мальчика она увидела линейку, рядом книги.

Мэлори взяла Мальчика на руки и понесла в детскую. Сетчатая крышка колыбели оказалась откинута. Мэлори опустила малыша на пол у колыбели, закрыла крышку и попросила его открыть. Мальчик непонимающе смотрел на мать.

Мэлори погладила малыша по головке и попросила поднять крышку. Мальчик поднял.

Мэлори его отшлепала.

«И он родился!»

Тут и вспомнилась книга о младенцах. Не своя, ее принесла Олимпия.

Там была фраза, которой Мэлори отказывалась верить.

«Твой малыш умнее, чем ты думаешь».

Тогда фраза встревожила Мэлори. Зато сегодня в лодке она полагается на слух детей, доверяет ему. Надеется, что Мальчик и Девочка готовы к любым неожиданностям на реке.

Да, Мэлори надеется, что они умнее и сильнее любых испытаний.

Глава 15

– Не буду пить эту воду, – заявляет Мэлори.

Обитатели дома выбились из сил. Спали они вместе на полу гостиной, и то урывками.

– Долго без воды нельзя. Подумай о ребенке, Мэлори.

– О нем я и думаю.

Два ведра, которые принес Феликс, нетронутыми стоят на кухонном столе. Один за другим обитатели дома облизывают пересохшие губы. Без воды они уже сутки. Каждому не по себе при мысли, что терпеть придется дольше.

Хочется пить.

– А как насчет речной воды? – спрашивает Феликс.

– В ней бактерии, – напоминает Дон.

– Не обязательно, – возражает Том. – Это зависит от температуры воды, от глубины, от скорости течения.

– Но ведь если что-то попало в колодец, то и в реку наверняка тоже, – говорит Джулс.

«“Заражение” у нас – слово часа», – думает Мэлори.

В подвале три ведра с мочой и фекалиями. Сегодня выносить их никто не хочет. На кухне воняет нестерпимо, в гостиной – чуть слабее.

– Я попробую речную воду, – объявляет Шерил. – Рискну.

– Рискнешь выйти из дома? – спрашивает Олимпия. – Вдруг кто-то стоит за порогом?

– Я ведь даже не знаю, что слышал, – в очередной раз повторяет Феликс, чувствуя себя виноватым в том, что всех напугал.

– Наверное, человека, – предполагает Дон. – Может, вор обокрасть нас хотел.

– Зачем сейчас об этом думать? – спрашивает Джулс. – Один день прошел. Мы ничего не слышали. Подождем еще день. Вдруг успокоимся?

– Да я уже из ведер пить готова, – говорит Шерил. – Это колодец, мать вашу! Какая только живность в колодец не падает. Падает идохнет там. Настой дохлятины мы тут с самого начала пьем.

– Местную воду всегда считали хорошей, – парирует Олимпия.

Мэлори поднимается и идет на кухню. В деревянном ведре вода поблескивает, в металлическом – сияет.

«Что она с нами сотворит?» – гадают Мэлори.

– Сможешь ее пить? – спрашивает Том.

Мэлори оборачивается. Он стоит рядом с ней на пороге кухни и касается ее плечом.

– Не смогу, Том.

– Тебя я просить не стану. Я сам ее попробую.

Мэлори смотрит ему в глаза и чувствует: настроен Том серьезно.

– Том!

– Я попробую воду, – объявляет Том, повернувшись к собравшимся в столовой.

– Герои нам не нужны, – говорит Дон.

– Я и не корчу из себя героя, Дон. Я пить хочу.

Все замирают. В их лицах Мэлори читает то же самое, что чувствует сама. Страху вопреки, Мэлори хочет, чтобы кто-то попробовал воду.

– Что за ерунда?! – восклицает Феликс. – Брось, Том, мы что-нибудь другое придумаем.

Том возвращается в столовую и заглядывает Феликсу в глаза.

– Запри меня в подвале. Выпью воду там.

– Там ты от вони свихнешься! – заявляет Шерил.

– Колодец у нас на заднем дворе, – с грустной улыбкой напоминает Том. – Если нельзя пользоваться им, то вообще ничем нельзя. Поэтому дайте мне попробовать воду.

– Знаешь, кто говорил так же? – спрашивает Дон.

Том молчит.

– Джордж, вот кто! Только он идею вынашивал.

Том смотрит на обеденный стол, придвинутый к окну.

– Мы здесь уже несколько месяцев, – напоминает он. – Если что-то попало в колодец вчера, то, вероятно, попадало туда и прежде.

– Твой довод за уши притянут, – говорит Мэлори.

– У нас варианты есть? – не оборачиваясь, спрашивает Том. – Конечно, река. Но тогда мы рискуем заболеть. Seriously. Лекарств у нас нет. Есть только вода из колодца. Что еще предпринять? Пойти к другому колодцу? А потом? Надеяться, что он не заражен?

На глазах у Мэлори обитатели дома меняют отношение к происходящему. Негативизм в лице Дона превращается в тревогу, страх в глазах Олимпии – в чувство вины. Самой Мэлори не хочется, чтобы Том пробовал воду. Впервые со дня приезда в этот дом Мэлори кажется, что лидерство Тома имеет не только плюсы, но и минусы. Но в итоге Мэлори не останавливает Тома. Он вдохновляет ее, и Мэлори ему помогает.

– В подвал не надо, – говорит она. – Вдруг ты сойдешь с ума и

уничтожишь наши запасы?

– Ладно, – соглашается Том, поворачиваясь к ней. – Тогда на чердак.

– Из чердачного окна прыгать опаснее, чем отсюда.

Том впивается в нее взглядом.

– Предлагаю компромисс, – говорит он. – Второй этаж. Вы меня где-нибудь запрете. На первом этаже места нет.

– Давай в моей комнате.

– Ага, там, где Джордж видео смотрел, – напоминает Дон.

– Этого я не знала, – оправдывается Мэлори, глядя на Тома.

– Ладно, за дело, – говорит Том и идет на кухню, на миг задержавшись близ Мэлори. Обитатели дома шагают следом.

Том достает из буфета кружку. Мэлори осторожно сжимает ему руку.

– Вот, выпей через это. – Мэлори протягивает кофейный фильтр. – Фильтр есть фильтр. Не знаю, вдруг поможет?

Том берет фильтр. Глядя Мэлори в глаза, зачерпывает колодезную воду из деревянного ведра и высоко поднимает полную кружку. Обитатели дома выстраиваются полукругом и смотрят на содержимое кружки.

Мэлори снова припоминает, что рассказал Феликс, и снова содрогается.

Том с кружкой воды уходит с кухни. Джулс берет из чулана веревку и спешит за ним.

Остальные молчат. Одну руку Мэлори кладет на живот, другую – на разделочный стол. Руку со стола она быстро убирает, словно коснулась смертельно опасного яда.

Заражение...

Но ведь на месте, которого она коснулась, воды не было.

Хлоп! – это закрылась дверь комнаты Мэлори. Судя по звукам, Джулс обматывает веревкой дверную ручку, а другой конец привязывает к перилам лестницы.

Том заперт.

Совсем как Джордж.

Феликс меряет кухню шагами. Дон прислонился к стене и, скрестив руки на груди, смотрит на пол. Джулс возвращается, к нему подходит Виктор.

Со второго этажа доносится шорох. Мэлори ахает. Обитатели дома смотрят на потолок.

Все ждут. Все слушают. Феликс дергается, словно собираясь подняться к Тому, но останавливается.

– Вода уже наверняка выпита, – тихо говорит Дон.

Мэлори делает шаг к порогу гостиной. В десяти шагах оттуда основание лестницы.

Тишина.

Стук.

Крик Тома.

«Том кричит! Том кричит! Том кричит!»

Мэлори бросается на лестницу, но Джулс ее опережает.

– Жди здесь! – велит он и взбегает по ступенькам.

– Том!

– Джулс, у меня все нормально.

Услышав голос Тома, Мэлори вздыхает с облегчением. Тянется к перилам, чтобы опереться.

– Ты выпил воду? – спрашивает Джулс через дверь.

– Да, выпил. У меня все нормально.

Обитатели дома подходят к Мэлори, начинают говорить. Сперва тихо, потом громче. На втором этаже Джулс развязывает веревку. Том с пустой кружкой в руке выходит из комнаты.

– Ну, как вода, вкусная? – спрашивает Олимпия.

Мэлори улыбается. Другие обитатели дома тоже. Вопрос о воде сейчас кажется черным юмором.

– Да, – отвечает Том, спускаясь по лестнице. – Вкуснее я в жизни не пил.

На самой нижней ступеньке он заглядывает Мэлори в глаза.

– С фильтрами ты здорово придумала, – хвалит Том, проходит в гостиную, ставит кружку рядом с телефоном и поворачивается к остальным. – Давайте вернем мебель на место. Приведем наш дом в порядок.

Глава 16

На реке чувствуется, как припекает полуденное солнце. Увы, сегодня оно не умиротворяет Мэлори, а напоминает, что их с детьми видно издалека.

– Мама! – шепчет Мальчик.

Мэлори подается вперед. В ладони саднит заноза от весла. Уже третья.

– Что такое?

– Тш-ш-ш! – шипит Мальчик.

Мэлори перестает грести и прислушивается.

Мальчик прав. Слева на берегу что-то движется. Хрустят ветки. Не одна, а несколько.

«Тот мужчина кого-то видел на реке», – в панике думает Мэлори.

Или это сам лодочник? Он в лесу прячется? Преследует ее, ждет, когда она застрянет, чтобы сорвать с нее повязку? Или с детей?

Снова хрустят сломанные ветки. Кто-то медленно движется за ними. Мэлори вспоминает брошенный дом. Там было безопасно. Зачем они пустились в путь? Там, куда они направляются, будет безопаснее? С чего бы это? На что, кроме повязки, можно надеяться в мире, где нельзя открывать глаза?

«Мы ушли потому, что одни ждут новостей, другие создают их сами».

Так говорил Том. Для Мэлори он был и остается источником вдохновения. Стоит представить его здесь, на реке, и у Мэлори появляется надежда.

«Том, все твои мысли очень дельные», – хотела бы сказать ему Мэлори.

– Мальчик, что ты слышишь? – шепотом спрашивает она и снова берется за весла, опасаясь, что лодка слишком близко к левому берегу.

– Мама, оно близко, – отвечает Мальчик. Потом признается: – Мне страшно.

Мэлори бросает весла и прислушивается, наклонив голову к левому плечу.

Нос лодки ударятся обо что-то твердое. Мэлори кричит. Дети визжат.

«Мы врезались в берег!»

Мэлори тычет веслом туда, где должен быть ил, но его там нет.

– Оставь нас в покое! – верещит она, скривившись. Внезапно Мэлори хочется оказаться дома, в четырех стенах. На реке стен нет. И подвала нет.

И чердака.

– Мама!

Под крик Девочки кто-то прорывается сквозь подлесок. Кто-то крупный.

Мэлори снова тычет веслом, но задевает лишь воду. Хватает Мальчика с Девочкой и прижимает к себе.

Слышит рычание.

– Мама!

– Тише! – кричит Мэлори, еще плотнее прижимая к себе Девочку.

«Это тот мужчина? Он ненормальный? Или это твари рычат? Они хоть какой-то звук издают?»

Рык раздается снова, и на сей раз Мэлори узнает его. Рык собачий. Точнее, похож на собачий...

Волки!

Мэлори не успевает отстраниться, и волчьи когти распарывают ей плечо. Она вскрикивает и тут же чувствует, как по плечу струится теплая кровь. На дне лодки плещется холодная вода вперемешку с мочой.

«Волки нас чувят, – думает Мэлори, в панике крутит головой и бесцельно машет веслом. – Понимают, что мы не в состоянии защититься».

Снова раздается глухой рык. Это волчья стая. Нос лодки за что-то зацепился. От весла толку мало. Лодка качается, словно волки удерживают нос.

«Они могут запрыгнуть! Могут запрыгнуть в лодку! Давай, переползи в нос. Нужно оттолкнуться от берега».

Поднимаясь, Мэлори машет веслом над головами детей и кричит. Лодка кренится вправо. Они опрокинутся! Мэлори встает ровнее. Волки рычат. Плечо обжигает боль, какой Мэлори в жизни не чувствовала. Мэлори зажимает плечо рукой, судорожно машет веслом. До носа лодки не дотянуться. Мэлори шагает в ту сторону.

– Мама!

Мэлори падает на колени. Мальчик рядом с ней, цепляется за ее куртку.

– Отпусти меня! – кричит Мэлори.

В воду кто-то прыгает. Мэлори поворачивает голову в ту сторону.

«Здесь мелко? Волки могут к нам пробраться? Они могут пробраться в лодку?»

Мэлори быстро поворачивается, ползет на корму и тянется во мрак.

За спиной визжат дети. Вода плещется, лодка качается.

Волки лают. С завязанными глазами Мэлори нащупывает пень.

Руки она вытягивает, крича от боли в левом плече. Холодный октябрьский воздух обжигает рваную рану. Правой рукой Мэлори нащупывает второй пень.

«Нам конец! Мы застряли. Застряли!»

Изо всех сил Мэлори отталкивается сразу от двух пней. В этот самый момент о лодку что-то ударяется. Когти царапают борт, лапы отчаянно за него цепляются.

Лодка задевает дерево. Летят брызги. Скрежет и плеск доносятся отовсюду. Мэлори снова слышит рык, чувствует жар. Что-то или кто-то у самого ее лица.

Мэлори кричит в голос и отталкивается.

Наконец они свободны!

Мэлори быстро поворачивается и падает на среднюю скамью.

– Мальчик! – кричит она.

– Мама!

Мэлори тянется в Девочке. Та прижата к средней скамье.

– Дети, вы как, ничего? Отвечайте!

– Мне страшно! – говорит Девочка.

– А я в порядке, – отзывается Мальчик.

Мэлори налегает на весла. Очень мешает левое плечо, онемевшее от натуги. Но Мэлори заставляет его работать.

Она гребет. Дети жмутся к ее ногам. Вода под пнями так и бурлит. Мэлори гребет. Что еще ей остается?

«Что мне делать, как не грести? Волки могут нагнать? Какая тут глубина?»

Мэлори гребет, хотя ей кажется, что левая рука вот-вот отвалится. Место, куда она везет детей, может уже не существовать. Мучительное путешествие, многочасовая гребля вслепую может оказаться бесцельной.

Будут ли они в безопасности, если сплавятся по реке? Вдруг того, что ищет Мэлори, уже нет?

Глава 17

– Они нас боятся, – вдруг заявляет Олимпия.

– В каком смысле? – уточняет Мэлори.

Они с Олимпией сидят на третьей сверху ступеньке лестницы.

– Они боятся наших животов, – поясняет Олимпия. – Я знаю почему.

Потому что однажды им придется принимать у нас роды.

Мэлори смотрит на гостиную. В этом доме она уже два месяца. О родах она тоже думала. Как не думать...

– Кто, по-твоему, сможет принять роды? – спрашивает Олимпия, глядя на Мэлори испуганными глазами.

– Том, – отвечает Мэлори.

– Пусть он, хотя с доктором мне было бы спокойнее.

Страшная мысль терзает Мэлори постоянно. Настанет день, когда Мэлори будет рожать – без доктора, без лекарств, без родных и близких. Она старается убедить себя, что случится все быстро. Представляет, как отойдут воды, как потом возьмет на руки ребенка. О том, что посередине, она думать не желает.

Обитатели дома закончили утренние дела и собрались в гостиной. Том что-то задумал – такое ощущение не покидает Мэлори целый день. Он всегда казался отрешенным, сосредоточенным на своих мыслях. Сейчас он стоит посреди гостиной так, чтобы слышали все, и делится своими думами. Именно этого Мэлори и опасалась.

– У меня есть план, – объявляет Том.

– Неужели? – удивляется Дон.

– Да. – Том замолкает, словно подбирая верные слова. – Нам нужны поводыри.

– То есть? – уточняет Феликс.

– То есть я пойду искать собак.

Мэлори встает со ступеньки и бредет к порогу гостиной. Как и остальных, ее взволновало предложение Тома отправиться на поиски.

– Собак искать? – переспрашивает Дон.

– Да, – отвечает Том. – Бездомных, одичавших. Таких небось сотни. Еще есть запертые в домах, которые выбраться не могут. Если отправимся за провизией – вы же понимаете, что это неизбежно, – то нам понадобятся помощники. Собаки предупредят нас об опасности.

– Том, неизвестно, как твари влияют на животных, – замечает Джулс.

– Верно, только сиднем сидеть нельзя.
Напряжение в гостиной возрастает.

– Ты свихнулся, – говорит Дон. – Ты всерьез решил выбраться на улицу?

– Мы возьмем оружие, – говорит Том.

– Какое именно? – уточняет Дон, подавшись вперед.

– Я готовлю шлемы, – отвечает Том. – Чтобы повязки защитить. Возьмем мясницкие ножи. Собаки поведут нас. Если пес взбесится, можно просто выпустить поводок. Если нападет – зарезать его.

– Вслепую?

– Ну да, вслепую.

– Что-то мне заранее не нравится, – заявляет Дон.

– Почему?

– Вдруг там маньяки? Преступники? Улицы уже не те, что прежде, Том. Мы теперь не в пригороде живем, а в хаосе.

– Нужно что-то менять, – говорит Том. – Нужно двигаться вперед. Иначе получается, что мы ждем новостей из мира, где ничего нового больше нет.

Дон смотрит на ковер, затем снова на Тома.

– Затея слишком рискованная. Объективных причин рисковать нет.

– Причин хватает с избытком.

– Я предлагаю ждать.

– Чего?

– Помощи. Чего-нибудь.

Том смотрит на окна, завешенные одеялами.

– Помощь не придет, Дон.

– Это не значит, что нужно за ней бежать.

– Давайте проголосуем, – предлагает Том.

Дон обводит взглядом лица обитателей дома, вычисляет единомышленников.

– Эта мысль мне тоже заранее не нравится.

– Почему? – удивляется Феликс.

– Потому что решается не какие ведра для воды, а какие – для мочи, Феликс. Мы решаем, стоит ли одному или нескольким из нас выйти из дома без объективной причины.

– Причина вполне объективная, – возражает Том. – Подумай, как здорово собаки поднимают тревогу. Две недели назад у колодца Феликс что-то слышал. Животное это было? Человек? Тварь? Выдрессированный пес залаял бы. Я хочу обыскать наш квартал. Может, заодно и соседний.

Прошу часов двенадцать, не больше.

«Двенадцать часов, – думает Мэлори. – Чтобы набрать воду, нужно лишь полчаса».

Впрочем, Том назвал определенное число, и это успокаивает.

– Не понимаю, зачем нам бродячие псы, – говорит Дон и тянется к Виктору, сидящему у ног Джулса. – У нас свой пес есть. Давайте его выдрессируем.

– Ни за что! – говорит Джулс, вставая.

– Почему это?

– Виктор здесь не для того, чтобы стать жертвой. Пока не выясним, как твари действуют на собак, я не позволю его использовать.

– Стать жертвой! – повторяет Дон. – Здорово ты выразился.

– Я говорю «нет», – заявляет Джулс.

– Вот видишь! – говорит Дон, поворачиваясь к Тому. – Даже единственный собаковод среди нас против твоей затеи.

– Я не сказал, что против затеи Тома, – парирует Джулс.

Дон обводит взглядом присутствующих.

– Так все за? В самом деле? Всем нравится предложение Тома?

Олимпия смотрит на Мэлори, широко открыв глаза. Дон чувствует потенциальную союзницу и бросается в атаку.

– Олимпия, а ты как считаешь? – осведомляется он.

– Ну... я... я даже не знаю.

– Дон, мы проведем легитимное голосование, – объявляет Том.

– Я за, – объявляет Феликс.

Мэлори оглядывает гостиную.

– Я тоже за, – объявляет Джулс.

– И я, – говорит Шерил.

Том поворачивается к Дону, и Мэлори чувствует, как внутри что-то обрывается. «Том здесь нужен», – думает она.

– Я пойду с тобой, – говорит Тому Джулс. – Виктора я использовать не позволю, но помогу ловить других псов.

Дон качает головой.

– Ребята, да вы свихнулись!

– Ладно, давай и тебе шлем сделаем, – говорит Том, положив руку Джулсу на плечо.

К следующему утру, как только готов второй шлем, они уходят.

Для Мэлори события развиваются слишком быстро. За вылазку только что проголосовали, зачем сразу отправляться?

Дон не скрывает своего отношения к происходящему. Остальные, в

том числе и Мэлори, полны надежды. Понятно, что задача сложная, однако неумная энергия Тома накрывает с головой. Если бы вылазку устраивал Дон, Мэлори засомневалась бы в успехе. А у Тома столько задора! Он лишь берется за дело, а кажется, будто оно наполовину сделано.

Мэлори с дивана наблюдает за сборами. «И вот он родился» и «В счастливом ожидании» говорят о том, что стресс матери передается ребенку. Мэлори не хочет, чтобы ее малыш чувствовал, как тревожно ей за Тома.

У стены стоят две дорожные сумки, до половины набитые консервами, фонарями, одеялами. Рядом лежат большие ножи и ножки кухонного табурета, превращенные в острые пики. В качестве тростей решено использовать метлы.

– Может, животные не сходят с ума, – предполагает Олимпия. – У них же мозги маленькие.

Судя по выражению лица, Дон хочет что-то сказать, но сдерживается.

– Возможно, животные не способны на безумие, – говорит Том, подтягивая ремешок шлема. – Возможно, для этого нужен определенный уровень интеллекта.

– Я попробовал бы ответить на эти вопросы прежде, чем пускаться в путь, – вмещивается Дон.

– Возможно, существуют уровни безумия, – продолжает Том. – Мне очень интересно, как твари воздействуют на людей, уже потерявших рассудок.

– Так поймай парочку идиотов и выясни, – язвит Дон. – Зачем рисковать жизнью, уповая на то, что животные тупее нас?

Том смотрит ему в глаза.

– Дон, я слишком уважаю животных, чтобы так считать. Но сейчас думаю лишь о том, как бы выжить.

Наконец Джулс застегивает шлем и поворачивает голову, чтобы показать, как он сидит. Тут задняя часть трескается и вся конструкция падает Джулсу под ноги.

Дон медленно качает головой.

– Черт подери! – вздыхает Том, собирая обломки. – Я ведь решил эту проблему! Не беспокойся, Джулс. – Он поднимает обломки, соединяет, закрепляет вторым ремнем и надевает Джулсу на голову. – Вот, так-то лучше.

От этих слов Мэлори совсем тоскливо. Она с утра знала, что Том с Джулсом уходят, но события развиваются слишком стремительно.

«Не уходи! – хочет сказать она Тому. – Ты нам нужен. Мне нужен».

Впрочем, Мэлори понимает: Том нужен ей именно потому, что способен на такую затею.

Феликс и Шерил помогают Тому с Джулсом взвалить на плечи дорожные сумки.

Том тычет воздух самодельной пикой.

Мэлори снова тошнит. Лучшее напоминание об ужасах нового мира – Том и Джулс, готовые к прогулке по окрестностям: глаза завязаны, в руках пики. Будто солдаты импровизированной войны.

– Ладно, выпускайте нас, – говорит Том.

Феликс подходит к двери. За спиной у него собираются остальные обитатели дома. Мэлори закрывает глаза вместе со всеми. В персональном мраке ее сердце бьется громче.

– Удачи! – неожиданно говорит она, понимая, что пожалеет, если промолчит.

– Спасибо, – говорит Том. – Помни, что я сказал. Через двенадцать часов мы вернемся. У всех глаза закрыты?

Обитатели дома уверяют, что да.

Дверь открывается. Мэлори слышит, как ботинки скрипят по крыльцу. Дверь захлопывается.

Мэлори кажется, за дверью осталось что-то жизненно важное.

Двенадцать часов...

Глава 18

Лодка медленно скользит по течению. Мэлори зачерпывает речную воду и промывает рану. Затея не из простых, плечо болит сильно.

– Мама, тебе плохо? – спрашивает Мальчик.

– Никаких вопросов, – огрызается Мэлори. – Слушай!

Когда волк разодрал Мэлори плечо, резкая боль полыхнула багрянцем, окрасила мир за повязкой. Мэлори промывает рану, а боль пульсирует пурпурным и серым. Мэлори тревожится: похоже, она близка к потере сознания. К обмороку. К тому, чтобы бросить детей на произвол судьбы.

Куртку она сняла. Рубашка в крови, и Мэлори дрожит – то ли от холода, то ли от кровопотери. Из правого кармана куртки Мэлори достает столовый нож, отрезает рукав и туго перевязывает плечо.

Волки...

Когда детям исполнилось три, Мэлори усложнила уроки. Теперь малыши запоминали по десять-двадцать звуков и расшифровывали каждый. Мэлори ходила по дому, выбиралась на крыльцо, поднималась на второй этаж. Специально шумела. Когда возвращалась, дети рассказывали, что она делала. Скоро Девочка определяла по двадцать звуков. А Мальчик... Он бойко расшифровывал по сорок-пятьдесят звуков, даже те, которые Мэлори издавала произвольно.

«Сначала ты была у нас в детской. У порога вздохнула. Потом пошла на кухню, у тебя хрустнула лодыжка. Села у стола на средний стул. Поставила локти на стол, хмыкнула и спустилась в подвал. Первые четыре ступеньки спускалась медленно, последние шесть – быстрее. А потом постучала указательным пальцем по зубам».

Только ведь, как ни учи, дети не опознают чудищ, рыщущих по берегам реки. У волков будет огромное преимущество, равно как и у других зверей, которые встретятся на пути.

Мэлори сильнее затягивает жгут. Плечо пульсирует. Бедра болят. Шея болит. Утром Мэлори считала, что сможет грести двадцать миль подряд. Сейчас она ранена и нуждается в отдыхе. Не знает, как поступить. В прежнем мире ей следовало бы остановиться. Но остановиться здесь – значит погибнуть.

Над головой раздается пронзительный крик, и Мэлори подсакивает. Так кричит птица, хищная птица футов сто длиной. В кустах на левом берегу что-то движется. Кричат другие птицы. Река наполняется жизнью, и

с каждым ее проявлением Мэлори становится страшнее. Вокруг все больше жизни, внутри Мэлори все меньше.

– Я в порядке, – врет она детям. – Просто хочу, чтобы мы слушали, больше ничего.

Мэлори снова гребет, стараясь не думать о боли. Сколько еще плыть, она не знает. Предполагает, что прилично. Определенно, не меньше, чем уже проплыли.

Несколько лет назад обитатели дома гадали, теряют ли животные рассудок. Они постоянно об этом говорили. Том и Джулс устроили вылазку, надеясь разыскать собак-поводырей. Вместе с другими дожидаясь их возвращения, Мэлори пугала себя мыслями о бешеных животных. О том же она думает и сегодня. Вокруг оживает река, а Мэлори терзается жуткими фантазиями. Совсем как до рождения детей, когда тяжесть входной двери напоминала, что безумие рядом, одолело оно твоих близких или нет.

Глава 19

Мэлори на шестом месяце беременности. Токсикоз уже не так мучает, но приступы тошноты остались. У Мэлори изжога. Ноги болят. Десны кровоточат. Волосы стали гуще, причем не только на голове, но и на теле. Мэлори чувствует себя раздувшейся, бесформенной уродиной. Но сейчас она выносит к порогу ведро мочи и тревожится не о своем уродстве, не о плохом самочувствии, а о безопасности Тома с Джулсом.

Удивительно, как она прониклась к каждому из нынешних соседей. До приезда сюда она много раз слышала, что люди нападают на окружающих, прежде чем покончить с собой. «Чем этот ужас чреват для меня и моего будущего ребенка?» – волновалась тогда Мэлори. Теперь она волнуется о безопасности целого дома.

Том с Джулсом ушли пять часов назад. Напряжение растет с каждой минутой, и Мэлори не замечает, в который раз ее соседи выполняют свои обязанности по хозяйству.

Мэлори ставит ведро у двери черного хода. Через несколько минут Феликс его вынесет. Сейчас он в столовой, чинит стул. Мэлори идет мимо кухни в гостиную. Шерил вытирает там пыль с фоторамок, с телефона. Руки у Шерил очень тонкие и бледные. За два месяца, что Мэлори живет в этом доме, его обитатели исхудали. Они плохо едят, мало двигаются и не бывают на солнце. Том устроил вылазку в надежде на лучшую жизнь для каждого из них. Только что он может?

Если они с Джулсом сгинут, кто сообщит об этом обитателям дома?

Встревоженная, Мэлори предлагает Шерил помощь. Та отказывается и выходит из гостиной, но Мэлори одна не остается. За креслом сидит Виктор и смотрит на одеяла, которыми завешены окна. Он поднял голову и дышит тяжело, даже язык высунул. Мэлори кажется, пес ждет, как и она. Виктор ждет хозяина.

Пес словно чувствует, что за ним наблюдают, медленно поворачивается к Мэлори, потом снова – к завешенному окну.

Дон входит в гостиную, садится в кресло, через пару секунд встает и уходит. Олимпия спускается на первый этаж, ищет что-то под раковиной, потом вспоминает: то, что она ищет, у нее в руках. Олимпия бредет обратно на лестницу. Шерил вернулась в гостиную и вытирает пыль с фоторамок. Их она уже протирала. Только что. Шерил протирает их снова, как на автопилоте. Обитатели дома все делают как на автопилоте, чтобы занять

время. Они почти не разговаривают, почти не поднимают глаза. Одно дело принести воды из колодца (даже тогда все волнуются за ушедшего), а затея Тома с Джулсом – совсем другое. За них тревожиться просто невыносимо.

Мэлори отправляется на кухню. В доме есть лишь одно место, где атмосфера немного иная. Туда Мэлори и нужно. Срочно нужно. Ей нужно уединиться.

В подвал!

На кухне работает Феликс. Он будто не замечает Мэлори, не говорит ни слова. Она открывает дверь и по ступенькам спускается на земляной пол.

Мэлори тянет за веревку, зажигает свет и оглядывает место, которое Том показывал ей два месяца назад. Выглядит оно иначе. Меньше банок. Меньше пестрых этикеток. Нет Тома, который делал записи и в сутках высчитывал, когда начнутся голод и беда.

Мэлори приближается к полкам и рассеянно читает надписи на этикетках.

«Кукуруза. Свекла. Тунец. Горошек. Грибы. Фруктовое ассорти. Стручковая фасоль. Вишня. Клюква. Грейпфрут. Ананас. Тушеные бобы. Овощное ассорти. Перец чили. Водяной орех. Измельченные помидоры. Помидоры в собственном соку. Томатный соус. Квашеная капуста. Морковь. Шпинат. Куриный бульон».

Мэлори вспоминает, как здесь было в прошлый раз. Ряды консервов напоминали стену. Сейчас в этой стене появились бреши. Огромные бреши. Словно в подвале отгремела битва и первые удары враги нанесли по припасам. Хватит ли еды до рождения ребенка? Том и Джулс не возвращаются. Удастся ли растянуть консервы до того страшного дня? Что делать, когда продукты кончатся? На охоту идти?

Ребенку хватит грудного молока. Но ведь оно появится, только если мать сыта.

Поглаживая живот, Мэлори усаживается на табурет.

Она вспотела, хотя в подвале прохладно. Над головой отчетливо слышны беспокойные шаги обитателей дома. Потолок так и скрипит.

Мэлори убирает со лба влажную прядь, прислоняется к полкам и считает банки. Веки слипаются. Клонит в сон, и Мэлори... засыпает.

Будит ее лай Виктора.

Мэлори тут же открывает глаза.

«Виктор лает. Почему он лает?»

Скорее на лестницу! Быстрее в гостиную! Остальные уже там.

– Замолчи! – орет Дон.

Виктор заливается у окна.

– В чем дело? – спрашивает Мэлори звенящим от паники голосом.

Дон снова орет на Виктора.

– Он просто нервничает без Джулса, – с тревогой говорит Феликс.

– Нет, он что-то слышал, – возражает Шерил.

– Только нам неизвестно, что именно, – огрызается Дон.

Виктор снова лает. Громко. Зло.

– Виктор, хватит! – велит Дон.

Обитатели дома жмутся друг к другу в гостиной. Они не вооружены. Если Шерил права, если Виктор услышал кого-то у дома, что делать?

– Виктор! – снова орет Дон. – Я убью тебя, тварь!

Только Виктора не остановить. А Дон, хоть и кричит, напуган не меньше Мэлори.

– Феликс! – нерешительно зовет Мэлори, глядя на окно, которое выходит на улицу. – Ты говорил, за домом есть сад. А садовые инструменты найдутся?

– Да. – Феликс тоже смотрит на черные одеяла.

– Они в доме?

– Да.

– Что же ты их не несешь?

Феликс поворачивается к ней. Секунду спустя он выходит из гостиной.

Мэлори мысленно перебирает имеющееся в доме. Каждая ножка стола или стула – потенциальное оружие, любой крепкий предмет – боеприпас.

Виктор лает все громче и залистее. Замолкает он буквально на секунды, тогда Мэлори слышит шаги Феликса. Тот лихорадочно разыскивает тяжелый садовый инвентарь, который защитит от неведомого врага.

Глава 20

Наступил полдень. Том с Джулсом так и не вернулись. Прошло в два раза больше обещанных двенадцати часов. Настроение у обитателей дома ухудшается с каждой минутой.

Виктор так и сидит у завешенного одеялом окна.

Обитатели дома держатся вместе и ждут, когда пес успокоится.

«Рано или поздно до нас доберутся, – предрек Дон. – На другое рассчитывать не следует. Это конец света, и если дело в тварях, сущность которых мы не в состоянии постичь, вина целиком наша. Я всегда предполагал, что конец наступит из-за человеческой глупости».

Наконец Виктор затих.

Сейчас Мэлори на кухне, опускает руки в ведро с водой. Сегодня утром к колодцу ходили Дон и Шерил. Каждый раз, когда они стучали и передавали Феликсу полное ведро, в сердце у Мэлори теплилась надежда, что это Том.

Мэлори ополаскивает лицо, проводит мокрыми пальцами по спутанным волосам.

– Черт подери! – бормочет она.

Мэлори одна на кухне. Она смотрит на одеяла, которыми завешено единственное окно, и гадает, что могло случиться. Варианты один ужаснее другого.

«Джулс убил Тома. Он увидел тварь и за волосы затащил Тома в реку. Держал Тома под водой, пока тот не задохнулся. Или они оба что-то увидели. В соседнем доме. Увидели и убили друг друга. Их искореженные трупы валяются на полу в чужом доме. Или, наоборот, Том что-то увидел. Джулс попытался его остановить, но Том сбежал. Заблудился в лесу. Ест жуков. Обгладывает кору с деревьев. Жует свой язык...»

– Мэлори!

Мэлори вздрагивает от неожиданности. На кухню вошла Олимпия.

– Что?

– Мэлори, мне страшно. Том говорил о двенадцати часах.

– Да, я помню, – отвечает Мэлори. – Мы все помним.

Она хочет положить руку Олимпии на плечо и из столовой слышит голос Дона:

– По-моему, их не следует пускать обратно.

Мэлори бросается в гостиную, но Феликс уже там.

– Брось, Дон, не перегибай палку.

– Феликс, что, по-твоему, творится там, снаружи? По-твоему, у нас тут благополучный райончик? Если кто уцелел, то живет явно не в праведности. Вдруг Тома с Джулсом похитили? Вдруг их взяли в заложники? Вдруг сейчас похитители спрашивают их о припасах? О наших припасах?

– Черт тебя дери, Дон! – ругается Феликс. – Если ребята вернутся, я их впущу.

– Если это они, – уточняет Дон. – И если мы удостоверимся, что Тома не держат под прицелом.

– Заткнитесь, оба! – велит Шерил, влетая в столовую чуть раньше Мэлори.

– Дон, ты же не серьезно? – спрашивает Мэлори.

– Еще как серьезно, – отвечает Дон, поворачиваясь к ней.

– Ты не хочешь пускать их обратно? – недоумевает Олимпия из-за спины Мэлори.

– Я сказал не так! – огрызается Дон. – Я сказал, что в нашем районе могут найтись плохие ребята. Это тебе ясно, Олимпия? Или чересчур сложно?

– Ну ты и ублюдок! – вырывается у Мэлори.

Еще немного, и Дон ее ударит.

– Никаких ссор! – отрезает Шерил.

– Прошло больше суток, – с упреком напоминает Дон.

– Слушай... займись чем-нибудь, а? – просит Феликс. – Всем и так тошно.

– Нужно привыкать жить без них.

– Только день прошел, – говорит Феликс.

– Да, но день там, снаружи.

Дон садится за пианино. Кажется, что сейчас он смягчится, но впечатление обманчиво.

– Зато продуктов теперь на дольше хватит, а это огромный плюс.

– Дон! – рявкает Мэлори.

– Мэлори, ты же ребенка ждешь. Разве не надеешься протянуть подольше?

– Убила бы тебя, – говорит Шерил.

Дон поднимается со скамьи. Лицо у него багровое от злости.

– Том с Джулсом не вернутся, Шерил. Прими это как данность. Вот проживешь лишнюю неделю за счет их пайка, потом съешь Виктора, потом, вероятно, поймешь, что надежда – роскошь из прошлой жизни.

Шерил вплотную подступает к Дону, угрожающе сжав кулаки.

Виктор заливается в столовой.

Феликс встает между Доном и Шерил. Дон его отталкивает. Мэлори спешит к ним. Феликс замахивается. Сейчас он ударит Дона.

Феликс опускает руку.

Во входную дверь стучат.

Глава 21

Все мысли Мэлори занимает Дон.

– Мама, повязка жмет, – жалуется Мальчик.

– Осторожно зачерпни воды и смочи там, где жмет. Не снимай повязку ни в коем случае.

Однажды после ужина Мэлори с Олимпией задержались за столом. Они говорили о муже Олимпии. О том, каким он был. Как хотел ребенка. В столовую ворвался Дон.

– Младенцев надо ослепить, – заявил он, перебив Олимпию на полуслове. – Сразу, как родятся.

Будто он давно об этом думал, а сейчас лишь озвучил свои мысли.

Дон сел к ним за стол и объяснился. С каждым его словом Олимпия все больше замыкалась в себе. Такую позицию она считала безумием и убежденно называла ее воплощением жестокости.

Мэлори так не думала. В глубине души она понимала, что Дон прав. Стоит ли отдавать каждый миг грядущего материнства заботам о глазах ребенка? За это время она сделает столько полезного... В серьезности, с которой Дон говорил об ослеплении, Мэлори чувствовала не просто грубость. Речь шла о пугающих перспективах, о шагах, которые, возможно, предстоит сделать, о поступках, которые предстоит совершить. В прежнем мире к такому не готовили. Вариант Дона ужасен, но полностью Мэлори его не отвергала.

– Мама, так лучше, – говорит Мальчик.

– Ш-ш-ш! – шипит Мэлори. – Слушай!

Когда детям было шесть месяцев, Мэлори уже укладывала их в колыбели под сетчатые купола. Ночью внешний мир погружался в тишину, а дом во мрак.

На первых порах Мэлори часто слушала, как дети дышат во сне. Другая мать наблюдала бы исключительно от большой любви, Мэлори же задавалась практическими вопросами. Нормально ли они дышат? Получают ли достаточно питательных веществ из колодезной воды и грудного молока матери, которая целый год не питалась полноценно? Мэлори вечно переживала за их здоровье. За их питание. За их гигиену. За их глаза.

«Младенцев надо ослепить. Сразу, как родятся».

Сидя на темной кухне, Мэлори отчетливо поняла, что предложение

Дона не ставит ее перед моральным выбором, а создает практические сложности. Вдруг ей сил не хватит? Мэлори всматривалась в коридор, вслушивалась в дыхание детей и сознавала: предложение вполне здоровое.

«Ты беспокоишься только о том, как бы они не выглянули на улицу. Проверяешь одеяла. Проверяешь колыбели. Дети не вспомнят это время, когда подрастут. Они не вспомнят, что умели видеть».

Если не увидят новый мир, дети не потеряют ровным счетом ничего.

Мэлори вставала из-за стола и подходила к двери подвала. Внизу на земляном полу стояла бутылка растворителя. Много лет назад Мэлори прочла надпись на этикетке и знала, сколь опасен растворитель при попадании в глаза. Если не промыть глаза в течение тридцати секунд, человек может ослепнуть.

Мэлори спустилась в подвал, взяла бутылку и принесла наверх.

«Действуй быстро. Глаза им не промывай».

Вспомнят ли это младенцы? Станут ее бояться? Или жуткое происшествие со временем затеряется в море слепых воспоминаний?

Мэлори выбралась из кухни в темный коридор, ведущий в детскую.

Сопение малышей слышалось даже в коридоре.

У двери Мэлори остановилась и глянула во мрак детской.

В тот момент она искренне верила, что справится.

Мэлори бесшумно вошла в детскую, поставила бутылку на пол и сняла полотняные крышки с обеих колыбелей. Дети не шевельнулись. Мальчик дышал ровно, будто видел сладкие сны, не имеющие ничего общего с ожидающими его кошмарами.

Мэлори быстро сняла сетчатый купол с колыбели Девочки, нагнулась и взяла бутылку.

Девочка дышала спокойно и ровно.

Мэлори подняла ее головку и сняла повязку. Девочка заплакала.

«Она открыла глаза. Лей!» – велела себе Мэлори.

Она подняла головку Девочки к краю колыбели и поднесла открытую бутылку к красному от плача личику.

Мальчик проснулся и тоже заплакал.

– Перестаньте! – велела им Мэлори, борясь с собственными слезами. – Незачем вам видеть этот мир.

Она чуть больше наклонила бутылку. Растворитель пролился ей на руку, на ноги, на пол.

Почувствовав его кожей, Мэлори мигом отбросила иллюзии.

Она не сумеет.

Мэлори отпустила головку Девочки. Малютка по-прежнему плакала.

Мэлори поставила бутылку на пол и медленно попятилась в коридор, оставив малышей реветь в темноте.

В коридоре Мэлори прижалась к стене, чтобы не упасть, и поднесла руку ко рту. Тут ее и стошнило.

– Мама, мне помогло, – говорит Мальчик сейчас, на реке.

– Что помогло? – спрашивает Мэлори, с трудом вырываясь из плена воспоминаний.

– Повязка теперь не жмет.

– Хватит разговоров, Мальчик! Только если что-нибудь услышишь.

Мэлори делает глубокий вдох и чувствует что-то вроде стыда. Плечо болит сильнее. Усталость приносит с собой головокружение и дезориентацию. Мэлори кажется, с ней что-то очень не так. Детей она слышит: Мальчик сопит у носа лодки, Девочка перебирает кусочки пазла у кормы. Они в повязках, но не слепы. Вдруг сегодняшнее путешествие приведет их в совершенно новый мир, где они увидят то, что раньше не видели?

Если только она довезет их туда.

Глава 22

За дверью шевелятся. Тяжело дышат. Царапают деревянную раму. Мэлори в прихожей вместе с остальными. Феликс только что спросил, кто там. Пока не ответили, царапанье в дверь могло означать что угодно.

«Твари», – думает Мэлори.

Но за дверью не твари, а Том с Джулсом.

– Феликс! Это Том.

– Том!

– Мы до сих пор в шлемах. Мы не одни. Мы привели собак.

Феликс обливается потом и шумно выдыхает. Мэлори аж больно от облегчения.

Виктор лает и виляет хвостом.

– Виктор! – зовет его Джулс. – Дружище, я вернулся!

– Ладно, закройте глаза, – велит Феликс собравшимся в прихожей.

– Подождите! – говорит Дон.

– Чего ждать? – спрашивает Феликс.

– Вдруг они не одни? Вдруг их преследуют? Мало ли кто вместе с ними в дом проникнет!

– Том! – зовет Феликс после небольшой паузы. – Вы одни? С вами только собаки?

– Да.

– Не факт, что это правда, – говорит Дон.

– Слушай, Дон, – раздраженно начинает Мэлори, – пожелай кто-нибудь сюда пробраться, давным-давно был бы здесь.

– Мэлори, я думаю только о нашей безопасности.

– Понимаю.

– Я ведь тоже здесь живу.

– Да, только Том с Джулсом за дверью. Они вернулись. Нужно их впустить.

Дон выдерживает взгляд Мэлори, потом отводит глаза.

– Погубите вы нас, – предрекает он.

– В общем, сейчас дверь откроется, – говорит Мэлори, чувствуя, что Дон наконец уступает.

– Да уж, и плевать вам на мое мнение.

Дон закрывает глаза. Мэлори следом.

– Том, ты готов? – спрашивает Феликс.

– Да.

Открывается входная дверь. По плиткам стучат лапы, отчего кажется, что зашла целая толпа. Дверь захлопывается.

– Дайте мне метлу, – просит Феликс.

По стенам, полу и потолку шелестит метла.

– Полный порядок, – объявляет Феликс.

Просто открыть глаза в новом мире стало отважным поступком. Мэлори решительно разлепляет веки.

В прихожей буйство ярких красок. Две лайки деловито обнюхивают пол, смотрят на людей и на Виктора. При виде Тома Мэлори так волнуется, что словами не передать. Выглядит он неважно. Усталый. Грязный. Он словно пережил то, что Мэлори и представить не в состоянии.

В руках Том держит что-то белое. Коробку. По размерам в нее поместится небольшой телевизор. Из коробки доносится... неужели кудахтанье?

Олимпия порывисто обнимает Тома, который, хохоча, стаскивает шлем. Джулс опускается на колени, обнимает Виктора.

Шерил рыдает.

На лице Дона потрясение и стыд.

«Мы ведь чуть не подрались, – думает Мэлори. – Тома не было всего день, а мы чуть не подрались».

– Господи боже мой! – лепечет Феликс, потрясенно рассматривая лаек. – Получилось!

Мэлори заглядывает Тому в глаза. Когда они с Джулсом уходили, в них горел огонек, а сейчас он погас.

Что они там видели?

– Это лайки. Вообще-то они дружелюбные, пусть только освоятся немного, – объясняет Джулс, показывая на собак, а потом вдруг стонет от облечения.

«Как с войны вернулись, – думает Мэлори. – А не с прогулки по окрестностям».

– Что в коробке? – спрашивает Шерил.

– А в коробке... – Одной рукой Том поднимает коробку, другой снимает с нее крышку. – В коробке птицы.

Обитатели дома обступают коробку.

– Что за птицы? – спрашивает Олимпия.

Том медленно качает головой.

– Неизвестно. Мы нашли их в гараже у охотника. Как они выжили, непонятно. Наверное, им еду оставили. Сами слышите, они беспокойные.

Особенно если люди рядом. Мы уже проверяли: стоит приблизиться к коробке, они галдят.

– Так это наш ужин? – спрашивает Феликс.

– Нет, это наша сигнализация, – устало улыбается Том.

– Сигнализация? – удивляется Феликс.

– Подвесим коробку снаружи, у входной двери, – объясняет Джулс. –

Птиц будет слышно прямо из дома.

«Обычная коробка с птицами, – думает Мэлори. – Но, честное слово, кажется гигантским шагом вперед».

Том медленно закрывает крышку.

– Расскажите нам, как все было, – требует Шерил.

– Непременно, – обещает Том. – Только пойдете в столовую. Мы с Джулсом не прочь немного отдохнуть.

Обитатели дома улыбаются.

Все, кроме Дона.

Кроме Дона, который заочно объявил Тома с Джулсом погибшими. Кроме Дона, который уже претендовал на их пайки.

Том ставит коробку в коридоре у стены. Все собираются в столовой. Феликс приносит воды для Тома и Джулса. Те, увидев полные стаканы, принимаются рассказывать о своих приключениях.

Глава 23

Едва за ними закрылась дверь, Том неожиданно для себя запаниковал. Снаружи-то твари ближе.

«Они нападут, как только мы отойдем от дома?» – гадают Том.

Он представляет, как к нему прикасаются холодные руки. Как ему перерезают горло. Как ломают шею. Как мутнеет рассудок.

Но Том отчетливо понимает: о самих нападениях СМИ не рассказывали ни разу.

«Вот от чего нужно отталкиваться», – внушает себе Том, развивает эту мысль, докапывается до сути и успокаивается. Параллельно возникают другие ощущения.

Например, неукротимое, пьянящее чувство свободы.

После приезда в Ривербридж Том не сидел в доме безвылазно – не реже других ходил к колодцу за водой, выносил ведра с испражнениями. Только эта вылазка совершенно другая. Даже воздух другой. Не успели они с Джулсом пуститься в путь, налетел свежий ветерок. Он овеивает Тому шею. Овеивает губы. Ощущение престранное. Умиротворяющее. Большое воображение рисовало Тому по твари за каждым деревом и указателем. От чистого, свежего воздуха кружится голова.

Пусть хоть немного покружится.

– Джулс, ты готов? – спрашивает Том.

– Да.

Как настоящие слепые, они ощупывают дорогу метлами.

Сходят с крыльца. И ноги, и метла подсказывают Тому, что асфальт кончился. Он ступает по лужайке, а дом словно исчез. Том чувствует себя брошенным на произвол судьбы. Беспомощным. На миг он теряет веру в свою затею.

Том думает о дочери.

«Робин, я хочу лишь собак найти».

Сразу становится легче.

Метла скользит, очевидно, по обочине тротуара. Том ступает на асфальт, опускается на колени и нащупывает угол лужайки. Когда находит, вытаскивает из сумки деревянный колышек и втыкает в землю.

– Джулс, я пометил нашу лужайку, – объявляет Том. – Колышек поможет, когда станем искать дорогу домой.

Том встает, разворачивается и... больно ударяется о капот машины.

– Эй, ты как? – спрашивает Джулс.

Том расправляет плечи.

– Нормально, – отвечает он. – По-моему, я только что врезался в «вагонер» Шерил. Чувствую деревянную накладку.

Шаги и шорох метлы Джулса уводят Тома от машины.

При иных обстоятельствах, то есть без повязки и защитного шлема, если бы солнце светило на опущенные веки, мир Тома окрасился бы в оранжевый и персиковый. Сейчас в закрытых глазах чернота. Среди черного монохрома Том представляет дочь. Робин – маленький невинный гений. Она велит ему идти дальше. Иди, мол, папочка, иди туда, где есть нужное оставшимся в доме.

– Мать твою! – изрыгает Джулс и, судя по звукам, падает на асфальт.

– Джулс! – зовет его Том и замирает. – Джулс, в чем дело?

– Я обо что-то споткнулся. Ты еще не нащупал преграду? По-моему, это чемодан.

Том метлой прочерчивает широкую дугу, касается неведомого предмета и ползет к нему. Откладывает метлу на горячий асфальт и обеими руками ощупывает нечто, лежащее посреди улицы. Ответ приходит быстро.

– Это труп, Джулс.

Слышно, как Джулс поднимается.

– По-моему, это женщина, – говорит Том, поспешно убирает руки от ее лица и поднимается.

Они с Джулсом бредут дальше.

Чувства как на ускоренной перемотке. События развиваются слишком быстро. В прежнем мире, наткнувшись на труп, приходили в себя часами.

Сейчас Том с Джулсом бредут дальше.

Лужайка приводит их к кустам. За кустами дом.

– Так, здесь есть окно, – объявляет Джулс. – Я касаюсь оконного стекла.

Том идет на голос, добирается до окна. Они ощупывают кирпичную стену, пока не находят дверь. Джулс стучит, спрашивает: «Здесь есть кто-нибудь»? Снова стучит. Оба ждут еще немного, и Том начинает говорить. Он опасается, что в безмолвном мире его голос привлечет ненужное внимание, но вариантов нет. Предполагаемым обитателям дома Том объясняет, что намерения у них мирные, просто очень нужны продукты и другие предметы первой необходимости. Джулс снова стучит. Они ждут. В доме не слышно ни шороха.

– Ладно, вперед, – говорит Джулс.

– Вперед!

Оба возвращаются к окну. Том достает из сумки полотенце, оборачивает им руку и бьет по оконному стеклу. За ним нет ни одеяла, ни картона, ни доски: похоже, жильцы дома никак не защищались.

«Может, они уехали из города, пока не стало совсем солоно? Может, укрылись в другом месте?»

– Есть здесь кто-нибудь? – кричит Том в открытое окно.

Ответа нет, Джулс убирает осколки и помогает Тому влезть в дом. Что-то падает с глухим стуком. Потом в окно пролазит Джулс.

В комнате кто-то перебирает клавиши пианино. Том замахивается метлой.

– Том, это я сыграл, – говорит Джулс. – Извини, я случайно задел пианино.

Том тяжело дышит, потом успокаивается. Оба молчат.

– Здесь глаза открывать нельзя, – тихо говорит Джулс.

– Да, я в курсе, – отвечает Том. – Сбоку дует. Открыто еще одно окно.

Так хочется снять повязку! Но в доме небезопасно.

– Раз залезли сюда, давай заберем все, что можно, – говорит Том.

На первом этаже почти ничего полезного нет. Том с Джулсом обыскивают кухонные шкафчики. Том обшаривает полки, находит батарейки. Потом свечи. Потом ручки.

– Пошли отсюда, – говорит он Джулсу, засовывая добро в сумку.

– А второй этаж?

– Мне здесь не нравится. А съестному место внизу, на кухне.

Ощупью, с помощью метел, они пробираются к двери, отпирают ее и выходят из дома. На улицу они не возвращаются, а по лужайке бредут к соседнему дому, на один дальше от своего убежища.

На втором крыльце процедура повторяется. Том с Джулсом стучат, громко объясняют, что им нужно, ждут и, не услышав изнутри ни шороха, разбивают окно. Теперь очередь Джулса.

Его кулак сталкивается с хлипкой защитной перегородкой. Джулсу кажется, что это картон.

– Здесь, может, кто и есть, – сообщает он шепотом.

Оба ждут реакции на шум, который подняли. Реакции нет. Том громко сообщает, что они соседи, что ищут собак, а взамен предлагают убежище. Ответа нет. Джулс убирает осколки, помогает Тому влезть в окно, влезает сам и поправляет картонную перегородку.

Дом они обыскивают с помощью метел. На это уходят часы. Спина к спине, Том с Джулсом машут метлами по кругу. Наконец убеждаются, что в комнатах пусто, окна закрыты и двери заперты. Том объявляет, что

опасности нет.

Оба понимают, что случится дальше.

Дальше они снимут шлемы, повязки и откроют глаза. Уже много месяцев оба не видели ничего, кроме своего убежища.

Джулс освобождает глаза первым. Том слышит, как он расстегивает шлем, и делает то же самое. Поднимает повязку на макушку и, незащищенный, поворачивается к Джулсу.

– Готов?

– Готов.

Оба открывают глаза.

Однажды, еще мальчишкой, Том с приятелем залезли к соседям через незапертую дверь черного хода. Никакого плана, никакого замысла у сорванцов не было. Хотелось лишь проверить, получится ли. Получилось даже больше, чем они надеялись. Пришлось сидеть в кладовой и ждать, когда семейство отужинает. Когда наконец выбрались на свободу, приятель поинтересовался, как Том себя чувствует.

«Грязным», – ответил он тогда.

Сейчас Том открывает глаза в чужом доме и чувствует то же самое.

Это не его дом, но он в него забрался. Вокруг не его вещи, но он может их присвоить. Здесь жила семья. У супругов был ребенок. Том замечает игрушки. С фотографии на него смотрит мальчик. Светлыми волосами и ребяческой улыбкой он напоминает Робин. После того как дочь погибла, Тому о ней напоминает все – любая мелочь, любой пустяк. Сейчас в чужом доме он представляет себе жизнь неизвестной семьи. Как мальчик рассказывал родителям о том, что слышал в школе. Как отец читал первые сообщения в прессе. Как мать звала сына в дом. Как они вместе сидели у телевизора, смотрели новости и пугались. Как отец на глазах у сына пожимал руку матери.

Робин...

Домашних животных здесь, похоже, не держали. Нет ни игрушек, ни кошачьей лежанки, ни собачьего запаха. Но Том думает об отсутствующих хозяевах.

– Том, иди наверх, – говорит Джулс. – Я закончу здесь, внизу.

– Ладно.

У основания лестницы Том поднимает голову, вытаскивает повязку из кармана и завязывает глаза. Дом они проверили, только как заставить себя подняться на второй этаж с открытыми глазами?

Хорошо ли они проверяли?

Том поднимается, нащупывая дорогу метлой. Задевает плечом

фотографии и вспоминает портрет Джорджа, висящий на стене в его нынешнем доме. Спотыкается, теряет равновесие, касается ладонями ковра. Встает. Сколько ступеней впереди! Кажется, он уже на крышу поднялся.

Наконец метла упирается в последнюю ступеньку. Мысли Тома отстают от метлы, и он снова спотыкается, теперь врезаясь в стену. На втором этаже тихо. Том опускается на колени, кладет метлу рядом, расстегивает сумку и ищет фонарь. Нашел!

Том поднимается и на ощупь, с помощью метлы, движется вперед. Поворот направо – запястье ударяется обо что-то холодное и твердое. Том останавливается и ощупывает предмет. Вроде бы стеклянный. Ваза. Откуда мерзкий запах? Прежде Том его не чувствовал. Вот хрупкие, засохшие листья. Он нащупывает стебли и понимает, что это цветы. Возможно, розы. Они давным-давно завяли. Том поворачивает налево. Аромат засохших роз совершенно теряется на фоне другого запаха.

Том останавливается в коридоре. Как же они с Джулсом не почувствовали этот запах?

– Эй, здесь есть кто-нибудь?

Тишина. Свободной рукой Том закрывает рот и нос. Вонь просто ужасная. Том бредет дальше по коридору. Справа дверь. Том переступает порог и попадает в ванную. Шорох метлы эхом отражается о кафель. Из сточных отверстий пахнет сыростью и плесенью. Том тычет метлой в занавеску, проверяет ванну. Находит аптечку, в ней пузырьки. В карман их. Том что-то слышит и оборачивается.

Теперь он лицом к ванне.

«Ты только что ее проверил. Там ничего не было».

Одной рукой Том держится за полку, другой медленно поднимает метлу. Он держит ее перед собой, глаза по-прежнему завязаны.

– Здесь кто-то есть?

Шажок, другой – Том приближается к ванне.

Машет метлой раз, потом еще раз.

Горло сжимается. Запах просто невыносим.

Том отчаянно машет метлой над ванной. Касается потолка, потом отступает на шаг. Метла падает на пол, задевает что-то и издает звук, какой Том слышал, когда рылся в шкафчиках. Он быстро нащупывает пустую пластиковую бутылку.

Со вздохом он возвращается из ванной в коридор, идет дальше и вскоре попадает к другой двери. К закрытой. Слышно, как на первом этаже орудует Джулс. В этой комнате холодно.

Метла упирается во что-то прямо по ходу. Том ощупывает

неизвестный предмет и убеждается: это матрас на кровати. Не открывая глаз, Том понимает, что попал в детскую. Он закрывает дверь, проверяет комнату метлой и включает свет.

Теперь можно снять повязку и открыть глаза.

На стенах треугольные флажки с символикой спортивных команд. Один из зоопарка.

На покрывале изображения гоночных автомобилей «Формулы-1». Комната душная. Нежилая. Свет горит, и Том убирает фонарь в сумку. Беглый осмотр убеждает, что здесь нет ничего полезного. Вспоминается комната Робин.

Том закрывает глаза и уходит.

Чем дальше по коридору, тем ужаснее запах. Невозможно двигаться, не прикрывая рот рукой. В конце коридора стена. Том поворачивается, метла задевает дверь. Он замирает: дверь медленно открывается.

«Вы с Джулсом проверяли эту комнату? ПРОВЕРЯЛИ?»

– Здесь есть кто-нибудь?

Тишина. Том медленно входит в комнату, включает свет и ищет окна. Находит два. Оба капитально забаррикадированы досками. Комната большая.

«Это хозяйская спальня».

Том бредет через комнату. Вонь так сильна, что он чувствует ее физически, словно может потрогать. Метлой он нащупывает путь в гардеробную. Здесь костюмы, куртки. Том гадает, не взять ли их с собой. Зима-то не за горами.

Поворот, и он нащупывает другую дверь, поменьше. За ней вторая ванная. Том снова обыскивает шкафчик и аптечку. Опять попадают пузырьки с лекарствами. Зубные щетки. Зубная паста. Том ищет окно. Оно загорожено досками. С помощью метлы он выбирается из ванной и закрывает за собой дверь.

Все окна забаррикадированы. Том решает, что он в безопасности, и, встав у гардеробной, открывает глаза.

На кровати сидит ребенок и смотрит на него.

Том закрывает глаза.

Так выглядят твари?

«Ты не был в безопасности! НЕ БЫЛ!»

Сердце бешено колотится. Что он видел? Лицо. Стариковское? Нет, юное. Юное, но увядшее. Том хочет позвать Джулса, но чем дольше держит глаза закрытыми, тем яснее становится образ.

Это мальчик. Его фотографии висят на первом этаже.

Том снова открывает глаза.

Мальчик, одетый в костюм, прислонился к темной спинке кровати. Лицо наклонено к Тому под неестественным углом. Рот разинут, глаза открыты. Руки аккуратно сложены на коленях.

«Ты умер от голода в родительской спальне», – думает Том.

Зажав рукой рот и нос, Том подходит к мальчику и сравнивает его с фотографиями. Сморщенный трупик похож на мумию.

«Давно ты умер? Сильно я опоздал?»

Том смотрит в мертвые глаза мальчишки.

«Робин, прости меня», – думает он.

– Том! – зовет Джулс с первого этажа.

Том оборачивается, пересекает комнату и выходит в коридор.

– Джулс, как ты там?

– Полный порядок! Спускайся скорее, я нашел пса.

На что ему решиться? Том-отец не желает бросать мальчика. Робин лежит в могиле за домом, покинутым давным-давно.

– Знал бы я, что ты здесь, пришел бы скорее, – говорит Том, поворачиваясь к хозяйской спальне.

И опрометью бросается на лестницу.

«Джулс нашел пса».

Джулса Том встречает у основания лестницы. Рассказать о мальчике не успевает – Джулс ведет его через кухню и рассказывает о своей находке. У лестницы, ведущей в подвал, Джулс велит Тому смотреть внимательно.

Внизу лежат хозяева дома. Лежат на спинах, одетые как для церкви, только плечи у обоих изодраны. На груди у женщины листок, вырванный из блокнота. «Пакойся с миром», – написал кто-то маркером.

– Я нашел мальчика, который написал записку, – вздыхает Том. – Он же положил туда родителей.

– Они от голода умерли, – говорит Джулс. – Еды в доме нет. Не представляю, как собака выжила.

Джулс показывает не на трупы, а подальше. Том опускается на колени и замечает лайку, скрючившуюся между шуб, висящих на вешалке.

Собака истощена. Небось глодала трупы хозяев, потому и выжила.

Джулс достает из сумки кусочек мяса и швыряет лайке. Та медленно подходит к угощению, потом заглатывает его.

– Она не злая? – тихо спрашивает Том.

– Собаки не злятся на тех, кто их кормит, – отвечает Джулс.

Он осторожно подбрасывает лайке мяса. Ласково говорит с ней. Только с этой лайкой еще нужно поработать. Нужно время.

Остаток дня решено провести в этом доме. Джулс подкармливает лайку мясом, приручает ее. Том, не теряя времени, обыскивает комнаты, где уже побывал Джулс. К тому, что уже есть в убежище, добавить почти нечего. Том не обнаруживает ни телефонного справочника, ни еды.

Джулс разбирается в собаках куда лучше, чем Том, и говорит, что уходить рановато. Лайка еще неуправляема и недостаточно ему доверяет.

Том помнит, что пообещал обитателям дома вернуться через двенадцать часов. Минуты убегают одна за другой.

Наконец Джулс объявляет, что собака готова уйти из дома.

– Тогда пошли, – говорит Том. – Работать с лайкой будем по дороге. Здесь спать нельзя, здесь смертью пахнет.

Джулс согласен, только пристегнуть поводок удастся не сразу. Далеко не сразу. Когда наконец получается, Том решает плюнуть на двенадцать часов. За вечер они раздобыли собаку, кто знает, что принесет утро?

Минуты бегут, бегут, бегут.

В прихожей Том с Джулсом завязывают глаза и надевают шлемы. Том открывает дверь, и они выбираются из дома. Тому помогает метла, Джулсу – собака. Бедняга тяжело дышит. По лужайке они уходят еще дальше от Мэлори, Дона, Шерил, Феликса и Олимпии, к следующему дому.

Там хотелось бы заночевать. Если, конечно, окна забаррикадированы, если в комнатах не опасно, если их не ждет запах смерти.

Глава 24

Боль в плече так сильна и многогранна, что Мэлори представляет себе ее очертания. Она видит, как боль двигается вместе с плечом. Боль уже не острая, как в первый момент. Теперь она тупая и пульсирующая. Буйство красок поблекло до полутонов. Представляет Мэлори и днище лодки. Там теперь и моча, и вода, и кровь. Дети спрашивали, как мама себя чувствует. Мэлори сказала, что хорошо, но они ощущают ложь. Они слишком чуткие, на слово не верят.

Сейчас Мэлори не плачет, но без слез не обошлось. Слезы текли на повязку вроде бы беззвучно, только дети умеют дробить тишину на звуки.

«Так, ребята, закрываем глаза», – говорила Мэлори, усадив детей за кухонный стол.

Они закрывали.

«Что я делаю?»

«Улыбаешься».

«Правильно, Девочка! Как ты догадалась?»

«Когда ты улыбаешься, то дышишь по-особенному».

На следующий день эксперимент повторялся.

«Мама, ты плачешь».

«Верно. Почему я плачу?»

«Тебе грустно».

«А еще?»

«Еще тебе страшно».

«Правильно. Давайте попробуем снова».

Вода становится холоднее. Каждый мучительный гребок осыпает Мэлори брызгами.

– Мама! – зовет Мальчик.

– Что? – вскидывается Мэлори, услышав его голос.

– Как ты себя чувствуешь?

– Ты уже спрашивал.

– Я слышу, что тебе нехорошо.

– Я сказала хорошо, значит, хорошо. Довольно вопросов.

– Ты даже дышишь иначе, – вмешивается Девочка.

Так и есть, Мэлори сама чувствует. «Дыхание стесненное», – думает она.

– Это из-за гребли, – врет Мэлори.

Сколько раз Мэлори сомневалась в своем материнском долге, методично превращая детей в слушающие машины. До чего ужасно было смотреть, как они растут. Заботам Мэлори словно поручили двух детей-мутантов. Маленьких монстров. По сути, тварей, научившихся слышать улыбку. Быстрее самой Мэлори чувствующих, что ей страшно.

Рана на плече серьезная. Таких Мэлори боялась всегда. Мелких, потенциально опасных повреждений хватало. Когда детям исполнилось два, Мэлори оступилась и упала на лестнице, ведущей в подвал. Однажды несла воду из колодца, оскользнулась и ударилась головой о камень. А как-то почти наверняка сломала запястье. В другой раз на зубе появился скол. Как выглядят ее ноги без синяков, Мэлори уже забыла. Сейчас словно плоть от плеча отслаивается. Мэлори хочет остановить лодку. Хочет найти больницу. Хочет бежать по улицам с криками «Мне нужен доктор! Мне нужен доктор! Не то я умру, а дети умрут без меня!»

- Мама! – зовет Девочка.
- В чем дело?
- Мы плывем не в ту сторону.
- Что?!

Силы кончились, Мэлори увеличила нагрузку на здоровую руку, стала грести против течения и даже не почувствовала.

Вдруг Мальчик накрывает ее руку своей. Мэлори хочет оттолкнуть его, но догадывается, что он задумал. Мальчик сжимает весло вместе с ней, поворачивает его вместе с ней, словно крутит ручку у колодца.

В холодном, полном боли мире Мальчик чувствует, что ей тяжело, и помогает грести.

Глава 25

Лайка лижет тому руку. Слева от него, на устланном ковром полу гостиной, храпит Джулс. За спиной у Тома огромный телевизор на дубовой подставке. У стены коробки с пластинками. Лампы. Клетчатый диван. Камин, выложенный камнем, над каминной полкой большая картина, изображающая пляж. Тому кажется, это северный Мичиган. Над головой пыльный потолочный вентилятор.

Руку лайка лижет, потому что накануне вечером Том с Джулсом отужинали затхлыми картофельными чипсами.

В этом доме нашлось чуть больше полезного, чем в предыдущем. Прежде чем лечь спать, Том с Джулсом сложили в сумки несколько банок консервов, две пары детской обуви, две курточки и крепкое пластиковое ведро. Телефонный справочник не обнаружили. Видимо, в эпоху сотовых телефонные справочники превратились в ненужный раритет.

Зато обнаружили доказательство, что владельцы дома уехали из Ривербриджа в маленький тexasский городок на границе с Мексикой. Попалось «Руководство для выживания в кризисной ситуации» с пометками. Попались длинные списки покупок, среди которых были запчасти и бензин. Судя по квитанциям, хозяйева купили десять фонариков, три удочки, шесть ножей, канистры с водой, соленые орешки, пропан, три спальных мешка, генератор, арбалет, рафинированное масло, бензин и растопку. Пес лижет ему руку, а Том думает о Техасе.

– Кошмар приснился, – объявляет Джулс.

Том поворачивает голову: его друг проснулся.

– Приснилось, что мы заблудились и наш дом не нашли, – продолжает Джулс. – И Виктора я больше не видел.

– Ты же помнишь, что я в лужайку специально колышек воткнул? – спрашивает Том.

– Помню, – отвечает Джулс. – Мне приснилось, что его выдернули.

Джулс встает. Они с Томом завтракают орехами, лайка – консервированным тунцом.

– Давай перейдем через дорогу, – предлагает Том.

Трава лужайки сменяется асфальтом. Том с Джулсом снова на улице.

Солнце припекает. На свежем воздухе чудо как хорошо. Том хочет об этом сказать, но Джулс окликает его первым.

– Том, а это еще что?

Том, с завязанными глазами, поворачивается.

– О чем ты?

– Здесь какие-то колышки, Том. Похоже... Здесь палатка.

– Посреди улицы?

– Да, посреди нашей улицы.

Том подходит к Джулсу. Его метла касается чего-то, судя по лязгу, металлического. Том опасно тянется во мрак и касается находки Джулса.

– Не понимаю, – говорит Том, кладет метлу на землю и обеими руками ощупывает край брезента, натянутого выше его роста. Вспоминается уличная ярмарка, на которую он однажды водил дочь. Дороги тогда перекрыли оранжевыми конусами. Сотни художников и скульпторов продавали свои работы – картины, рисунки, статуэтки. Продавцов разместили рядами – пойдя пересчитай их! Каждый выставил свой товар в брезентовой палатке.

Том заходит в палатку, поднимает метлу над головой и прочерчивает широкую дугу. Здесь лишь четыре столбика, на которые натянут брезент.

«Военные», – думает Том. Палатка явно не ярмарочная.

В детстве Том слышал, как мать хватается перед подругами, мол, ее сын «не пасует перед трудностями». «Он старается решить любую проблему, – говорила она. – Интересуется каждой мелочью в доме». Тому вспоминались улыбки на лицах маминых подруг в ответ на такие рассказы. «Игрушки? Игрушки ему не нужны, – заявляла мать. – Ветка дерева для него игрушка. Провода за магнитофоном – игрушки. Понять, как открывается окно, – любимая игра». В таком ключе описывалась вся жизнь Тома. «Ему нужно знать, как что устроено. Задайте Тому вопрос. Если он не сможет ответить сразу, то непременно выяснит. Он из тех, кто решает проблемы. Любые». Том не считал свой характер исключительным, пока не родилась Робин. Дочкин интерес к сути вещей потряс его. Сейчас он стоит у палатки и чувствует себя не то мальчишкой, желающим понять, как устроена палатка, не то родителем, предостерегающим его об опасности.

Том с Джулсом долго ощупывают палатку.

– Может, она нам пригодится, – говорит Том, но Джулса уже нет рядом с ним.

Том перебирается через дорогу и на голос Джулса идет на лужайку.

Так они оказываются у первого незапертого дома. Глаза в нем лучше не открывать. Том с Джулсом переступают порог.

В доме гуляют сквозняки. Значит, окна можно не проверять: они точно открыты. В первой же комнате метла Тома упирается в грудку коробок. Ясно, что хозяйева дома готовились к отъезду.

– Джулс, проверь здесь, – просит Том. – Я пойду дальше.

Убежище они покинули двадцать четыре часа назад.

Под ногами ковер. Том медленно пробирается по чужому дому. Вот диван. Вот стул. Вот телевизор. Джулса и лайку здесь почти не слышно. В раскрытые окна дует.

Вот стол. Том проводит рукой по его поверхности и что-то нащупывает.

«Миска», – думает он.

Том поднимает ее и слышит, как на стол что-то падает. Ощупав поверхность стола, Том находит нечто неожиданное.

Вроде бы ложка для мороженого, но поменьше.

Том проводит по ложке пальцем. К ней что-то прилипло. Том вздрагивает. Это не мороженое. Однажды он уже касался чего-то подобного.

«На краю ванны. Возле дочкиного запястья. Кровь была такой. Густой. Мертвой. Кровь Робин...»

Дрожа, Том подносит миску к груди, а ложку откладывает. Он ведет пальцем вниз по гладкой керамической поверхности, касается чего-то, лежащего на дне. Охает и роняет миску на ковер.

– Том!

Том отвечает не сразу. Он и такого однажды касался.

Робин принесла это из школы, с урока природоведения, и держала в банке из-под кофе, куда собирала мелочь. Том обнаружил трофей, когда Робин была в школе. Обнаружил, потому что искал источник мерзкого запаха.

Трофей, поблекший шарик, обнаружился в банке, прямо на монетах. Между пальцами Тома шарик с хлюпаньем сжался.

Свиной глаз. Препарированный. Робин говорила, что на природоведении они проводили опыты.

– Том, что у тебя случилось?

«Джулс зовет. Ответь ему».

– Том!

– Все нормально, Джулс. Просто я что-то уронил.

Том пятится, спеша уйти из комнаты, и касается чего-то рукой. Снова знакомое ощущение.

«Это плечо, – думает Том. – За столом сидит труп».

Том представляет себе труп, восседающий на стуле. Безглазый.

Сперва Том и шевельнуться не может, стоит лицом к безглазому. Потом бросается прочь из комнаты.

– Джулс, пошли скорее отсюда!

– В чем дело?

Том рассказывает. Через пару минут оба выбираются из дома, решив вернуться в убежище. Одной собаки хватит. После палатки и того, что Том нашел в миске, задерживаться нигде не хочется.

Они пересекают лужайку. Одну подъездную аллею. Потом другую. Лайка тянет Джулса. Том едва за ними поспевает. Он боится, что во мраке своей повязки теряет ориентир, и зовет Джулса.

– Я здесь! – отвечает тот.

Том идет на голос приятеля.

– Том, лайку в гараж как магнитом тянет, – говорит Джулс.

Тому до сих пор не по себе от находки в незапертом доме и еще больше не по себе от бессмысленной палатки посреди улицы. Он хочет домой, а Джулс рвется выяснить, что так заинтересовало собаку.

– Гараж отдельно стоящий, – сообщает Джулс. – Пес волнуется, словно там кто-то живой.

Боковая дверь заперта. Джулс находит лишь одно окно и разбивает. По его словам, окно закрыто картонкой. Окно маленькое, но кому-то нужно в него влезть. Джулс говорит, что полезет он, но Том готов к нему присоединиться. Пса привязывают к водосточному желобу и оба влезают в окно.

В гараже раздается рык.

Том поворачивается к окну, но Джулс говорит:

– Да тут собака!

Том с ним согласен. Сердце колотится. Одной рукой Том держится за подоконник, в любую минуту готов лезть обратно.

– С ума сойти! – восклицает Джулс.

– В чем дело?

– Здесь еще она лайка.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Я морду ей ощупываю.

Том отодвигается от окна. Он слышит, как жует собака. Ее кормит Джулс.

Потом у локтя Тома раздается не то детский смех, не то песня. Нет, щебетание.

Птицы!

Том осторожно пятится. Птицы затихают. Делает шаг вперед – птицы снова начинают щебетать.

«Ну конечно», – думает он, наконец чувствуя радостное волнение,

которого ждал с момента выхода из убежища.

Джулс тихо говорит с собакой. Том приближается к коробке до тех пор, пока клетот не становится невыносим. Он ощупывает полку.

– Том, осторожно! – во мраке советует Джулс.

– Они в коробке, – говорит Том.

– Что?

– В детстве я дружил с сыном охотника. Его птицы кричали так же. Чем ближе к ним подходишь, тем громче они галдят.

Том касается коробки.

– Джулс! – зовет он. – Пошли домой.

– Я еще контакт с собакой не наладил.

– Дома наладишь. В крайнем случае запрем обеих в свободной комнате. Мы нашли то, ради чего выбирались из дома. Пора возвращаться.

Джулс пристегивает к поводку вторую лайку. Она послушнее первой.

– Ты птиц берешь? – спрашивает Джулс, когда они выбираются из гаража через боковую дверь.

– Да, есть одна идея.

На улице они отвязывают первую лайку и идут домой. Джулс ведет вторую собаку, Том – первую. Они медленно бредут по лужайкам, по подъездным аллеям, пока не добираются до колышка, который воткнули накануне.

Том на крыльце. Еще не постучав, он слышит, как ссорятся обитатели дома. Через секунду он вроде бы слышит звук у себя за спиной.

Том оборачивается.

Ждет.

Гадает, далеко ли от крыльца палатка.

Потом стучит в дверь.

Шум ссоры обрывается. Феликс спрашивает, кто там.

– Феликс, это я, Том!

Глава 26

«Глаза тебе придется открыть...»

– Девочка, тебе нужно поесть, – выдавливают из себя Мэлори. Голос звучит слабо.

Мальчик ел орехи из мешочка, Девочка отказалась.

– Если не поешь, я остановлю лодку и высажу тебя, – грозит Мэлори, морщась от боли.

Рука Девочки ложится Мэлори на спину. Мэлори перестает грести и вытряхивает орехи из мешочка. Плечо болит даже от таких движений. Пуще боли терзают мысли. Страшная правда, от которой Мэлори прячется.

Да, повязка делает мир болезненно-серым. Да, Мэлори боится потерять сознание. Но куда мрачнее реальность, пронизывающая бесчисленные страхи и проблемы. Она юлит и так и эдак, потом оседает на поверхности воображения.

От этой правды Мэлори пряталась с самого утра.

Эта правда годами определяла ее поступки.

«Твердишь себе, что ждала четыре года из страха навсегда потерять дом? Твердишь себе, что ждала четыре года, желая лучше подготовить детей? Ложь! Ложь! Ложь! Четыре года ты ждала, потому что в этот самый день, на реке, вдоль которой рыщут безумцы, волки и твари, тебе придется сделать то, что вне дома ты не делала годами. Сегодня придется открыть глаза».

Мэлори понимает, что это так. Кажется, она всегда это понимала. Что ее страшит больше: риск увидеть тварей или невероятная палитра красок, которая ослепит, едва откроешь глаза?

«Какой сейчас мир? Ты его узнаешь?»

Мир серый? Деревья сошли с ума? Так же как цветы, камыш и небо? В безумие погрузился целый мир? Он борется с собой? Земля отторгает свои океаны? Поднялся ветер. Ветер что-то видел? Он тоже безумен?

«Подумай, – сказал бы Том. – Ты гребешь? Вот и продолжай грести. Раз гребешь, значит, справишься. Придется открыть глаза, и ты откроешь. Справишься, потому что должна».

Том. Том. Том. Том. Том.

Мэлори тоскует по нему пуще прежнего.

На реке новый мир страшнее и непонятнее. Здесь воет ветер, холодная вода заливает джинсы, тело изувечено, разум – пленник серости, но даже

здесь Том остается символом доброго, светлого, разумного.

– Я ем, – объявляет Девочка.

Это хорошо. Мэлори находит в себе силы ее похвалить.

– Молодец! – тяжело дыша, говорит она.

На левом берегу какое-то шевеление. Звери в лесу рыщут? Или безумец, который плыл на моторной лодке? Или твари? Целая дюжина тварей? Лодка помешала голодным медведям ловить рыбу?

Мэлори ранена. Мир крутится и вертится.

Том. Серость за повязкой. Звуки реки, звуки нового мира. Плечо. Рана. Случилось именно так. Случилось именно то, о чем предупредили бы ее, если бы было кому предупредить.

«В крайнем случае сплавляйся по реке, но помни: ты можешь пострадать».

«Не знаю, хватило бы мне решимости. Ты можешь пострадать».

«Затея слишком опасная. Что будет с детьми, если ты пострадаешь?»

«Мир одичал, Мэлори. Не бросай дом. Держись от реки подальше, не то пострадаешь».

«Пострадаешь...»

«Пострадаешь».

«Пострадаешь!»

«Шеннон! Думай о Шеннон! Думай о ней!»

Мэлори заставляет себя думать о сестре. Воспоминания пробиваются сквозь тучи черных мыслей. Они с Шеннон на залитом солнцем холме. Шеннон заслонила глаза рукой, показала на небо.

– Смотри, Аллен Харрисон из нашего класса! То облако – вылитый Аллен Харрисон!

Шеннон засмеялась.

– Которое облако?

– Вон то, видишь?

Шеннон придвинулась чуть ближе. Теперь ее макушка рядом с макушкой Мэлори.

– Да-да, вижу! А ты вон на то глянь! Точь-в-точь Сьюзен Рут.

Сестры лежали так часами, высматривая в облаках лица. То нос разглядят, то ухо, то копну кудрей, как у Эмили Холт.

«Помнишь, каким в тот день было небо? – спрашивает себя Мэлори. Гребет она все так же медленно. – Голубым-голубым. Солнце – желтее, чем на детском рисунке. Трава зеленой. Лицо Шеннон – бледным, гладким, как и твои руки, которыми ты показывала на облака. В тот день все было цветным, куда ни глянь».

– Мама! – зовет Мальчик. – Мама, ты плачешь?

«Мэлори, ты откроешь глаза и снова увидишь целый мир. Ты смотрела на стены и одеяла. На ковер и лестницу. На пятна и ведра колодезной воды. На веревки, ножи, топор, проволочную сетку, кабель и ложки. На консервы, свечи и стулья. На липкую ленту, батарейки, дрова и штукатурку. Годами тебе позволялось видеть только лица обитателей дома и твоих детей. Те же цвета. Одни и те же цвета. Годами одни и те же цвета. ГОДАМИ! Ты готова? Чего боишься больше? Тварей или встречи с многоликим, многоцветным миром? Что пугает тебя больше?»

Мэлори сбавила скорость и гребет в два раза медленнее, чем десять минут назад. У ног плещется вода вперемешку с мочой и кровью. По берегам рыщут не то дикие звери, не то безумцы, не то твари. Дует холодный ветер. Тома рядом нет. Шеннон рядом нет. Серость под повязкой начинает кружиться, как комок грязи по пути к сточной канаве.

Подкатывает рвота.

В самый последний момент Мэлори пугается: вдруг с ней случится страшное? Вдруг она потеряет сознание. Что будет с детьми? Справятся ли они, если мама лишится чувств?

И страшное происходит.

Мэлори выпускает весла из рук. Перед мысленным взором Том.

Том за ней наблюдает.

Твари тоже за ней наблюдают.

Потом Мальчик о чем-то спрашивает, но Мэлори, капитан их утлого суденышка, лишается чувств окончательно.

Глава 27

Мэлори пробуждается от сна о младенцах. За окном не то раннее утро, не то глубокая ночь. В доме тишина. Чем больше срок, тем ощутимее реальность. Роды на дому обсуждаются и в «Счастливом ожидании», и в «И вот он родился». Обойтись без помощи медиков можно, но в обеих книгах об этом говорят с опаской. Напоминают об антисанитарии, о непредвиденных обстоятельствах. Олимпия ненавидит эти главы, а Мэлори понимает: проштудировать их надо обязательно.

«Однажды боль, о которой рассказывает твоя мать и любая мать на свете, настигнет и тебя – начнутся роды. Эту боль способны испытать лишь мы, женщины. Эта боль нас всех объединяет».

Страшный день приближается. Приближается! Кто будет рядом, когда он настанет? В старом мире ответ напрашивался бы сам собой. Шеннон, конечно. Мама с папой. Друзья. Акушерка, уверяющая, что бояться нечего. На столе стояла бы ваза с цветами. Простыни пахли бы свежестью. Над Мэлори хлопотали бы опытные люди. Они вели бы себя так, словно родить ребенка не сложнее, чем апельсин очистить. Их невозмутимость успокоила бы донельзя взвинченную Мэлори.

Теперь такое невозможно. Теперь Мэлори ждет родов «как у волчицы» – страшных, нечеловечески изматывающих. Рожать придется без доктора. Без акушерки.

Без лекарств.

Мэлори-то представляла, что будет готова! Что будет прекрасно осведомлена, как себя вести! Существовали же сайты, журналы, видеоролики, не говоря уже о советах акушера-гинеколога и рассказах других матерей. Сейчас все это недоступно. Все! Рожать придется не в больнице, а в этом доме. В одной из комнат этого дома! Там будет принимать роды, а перепуганная Олимпия – держать ее за руку, на большее и рассчитывать не стоит. Окна завесят одеялами. Может, под задницу ей положат старую футболку. Пить придется мутную колодезную воду.

Вот и весь комфорт. Роды пройдут именно так.

Мэлори поворачивается на спину и, тяжело дыша, смотрит в потолок. Она закрывает глаза, потом открывает снова. Она справится? Справится?

Должна справиться! Мэлори повторяет мантру, слова, которые морально ее подготовят: «На полу кухни или в больничной палате – какая разница? Твое тело знает, что к чему. Твое тело знает, что к чему. Твое тело

знает, что к чему».

Вдруг, словно изображая гуление будущего ребенка Мэлори, начинают ворковать птицы за входной дверью. Мэлори расстается со своими думами и поворачивается на звуки. Пока она садится в кровати, с первого этажа доносится стук.

Мэлори замирает.

«Это в дверь стучат? Это Том? Кто-то выходил из дома?»

Стук доносится снова. Обеспокоенная Мэлори садится-таки в кровати. Одну руку она кладет на живот и прислушивается.

Опять стучат.

Мэлори свешивает ноги на пол, встает и ковыляет к порогу. Одна рука на животе, другая на двери – нужно слушать.

Опять стучат. На этот раз громче.

Мэлори выходит на лестницу и снова замирает.

«Кто там?»

Босые ноги мерзнут. Ребенок шевелится. Мэлори чувствует слабость. Птицы все галдят.

«Там кто-то из наших?»

Мэлори возвращается к себе в комнату и берет фонарь. Она идет в комнату Олимпии и светит ей на кровать. Олимпия спит. Дверь последней по коридору комнаты открыта, и Мэлори видит спящую Шерил.

Мэлори спускается по лестнице в гостиную.

«Том?»

Том спит на ковре, Феликс – на диване.

– Том! – Мэлори касается его плеча. – Том, проснись!

Том переворачивается на живот и смотрит на Мэлори.

– Том! – зовет она.

– В чем дело?

– В дверь стучат.

– Что? Сейчас?

– Сейчас.

Стук раздается снова. Том поворачивается к коридору.

– Черт подери! Который час?

– Не знаю, уже поздно.

– Ага, ясно.

Том быстро встает. На миг он замирает, словно хочет пробудиться окончательно, оставив свой сон на полу. Том полностью одет. Рядом с местом, где он спал, лежит каркас нового шлема. Том зажигает свет в гостиной.

Вдвоем они идут к двери. В коридоре останавливаются и опять слышат стук.

– Эй! – кричит мужчина.

Мэлори хватает Тома за руку. Том включает свет в коридоре.

– Эй! – снова зовет мужчина и стучит. – Впустите меня! Идти мне больше некуда. Эй!

Том приближается к двери. Кто-то выходит в коридор. Мэлори узнает Дона.

– Что такое? – спрашивает он.

– Кто-то стучит в дверь, – отвечает Том.

Спросонья Дон не сразу разбирает, в чем дело, потом резко спрашивает:

– Что вы задумали?

В дверь снова стучат.

– Мне нужно убежище, – заявляет мужчина. – Один я больше не выдержу.

– Я с ним потолкую, – говорит Том.

– У нас тут не общага, – осаживает его Дон.

– Я просто потолкую с ним.

Дон приближается к двери. Со второго этажа слышны чьи-то шаги.

– Если в доме есть кто-нибудь, я мог бы...

– Кто вы? – наконец спрашивает Том.

– Слава богу, в доме есть люди! – после секундной паузы радуется мужчина. – Меня зовут Гари.

– Может, он злодей, – говорит Дон. – Может, безумец.

В конце коридора появляются Феликс и Шерил. Вид у обоих измученный.

Джулс тоже выходит из комнаты. С ним собаки.

– Том, что случилось?

– Эй, Гари, расскажи нам о себе, – просит Том. – Ну, вкратце.

Птицы не умолкают.

– Кто там? – спрашивает Феликс.

– Меня зовет Гари. Мне сорок шесть лет. У меня темная борода. Глаза я не открывал давным-давно.

– Не нравится мне его голос, – заявляет Шерил.

Олимпия тоже вышла в коридор.

– Почему ты на улице? – спрашивает Том.

– Меня выгнали из дома, где я укрывался, – отвечает Гари. – Компания там собралась скверная. Мы повздорили.

- Что это значит, черт подери? – уточняет Дон.
- Они руки распускали, – неохотно отвечает Гари.
- Звучит подозрительно, – говорит Дон соседям. – Не открывайте дверь.
- Гари, давно ты на улице? – спрашивает Том.
- Кажется, два дня. Или уже три.
- Где ты прятался столько времени?
- Где прятался? На лужайках. В кустах.
- Черт подери! – вырывается у Шерил.
- Слушайте, я голоден, один-одинешенек и очень напуган, – не понимает Гари. – Ваши опасения понятны, только деться мне больше некуда.
- Ты в другие дома стучался? – спрашивает Том.
- Да, да, я часами стучался во все двери, но ответили только вы.
- Откуда он знал, что нашем доме есть люди? – спрашивает Мэлори соседней.
- Может, он не знал, – отвечает Том.
- Стучал он долго. Знал, что в доме кто-то есть.
- Том поворачивается к Дону и вопросительно смотрит: что, мол, думаешь.
- Ни в коем случае не открывать.
- На лбу у Тома появляется испарина.
- Уверен, тебе не терпится открыть дверь, – зло продолжает Дон. – Ты надеешься, что у этого Гари есть информация.
- Верно, – кивает Том. – Я надеюсь, что у Гари есть свежие мысли. По-моему, ему нужна помощь.
- Ясно. А по-моему, за дверью могут таиться семеро бандитов, готовых перерезать нам горло.
- Боже! – восклицает Олимпия.
- Мы с Джулсом обходили окрестности всего пару дней назад, – напоминает Том. – Гари прав, другие дома пустуют.
- Что же он не ночевал в одном из них?
- Не знаю, Дон. Может, там еды не было.
- Вы с Джулсом бродили по округе в то же время. Как Гари вас не услышал?
- Понятия не имею, черт подери, – отвечает Том. – Вдруг он был на соседней улице?
- Вы же каждый дом не проверяли. Откуда знаете, что Гари не врет?
- Впустите его, – говорит Джулс.

– Нет, дружище, не получится, – заявляет Дон, поворачиваясь к нему.
– Давайте проголосуем.
– Давайте, мать вашу, – злится Дон. – Если один из нас гребаную дверь открывать не желает, то гребаную дверь открывать не стоит.

Мэлори думает о том, кто стоит на крыльце. Он наверняка с закрытыми глазами и дрожит.

Птицы не умолкают.

– Эй, ребята! – снова зовет Гари звенящим от волнения голосом.

– Да, Гари, мы слышим, – отвечает Том. – Извини, но решение мы еще не приняли. – Том поворачивается к остальным. – Голосуем, – говорит он.

– Я за, – отзывается Феликс.

Джулс кивает.

– Простите, но нет, – говорит Шерил.

Том поворачивается к Олимпии. Та качает головой.

– Извини, Мэлори, – говорит Том. – Пока счет равный. Решай, что нам делать.

Мэлори не хочет отвечать. Не хочет брать на себя ответственность. Судьба незнакомца теперь в ее руках.

– Вдруг ему нужна помощь? – говорит Мэлори и тут же об этом жалеет.

Том поворачивается к двери, но Дон хватается за руку.

– Не желаю, чтобы открывали дверь, – шипит он.

– Дон, мы проголосовали, – напоминает Том, медленно высвобождая руку. – Мы впустим Гари, как впустили Олимпию и Мэлори. Как Джордж впустил нас с тобой.

Дон смотрит на Тома, как кажется Мэлори, очень долго. Неужели на сей раз они подерутся?

– Предупреждаю вас, – начинает Дон. – Если это приведет к беде, если моя жизнь окажется в опасности из-за гребаного голосования, я развернусь и уйду отсюда. И пальцем не шевельну, чтобы вам помочь.

– Дон, – осаживает его Том.

– Эй, ребята! – зовет Гари.

– Не открывай глаза! – кричит Том. – Мы тебя впускаем.

Том касается дверной ручки.

– Джулс, Феликс, берите метлы, – командует он. – Шерил, Мэлори, держитесь поблизости, ощупайте Гари. Готовы? Так, всем закрыть глаза!

Во мраке Мэлори слышит, как открывается дверь.

Потом тишину нарушает голос Гари.

– Дверь открыта? – нетерпеливо спрашивает он.

– Скорее! – торопит Том.

Раздается шарканье. Дверь закрывается. Мэлори подходит ближе.

– Не открывай глаза, Гари, – велит она, тянется к нему, ощупывает его лицо: нос, щеки, глазницы. Плечо... Просит дать ей руку.

– Ничего себе! – восклицает Гари. – Что ты ищешь?

– Ш-ш-ш!

Мэлори ощупывает ему ладони, считает пальцы, касается ногтей и волосков на костяшках.

– Похоже, Гари один, – объявляет Феликс.

– Да, один, – подтверждает Джулс.

Мэлори открывает глаза.

Мужчина куда старше ее, с темной бородой. На нем черный свитер, поверх твидовый пиджак. Пахнет он так, словно неделями жил на улице.

– Спасибо! – выпаливает Гари.

Сперва никто не отвечает. Обитатели дома молча наблюдают за пришедшим.

Непослушные каштановые волосы Гари разделил прямым пробором. Он старше и плотнее любого обитателя дома. В руках у него коричневый портфель.

– Что в портфеле? – спрашивает Дон.

Гари смотрит на портфель так, будто начисто о нем забыл.

– Мои вещи, – отвечает он. – Те, что успел собрать перед уходом.

– Какие вещи? – допытывается Дон.

В глазах Гари удивление и сочувствие. Он открывает портфель и демонстрирует обитателям дома содержимое. Листы бумаги. Зубную щетку. Рубашку. Часы. Дон кивает.

Гари закрывает портфель и замечает живот Мэлори.

– Ох, да ты уже на большом сроке, да?

– Да, – коротко отвечает Мэлори, еще не решив, стоит ли доверять новенькому.

– А птицы для чего? – спрашивает Гари.

– Это наша сигнализация, – поясняет Том.

– Ну конечно, – кивает Гари. – Вроде канареек в шахте. Очень разумно с вашей стороны. Я их слышал, когда подходил к дому.

Том приглашает Гари в гостиную. Собаки обнюхивают новенького. Том кивает на кресло.

– Сегодня можешь спать здесь, – говорит он. – Кресло раскладывается. Есть хочешь?

– Да, – с облегчением отвечает Гари.

Том показывает ему кухню и столовую.

– Консервы у нас в подвале. Я принесу тебе что-нибудь.

Том жестом зовет Мэлори на кухню. Она идет за ним.

– Я немного посижу с Гари, – объявляет Том. – Хочешь – ложись спать. Все устали, что вполне объяснимо. Я его напою и накормлю, а завтра мы с ним потолкуем. Все вместе.

– Мне спать совершенно не хочется, – заявляет Мэлори.

– Понятно. – Том устало улыбается и идет в подвал.

Мэлори возвращается в столовую.

Том приносит Гари консервированные персики.

– В жизни не подумал бы, что однажды открывалка покажется величайшей ценностью на свете, – говорит Гари.

Все обитатели дома собрались за столом. Том расспрашивает Гари. Как он выжил на улице? Где ночевал? Ясно, что Гари выбился из сил. Он говорит, что хочет спать. Дон первым уходит в свою комнату. Следом разбредаются остальные. Том уводит Гари в гостиную. Мэлори с Олимпией встанут из-за стола. На лестнице Олимпия накрывает ладонь Мэлори своей.

– Не возражаешь, если я лягу в твоей комнате?

– Нисколько, – отвечает Мэлори.

Глава 28

Следующим утром Мэлори встает и одевается. Судя по звукам, все обитатели дома на первом этаже.

– У вас и электричество было? – спрашивает Феликс, когда заходит Мэлори.

Гари сидит на диване. Завидев Мэлори, он улыбается и машет ей.

– Вот ангел, который ощупал меня у порога. Должен признать, я чуть не прослезился от человеческого прикосновения.

Мэлори кажется, Гари говорит, как актер. Слишком уж напыщенные у него выражения.

– Вы решили мою судьбу голосованием? – спрашивает Гари.

– Да, – отвечает Том.

Гари кивает.

– В доме, где я жил, таких изысков не было. Любая мысль тотчас воплощалась в жизнь, с согласия большинства или без него. Приятно встретить людей, не забывших, что такое вежливость.

– Я голосовал против тебя, – резко объявляет Дон.

– Неужели? – удивляется Гари.

– Говорю как есть. Семерых под одной крышей более чем достаточно.

– Понимаю.

Одна из лаек поднимается, подходит к Гари, и тот чешет ей за ушами.

Том объясняет все то, что объяснял Мэлори. Говорит о гидроэлектричестве. О запасах в подвале. Об отсутствии телефонного справочника. О гибели Джорджа. Потом Гари рассказывает о своем бывшем соседе, «неуравновешенном типе», который не считал тварей опасными.

– Он называет нашу реакцию на них психосоматической. Мол, вся эта шумиха с безумием вызвана не тварями, а экзальтированными людьми, которые их видят.

«Шумиха с безумием... – думает Мэлори. – Чье это пренебрежительное выражение, бывшего соседа Гари или его собственное?»

– Хочу рассказать вам, ребята, как жил на прежнем месте, но предупреждаю: история мрачная, – говорит Гари.

Мэлори хочет его послушать. Все обитатели дома хотят. Гари проворит рукой по волосам и начинает рассказывать.

– Обошлось без объявлений в газете, а мои соседи оказались куда старше вас. Мы даже не пытались приспособиться и притереться друг к другу. Друг моего брата Дункана очень серьезно отнесся к Русским Байкам, одним из первых в них уверовал. Они идеально вписывались в его теорию заговоров и параноидную веру в то, что правительство или кто-то еще стремится нас извести. Сам я и сейчас не до конца верю в происходящее. Да и кто меня упрекнет? Мне уже за сорок. Я привык к прежней жизни, а новую беду даже постичь не мог. Я отторгал ее. Но Кирк, друг моего брата, сразу принял ее как данность. Принял и никого больше не слушал. Однажды Дункан позвонил мне и сказал, что Кирк зовет нас к себе на пару дней, чтобы мы получше разобрались в этой «бед». «В какой еще беде?» – спросил я. «Гари, по телевизору лишь о ней и говорят». – «О чем речь, Дункан? О случившемся в России? Ты шутишь?!» – «Да ладно тебе! Поедим пиццу, выпьем пивка, порадуем Кирка. Не убудет же с нас». – «Спасибо, но нет», – ответил я. Выслушивать анализ сенсаций от Кирка – то еще удовольствие. Но вскоре я все же приехал. За сообщениями я следил не пристальнее других обывателей, но все же встревожился. Тогда я еще сдуру пытался закрывать глаза: нет, мол, такое невозможно. А потом в один прекрасный день услышал новость о сестрах на Аляске и решил, что пора действовать. Вы удивитесь, что я так долго упорствовал. На Аляску беда пришла сравнительно поздно. Но Аляска – это Америка, а я как настоящий провинциал не боюсь грозы, пока возле дома не громыхнет. Помню, корреспондента потрясло то, о чем он рассказывал. Да, у него даже дрожал голос. Историю вы наверняка слышали. Некая женщина увидела, как ее пожилые соседки, родные сестры, выходят из дома. «На прогулку собрались», – решила она. Три часа спустя женщина услышала по радио, что сестры сидят на крыльце у больницы и кусают проходящих мимо. Женщина считала, что соседки-сестры ей не чужие, что она сумеет помочь, вот и поехала в больницу. Увы, она ошиблась. Си-эн-эн показали ее без лица. В буквальном смысле без лица, кожа валялась на асфальте возле окровавленного черепа. Рядом лежали две старушки – их застрелили полицейские. Картинка меня взбудоражила. Зауряднейшие люди. Зауряднейшая обстановка. По мнению Кирка, инцидент подтверждал его параноидные фантазии. Но я, растущим страхам вопреки, не был готов расстаться с привычной мне жизнью и стать боевиком, как предлагал Кирк. Я соглашался завешивать окна, запираать двери и прятаться, но Кирк собирался воевать с «оккупантами» – с инопланетянами или с кем-то еще, он не уточнял. Об оружии и военном снаряжении он говорил с уверенностью ветерана. Хотя какой он ветеран – пороху не нюхал... – Гари

делает паузу, о чем-то размышляя. – Вскоре дом наводнили псевдосолдатики. Кирку нравилось играть в генерала, а я наблюдал за его фиглярством со стороны и регулярно отговаривал Дункана от участия в клоунаде. Мол, такой, как Кирк, способен подставить друзей под удар. Солдатики становились все бойчее, раззадоренные фантазиями об истреблении мифических злодеев. Время шло, но пустыми словами оставались чванливые обещания защитить город, уничтожить источник всеобщего безумия и обеспечить себе место в истории на правах спасителей мира. Лишь один человек в доме искренне верил в то, за что боролся. Звали его Фрэнк. Он считал, что твари, с которыми призывал сражаться Кирк, угрозы не представляют. Тем не менее он укрылся в доме Кирка, потому что, как сам признавался, его пугал грозящий стране произвол. Кирк целыми днями планировал ненужные учения, а Фрэнк превратился в затворника. Он почти не выбирался из комнаты на втором этаже и писбл, писал, писал. День и ночь писал – ручками, карандашами, маркерами, подводкой для глаз и губ. Однажды я из коридора услышал ропот за дверью его комнаты. Сдавленный, неутрачивающий, злой ропот. Я приоткрыл дверь и увидел, что Фрэнк опять пишет. Скрючившись над столом, он бормотал про инертное гиперреактивное общество, которое ненавидит. Я не представлял, что он пишет, но очень захотел выяснить. И поделился с Дунканом. Лицо моего брата было в идиотской маскировочной раскраске. К тому времени Кирк основательно задурил ему голову своими бреднями. Дункан не считал Фрэнка опасным. Фрэнк сыпал выражениями вроде «массовой истерии» и «психосоматического поклонения», в то время как Кирк с безоружными солдатами в подвале имитировали стрельбу по мишеням.

Гари снова проводит рукой по волосам.

– Я решил выяснить, что затеял Фрэнк, и ждал возможности заглянуть в его тайные записи. По-вашему, что случится с сумасшедшим, если он увидит тварь? Он неуязвим для них, коль разум уже поврежден? Или безумие достигнет нового уровня, опустится на новую глубину? Вдруг будущее за душевнобольными, у которых тварям не отнять то, чего и так нет? Ответы мне известны не лучше, чем вам.

Гари подносит к губам стакан с водой.

– Шанс скоро представился. Кирк занимался с солдатами в подвале. Фрэнк принимал ванну. Вот я и решил быстро разведать обстановку – шмыгнул к нему в комнату и обнаружил записи в ящике стола. Это уже почти подвиг, ведь к тому времени я панически боялся Фрэнка. Другие отмахивались от него, считали посмешищем, а меня Фрэнк пугал. Начав

читать, я испытал самое настоящее потрясение. Не знаю, как долго Фрэнк вел записи, но их объем поражал. Я увидел десятки разноцветных блокнотов, содержание которых становилось все злее и злее. Мелкий курсив чередовался с крупными подчеркнутыми строчками, в каждой утверждение, что твари не опасны. Людей Фрэнк называл убогими невеждами, которых «надо истребить». Он был очень опасен. Я услышал, как он выбирается из ванны, и рванул прочь из его комнаты. Возможно, Дункан не зря принял сторону Кирка. Блокноты Фрэнка доказали, что отношение Кирка к новому миру – сама безобидность.

Гари делает глубокий вдох и вытирает губы тыльной стороной ладони.

– Проснувшись следующим утром, мы обнаружили, что одеяла сорваны с окон.

Шерил ахает.

– Двери оказались открыты.

Дон начинает что-то говорить.

– Фрэнк исчез и забрал с собой блокноты.

– Черт его дери! – вырывается у Феликса.

Гари кивает.

– Кто-нибудь пострадал? – спрашивает Том.

Глаза у Гари блестят от слез, но он сдерживается.

– Нет, никто, – отвечает он. – Уверен, он написал бы о таком.

Мэлори кладет руку себе на живот.

– Почему ты сбежал оттуда? – нетерпеливо спрашивает Дон.

– Сбежал я, потому что Кирк и остальные много говорили о том, чтобы выследить Фрэнка. Они решили убить его за то, что он сделал.

Воцаряется тишина.

– Я понял, что нужно уходить. Дом Кирка показался мне прокаженным и отравленным. Ваш дом не такой. – Гари поворачивается к Мэлори. – Еще раз спасибо, что впустила меня.

– Не я тебя впустила, а все мы, – отвечает Мэлори, гадая, как можно бросить родного брата в страшном доме. Она смотрит на Дона. На Шерил. На Олимпию. Рассказ Гари расположил их к нему или укрепил подозрения?

Шумиха с безумием...

Том с Феликсом выясняют у Гари подробности случившегося. Джулс тоже участвует. Зато Шерил вышла из комнаты. Дон, который вечно лезет во все дыры, отмалчивается.

«Разногласия усиливаются», – думает Мэлори.

Когда именно они появились, не важно. Сейчас они ощутимы. Гари принес с собой портфель. Свою историю. И, каким-то образом,

разногласия.

Глава 29

Мэлори просыпается с закрытыми глазами. Сейчас это проще, чем раньше. Подключается сознание. Возвращаются звуки, запахи, ощущения. Глаза тоже начинают работать. Мэлори знает: закрываешь ты глаза или нет, способность видеть остается. Она видит персиковый и желтый, цвета солнечного цвета, пронизывающего веки. Обрамление у терракоты серое. Судя по звукам, она не дома, а на улице. Лицо ласкает свежий ветерок. Губы потрескались. В горле пересохло. Когда она в последний раз пила? Физически она чувствует себя неплохо. Отдохнувшей. Мешает только тупая пульсирующая боль в области шеи. Нет, левее. Да, болит плечо. Мэлори осторожно касается лица и чувствует, что пальцы грязные и мокрые. У нее вся спина мокрая. Рубашка так и не высохла.

Над головой поет птица. Не открывая глаз, Мэлори поворачивается на звук. Дети тяжело дышат. Похоже, они чем-то заняты.

Они рисуют? Строят домик? Играют?

Мэлори садится прямо.

– Мальчик?

Сперва она ушам своим не верит. Это же невозможно! Тут какая-то шутка. Или ошибка.

Нет, все правильно. Дети запыхались, потому что гребут.

– Мальчик! – кричит Мэлори. Ну и голос у нее! Горло словно деревянное.

– Мама!

– В чем дело?

«Лодка. Лодка. Лодка. Мы на реке. Ты потеряла сознание. ТЫ. ТЕРЯЛА. СОЗНАНИЕ».

Мэлори опирается истерзанным плечом о борт, зачерпывает воду и подносит ко рту. Она встает на колени и быстро зачерпывает воду еще несколько раз. Дыхание сбилось, зато серость ушла. Сил немного прибавилось.

Мэлори поворачивается к детям.

– Давно вы гребете? Давно?!

– Мама, ты уснула, – отвечает Девочка.

– Тебе снились плохие сны, – добавляет Мальчик.

– Ты плакала.

Мысли Мэлори несутся бешеным потоком. Она что-то пропустила?

– Давно вы гребете? – снова кричит она.

– Нет, недавно, – отвечает Мальчик.

– Повязки у вас на месте? Отвечайте!

– Да, – отвечают дети.

– Лодка застревала, – поясняет Девочка.

«Боже милостивый!» – пугается Мэлори, потом берет себя в руки и спрашивает:

– Как же мы освободились?

Мэлори находит тельце Девочки, ощупывает ее ручки. Потом тянется к другому борту и ищет Мальчика.

«Они взяли по веслу каждый. Они гребут вместе».

– Мы нас освободили, мама! – отвечает Девочка.

Мэлори снова на коленях. Она чувствует, что пахнет мерзко. Баром. Туалетом в баре.

«Блевотиной».

– Мы отцепили нас, – добавляет Мальчик.

Мэлори нащупывает его, дрожащими пальцами ведет по ручке Мальчика.

– Я ранена, – говорит она вслух.

– Что? – спрашивает Мальчик.

– Нужно, чтобы вы оба вернулись туда, где сидели, пока мама не заснула. Сейчас же!

Дети перестают грести. Девочка лезет на корму и на миг прижимается к Мэлори. Та помогает ей усесться, потом сама устраивается на средней скамье.

Пульсирующая боль в плече куда тише, чем прежде. Мэлори требовался отдых. Она не давала телу отдыхать, и тело решило по-своему.

Страх парализует затуманенное сознание Мэлори. А если такое случится снова? Вдруг они проскочили место, куда плыли?

Мэлори снова берется за весла, делает глубокий вдох и начинает грести.

Подкатывают слезы. Мэлори плачет, потому что потеряла сознание. Она плачет, потому что волк разодрал плечо. Она плачет по стольким причинам, что не разберешь. Впрочем, одна из причин налицо: дети продержались без ее помощи, пусть даже совсем недолго.

«Ты правильно их воспитала», – думает Мэлори. Эта мысль, порой принимающая уродливые формы, наполняет ее гордостью.

– Мальчик, ты снова должен слушать, – говорил она сквозь слезы. – Понял меня?

– Да, мама.

– Ты, Девочка, тоже должна слушать.

– Я поняла, мама.

«Неужели у нас все нормально? – думает Мэлори. – Неужели я могу потерять сознание, очнуться, а у нас все нормально?»

На правду это не похоже, равно как и на законы выживания в новом мире.

На реке они не одни. Здесь волки, безумцы, твари.

Как скоро они покусились бы на лодку, поняв, что Мэлори без сознания?

К счастью, она снова гребет. Те, что рыщут вокруг, кажутся совсем близко.

– Простите меня, – бормочет Мэлори, гребет и плачет.

Ноги промокли, перепачкались мочой и кровью. Зато сил прибавилось. Законы нового мира жестоки и беспощадны, но Мэлори получила передышку.

Облегчения хватает ровно на один гребок. Потом возвращается привычный страх, и Мэлори снова начеку.

Глава 30

Шерил расстроена.

Мэлори слышит, как она разговаривает с Феликсом в конце коридора. Другие обитатели дома на первом этаже. Гари понравилось спать в столовой, на жестком деревянном полу. За две недели, минувшие с его появления, Гари сдружился с Доном. Мэлори не знает, как к этому относиться. Дон наверняка сейчас с Гари.

В конце коридора Шерил что-то шепчет. Торопливо шепчет. Похоже, она напугана. Они все напуганы. Сильнее обычного. До недавнего времени Том заряжал соседей своим оптимизмом, а теперь они мрачнее день ото дня. Мэлори кажется, дело не только в страхе. Вот и сейчас в шепоте Шерил слышен не только страх. Хочется присоединиться к ним, утешить Шерил. Но Мэлори решает иначе.

– Я занимаюсь этим каждый день, потому что мне нравится, – говорит Шерил. – Это моя работа. Минуты, которые я провожу на улице, для меня драгоценны. Они напоминают о временах, когда у меня была настоящая работа, ради которой я просыпалась. Работа, которой я гордилась. Кормление птиц – единственная ниточка, соединяющая меня с прошлой жизнью.

– Оно дает тебе возможность выйти из дома.

– Да, оно дает мне такую возможность.

Шерил пытается взять себя в руки и продолжает рассказывать, как выходит из дома, чтобы покормить птиц. Коробку она находит ощупью. В правой руке у нее обрезки консервированных яблок. Дверь уже закрылась. В передней ее дожидается Джулс. С завязанными глазами Шерил бредет медленно, опираясь на стену дома. Сперва она касается кирпичной кладки, потом деревянной обшивки, из которой торчит металлический крюк. На нем и висит коробка с птицами.

Птицы уже воркуют, как всегда, когда приближаешься к ним вплотную. Шерил вызвалась их кормить, едва возник вопрос, кому этим заниматься. С тех пор она кормит их каждый день и, в какой-то мере, считает своими. Она говорит с ними, рассказывает о происходящем в доме. Щebet успокаивает ее, как прежде музыка. По громкости щebetа Шерил определяет, далеко ли от нее коробка.

На этот раз она слышит не только щebet.

В конце дорожки она различает прерванные шаги. Иначе и не

опишешь. Звуки такие, словно кто-то спешил прочь от дома, но резко остановился.

Во время кормежки Шерил – сама бдительность, а сейчас, к своему удивлению, дрожит.

«Кто здесь?» – спрашивает она.

Ответа нет.

А если вернуться? Она скажет, что сегодня кормить не может, что на улице слишком страшно.

Нет, лучше подождать.

Посторонних звуков больше нет.

Зато птицы в коробке волнуются.

«Эй, птички!» – встревоженно зовет она.

Дрожь собственного голоса пугает Шерил. Она наклоняет голову и поднимает руку с яблочными обрезками, словно что-то вот-вот коснется ее лица. Шерил делает шаг. Еще шаг. Наконец она у коробки. Порой добраться до нее от двери – как проплыть в открытом космосе. Ты просто-напросто дрейфуешь.

Сегодня Шерил неописуемо далеко от Земли.

«Эй, птички! – Шерил открывает коробку ровно настолько, чтобы бросить яблочные обрезки. Обычно она слышит стук ножек – птицы мчатся за кормом. Сегодня ножки не стучат, никто не мчится. – Ешьте, малыши, вы что, не голодны?»

Шерил снова приподнимает крышку и бросает оставшиеся обрезки. Это самая любимая часть занятия. Она закрывает крышку, прижимает ухо к коробке и слушает, как суетятся птицы.

Только сегодня они не едят, а взволнованно щебечут.

«Эй, ребята! – зовет Шерил, стараясь сдержать дрожь в голосе. – Ешьте, птички, ешьте».

Шерил отрывается от коробки, решив, что пугает их. Отрывается и кричит.

Кто-то тронул ее за плечо.

По-прежнему с завязанными глазами, Шерил кружится, неистово машет руками, но не задевает никого. Она не может сдвинуться с места. Не может побежать домой. Кто-то тронул ее за плечо, но кто это, Шерил не знает.

Птицы не воркуют и не щебечут. Они стали тем, чем хотел Том, – живой сигнализацией.

«Кто здесь?»

Ответа Шерил боится. Она не хочет, чтобы ей отвечали. А если

крикнуть? Кто-нибудь из соседей выйдет за ней. Заберет ее обратно на Землю. Шерил делает шаг и слышит шорох листьев под ногами. Она лихорадочно вспоминает, как впервые приехала к этому дому, как смотрела на него из окна машины. Здесь было дерево? Здесь, у дорожки?

Было или нет?

Вдруг плечо ей задел упавший лист?

Если хоть на миг открыть глаза, выяснить было бы проще простого. Убедиться бы, что вокруг ни души, что это лист упал.

А она не может.

Дрожа, Шерил прижимается спиной к стене и медленно скользит к двери. На каждый звук реагирует – то влево повернет голову, то вправо. Высоко в небе летит птица. На другой стороне улицы дерево шелестит листвой. Подул теплый ветерок. Шерил обливается потом, ощущает спиной кирпичную кладку. Скорее в дом!

– Боже мой! – восклицает Феликс. – По-твоему, это был лист?

Шерил молчит. Мэлори высовывается чуть дальше в коридор.

– Да, – неожиданно отвечает Шерил. – Если подумать, получается именно так.

Мэлори возвращается к себе в комнату и садится на кровать.

Звуки, которые Феликс слышал у колодца. Виктор, лаявший на завешенные окна. Взбудораженные птицы и Шерил...

Неужели внешний мир и то, от чего они прячутся, наступают?

Глава 31

По мнению Мэлори, с появлением Гари дом стал другим. Единодушие исчезло. Изменилось немного, только при нынешних обстоятельствах любая перемена значительна.

Больше всего Мэлори беспокоит Дон. Когда Том, Джулс и Феликс беседуют в гостиной, Дон сидит с Гари в столовой. Дон живо заинтересовался человеком, который снял одеяла с окон и отпер двери. Мэлори стирает в кухонной раковине – осталась половина предпоследней упаковки порошка – и слушает сразу два разговора. Том с Джулсом мастерят поводки из рубашек с коротким рукавом, а Гари объясняет Дону, как рассуждал Фрэнк. Речь только о мыслях Фрэнка. Мысли самого Гари никогда не обсуждаются.

– Дело не в том, что одни готовы лучше других, – начинает Гари. – Тут, скорее, как в трехмерном кино. Сперва кажется, что предметы действительно в тебя летят. Зрители закрываются руками. Только самым умным с самого начала известно, что они были и остаются в безопасности.

Отношение Дона к Гари диаметрально изменилось. Мэлори кажется, что она знает, когда произошла перемена.

«По-моему, такая теория не безумнее нашей», – сказал Дон однажды Гари.

– Нам тяжело, – говорит он сейчас Дону, – потому что новостей больше не поступает.

– Вот именно.

Еще недавно Дон голосовал против того, чтобы впустить Гари, а сейчас единственный из обитателей дома сидит с ним и разговаривает, разговаривает, разговаривает.

«Дон скептик по натуре, – думает Мэлори. – Ему нужен собеседник. Дело только в этом. Дону нужен собеседник. Неужели не понимаешь?»

Мысли дельные, но почему-то не укореняются. Как ни крути, Дон и Гари обсуждают истерию и то, что твари безопасны, если подготовиться к встрече с ними. Мэлори знает, что Дон больше боится людей, чем тварей, причем давно. Тем не менее он зажмуривается, когда открывают и закрывают входную дверь. Он не смотрит в окна. В безвредность тварей он не верил никогда. Неужели Гари удалось его переубедить?

Мэлори хочет поделиться с Томом. Хочет отвести его в сторону и попросить, чтобы остановил беседы Дона и Гари. Или хотя бы потолковал.

Вдруг его слова повлияют на ход разговоров? Направят их в менее опасное русло? Да, она хочет поделиться с Томом мыслями о Доне.

Разногласия.

Встревоженная Мэлори идет через кухню в гостиную. Том с Феликсом разложили карту на полу, изучают ее, высчитывают расстояние в соответствии с масштабом карты. Джулс учит собак командам.

– Стоять! Вперед! Вперед!

– Нужно измерить среднюю длину твоего шага, – говорит Феликс.

– Что вы тут затеваете? – спрашивает Мэлори.

– Меряем мои шаги, – отвечает Том, поворачиваясь к ней. – Считаем, сколько их в миле.

Феликс прикладывает рулетку к стопе Тома.

– Если при ходьбе слушать музыку, я поймаю ритм, – говорит Том. – Тогда шаги, которые мы измеряем здесь, получатся ближе к тем, что я сделаю на улице.

– Как в танцах, – добавляет Феликс.

Мэлори поворачивается. Олимпия стоит у кухонной раковины, моет посуду. Мэлори подходит к ней и снова берется за стирку. После четырех месяцев затворничества Олимпия подрастеряла лоск. Кожа потускнела, глаза запали.

– Ты беспокоишься? – неожиданно спрашивает Олимпия.

– О чем?

– О том, чтобы пережить.

– Что пережить?

– Роды.

Мэлори хочет сказать Олимпии, что все будет хорошо, но не находит нужных слов. Мысли-то о Доне.

– Мне всегда хотелось ребенка, – говорит Олимпия. – Я так обрадовалась, когда узнала о беременности. Почувствовала, что теперь у меня есть все. Понимаешь, о чем я?

Мэлори ничего подобного не чувствовала, но заверила, что понимает Олимпию.

– Ах, Мэлори, кто будет принимать у нас роды?

Мэлори не знает.

– Наши соседи. Не вижу...

– Том никогда это раньше не делал!

– Роды не принимал, зато отцом был.

Олимпия смотрит на свои руки, погруженные в ведро.

– Слушай, может, мы друг у друга роды примем? – шутит Мэлори.

– Друг у друга? – переспрашивает Олимпия, наконец улыбаясь. – Мэлори, ну ты даешь!

Гари заходит на кухню, стаканом зачерпывает воду из ведра, наполняет еще один стакан. Мэлори знает, что это для Дона. Когда Гари уходит, из гостиной доносится музыка. Мэлори подается вперед, заглядывает в гостиную. В руках у Тома портативный кассетник Джорджа с приемником. В руках у Феликса рулетка. Он опустил на корточки и замеряет шаги Тома, пока тот расхаживает в ритм песни.

– Чем они делают? – спрашивает Олимпия.

– По-моему, куда-то собираются, – говорит Мэлори. – Придумывают, как лучше передвигаться по улице.

Она тихо подходит к порогу гостиной и глядит в столовую, где негромко переговариваются Дон и Гари. Мэлори они не замечают.

Назад через кухню в гостиную! Когда Мэлори входит, Том улыбается. В каждой руке у него по поводку. Лайки играют с ним, машут хвостами.

Мэлори сравнивает радостное оживление в гостиной и заговорщицкий шепот в столовой.

Она возвращается к раковине и продолжает стирку. Олимпия что-то говорит, но Мэлори думает о другом. Она наклоняется вперед и видит плечо Гари. Чуть дальше, у стены, стоит единственное, что он принес с собой из внешнего мира.

Его портфель.

Гари сразу показал, что внутри, только внимательно ли смотрела Мэлори? А другие обитатели дома?

– Стоять! – командует Том.

Мэлори оборачивается и видит его у кухонной двери. Лайки с ним. По его команде обе садятся, и Том награждает их сырым мясом.

Мэлори продолжает стирать и думает о портфеле Гари.

Глава 32

Мэлори чувствовала, что это случится. Как же иначе? К этому все шло с тех пор, как Том и Джулс вернулись с собаками. Они занимались с ними по двенадцать часов в день. Сперва в доме, потом во дворе. Так появились зрячие собаки-поводыри. Птицы в коробке играют роль сигнализации, как и обещал Том. Птицы щебетали, когда явился Гари, они поют, когда их кормит Шерил. В общем, рано или поздно Том объявил бы, что они снова выберутся из дома, теперь с помощью собак-поводырей.

На сей раз затея опаснее. Теперь они собираются уйти дальше.

«Они один квартал два дня исследовали. Когда мы увидим их теперь, раз они уходят на три мили?»

Три мили. Ровно столько отделяет их от дома, где прежде жил Том. Туда он и хочет отправиться.

– Это единственное место, в безопасности которого я абсолютно уверен, – заявил Том. – У меня там запасы. Есть то, что очень нам нужно. Бинты, пластыри, аспирин, неоспорин.

«Лекарства – это хорошо, – думает Мэлори. – Невыносимо плохо то, что Том уходит надолго».

– Не волнуйся, маршрут мы вывели до мелочей, – заверил Феликс в тот же вечер. – Том с Джулсом пойдут под музыку. Точнее, в такт одной-единственной песне, «На полпути к раю», в исполнении Тони Лайта. Возьмут с собой кассетник и будут ставить эту песню снова и снова, двигаясь в точно определенном направлении. Мы рассчитали, сколько шагов нужно сделать в каждую сторону на каждом участке пути.

– Так вы, ребята, плясать собираетесь? – спрашивает Гари. – Как мило!

– При чем тут пляски?! – огрызается Том. – Мы за помощью идем.

– Том, тренироваться можно до посинения, но если шаги получатся на полдюйма короче, то все, привет. Вы потеряетесь, – предупреждает Шерил. – Мать вашу, тогда как вы вернетесь? Вы не вернетесь.

– Вернемся, – говорит Том.

– Если даже потеряемся, мы не беспомощны, – добавляет Джулс. – Нам нужны припасы. Ты, Шерил, знаешь это лучше других. Ты же последняя проводила инвентаризацию.

Да, рано или поздно этот день настал бы, только Мэлори от этого не легче. Поэтому она и отвела Тома в сторонку буквально за минуту до их с Джулсом ухода.

– Том, если вы не вернетесь, этому дому конец, – предупредила Мэлори.

– Мы вернемся.

– Понимаю, что ты так думаешь, – сказала Мэлори. – Но вряд ли ты понимаешь, как нужен этому дому.

– Мэлори, – начал Том, когда Джулс объявил, что готов. – Этому дому нужен каждый из нас.

– Том...

– Не давайте волю нервам, как в прошлый раз. Помните, что однажды мы уже возвращались. Значит, вернемся снова. Мэлори, будь лидером. Помогай соседям, если они испугаются.

– Том...

– Мэлори, тебе нужны лекарства, нужны дезинфицирующие средства. Срок-то уже большой.

Сомнений не оставалось: Том избрал себе миссию и готов снова и снова рисковать жизнью ради будущего обитателей дома.

«В прошлый раз они принесли детскую обувь», – напомнила себе Мэлори.

Сейчас она снова напоминает себе об этом. Сейчас, когда Том с Джулсом отправились на трехмильную прогулку по самой опасной местности на свете.

Они ушли этим утром. Феликс еще раз проштудировал с ними карту. Гари подбадривал. Олимпия подарила им коралл, который всегда приносил ей удачу. Мэлори не сказала ни слова. Входная дверь закрылась за Томом во второй раз, а Мэлори не окликнула его. Не обняла. Не попрощалась.

Сейчас, через несколько часов после ухода Тома и Джулса, она об этом жалеет.

Впрочем, короткий наказ, который в последний момент дал ей Том, подействовал. В его отсутствие обитателям дома нужен лидер, человек, способный сохранить выдержку, вопреки беспокойству и вполне оправданному страху.

Только лидерство – бремя тяжелое. Настрой у соседей далеко не оптимистичный.

Шерил говорит, что шансы встретить тварей на трехмильной прогулке куда выше, чем при обходе двух кварталов. Тем более никто не знает, как на тварей реагируют животные. Что будет с Томом и Джулсом, если лайки что-то увидят? Смельчаков съедят? Или получится еще ужаснее?

Мрачные картины рисует не одна Шерил.

Дон предлагает подготовить к вылазке вторую группу, на случай если

Том с Джулсом не вернутся. «Возвратятся они или нет, еда нам все равно нужна».

Олимпия жалуется на головную боль. Это, мол, к сильной грозе. Гроза неминуемо нарушит расчеты Феликса, ведь Тому с Джулсом придется ее пережить.

Шерил согласна.

Дон спускается в подвал, чтобы «собственными глазами» взглянуть на припасы, выяснить, что именно им нужно и где это искать.

Олимпия рассказывает, как однажды осталась на улице в страшную грозу с молниями, да еще одна-одинешенька.

Шерил спорит с Феликсом из-за карт. Она твердит, что карты теперь ничего не значат.

Дон говорит о сне по графику.

Олимпия вспоминает торнадо, в зону которого попала совсем молодой.

Шерил и Феликс спорят с пеной у рта.

В голосе Олимпии звенит истерика.

Дон теряет рассудок.

Растущая паника претит Мэлори, и она решает заговорить.

– Слушайте, нам что, делать нечего? – удивляется она. – Здесь, в доме. Нужно приготовить обед. Ведро с испражнениями целый день не выносили. Не мешает навести порядок в подвале. Феликс, давай вместе обыщем двор, вдруг попадутся инструменты? Может, мы пропустили что-то полезное? Шерил, покорми птиц. Дон и Гари, займитесь обзвоном. Набирайте любые комбинации цифр. Кто знает, до кого вы дозвонитесь. Олимпия, неплохо бы постирать постельное белье. Да, его стирали неделю назад. Только ведь мы почти не моемся, а мелочи, вроде чистых простыней, сделают дом уютнее.

Соседи смотрят на Мэлори и будто не узнают. На миг она стесняется своего напора, но он срывает. Гари молча идет к телефону, Шерил – к двери подвала.

«Срок-то уже большой», – сказал перед уходом Том.

Об этом Мэлори думает, когда соседи берутся за дела. Вместе с Феликсом она идет за повязками и думает о том, что могут принести Том и Джулс. Могут они принести что-нибудь, ну хоть что-нибудь, способное создать лучший мир для ее ребенка?

Мэлори берет повязку и надеется.

Глава 33

«Река разделится на четыре рукава, – сказал тот мужчина. – Тебе нужен второй справа. Держаться правого берега не выйдет. Задача нелегкая. Придется открыть глаза».

Мэлори гребет.

«Как узнать, что ты на месте? Услышишь звукозапись. Человеческий голос, – пообещал мужчина. – Мы не можем сидеть у реки целый день. Это слишком опасно. Поэтому поставили громкоговоритель. Запись проигрывается снова и снова. Четко и ясно. Ты обязательно ее услышишь. Тогда и открывай глаза».

Боль в плече то нарастает, то слабеет. Дети слышат стоны Мэлори и предлагают помощь.

Оставшись одна с детьми, Мэлори постоянно слышала голос Тома, особенно в первый год. Сколько ценных мыслей он высказал, а в жизнь воплотить не успел. Этим занялась Мэлори, когда времени стало хоть отбавляй.

«Нужно разместить во дворе микрофоны», – сказал однажды Том. Он хотел усовершенствовать сигнализацию, от птиц до усилителей.

Мэлори отчаянно хотелось установить микрофоны. Но как? У нее младенцы на руках. Да и откуда взять микрофоны, усилители, провода?

– Можно куда-нибудь съездить, – сказал однажды Том.

– Это безумие, – отозвался Дон.

– Ничего подобного. Ехать надо медленно. Улицы пусты. Ничего страшного не случится.

Мэлори гребет и вспоминает, как в зеркале ванной видела другие лица. Тома. Шеннон. Олимпию. Они взывали к ней, умоляли бросить дом, сделать еще что-нибудь ради безопасного будущего детей. Рискнуть придется в одиночку. Том с Джулсом не помогут, их рядом нет.

Голос Тома звучал и звучит. У нее в голове. В комнате. В зеркале.

«Укрепи “вагонер” Шерил. Закрась окна черной краской. Не бойся в кого-нибудь врезаться. Просто езжай, и все. Пяти-шести миль в час хватит. У тебя дома маленькие дети. Ты должна знать, что происходит на улице, не приближается ли кто к дому. Микрофоны тебе подскажут».

Из ванной Мэлори направилась в кухню. Там она изучила карту, по которой Феликс, Джулс и Том однажды составляли маршрут пешего перехода к бывшему жилищу Тома. На ней сохранились их записи. Расчеты

Феликса тоже сохранились. Пользуясь масштабом, Мэлори сделала собственные вычисления.

Она мечтала об усовершенствованной сигнализации. Нуждалась в ней. Только, вопреки новой решимости, не знала, куда отправиться.

Однажды вечером, когда малыши спали, Мэлори сидела за кухонным столом и вспоминала, как ехала в этот дом. С тех пор прошло не больше года. Тогда она думала лишь об адресе, указанном в объявлении. Что она увидела по дороге?

Мэлори попыталась вспомнить.

«Прачечную самообслуживания»

«Отлично. Что еще?»

«Пустые витрины. Ривербридж напоминал город-призрак, и ты боялась, что тех, кто поместил объявление в газете, на месте уже нет. Что они либо свихнулись, либо сели в машину и уехали».

«Тоже верно. Что еще?»

«Булочную».

«Отлично. А еще?»

«Еще?»

«Да».

«Бар».

«Хорошо! Что было написано над входом?»

«Понятия не имею. Что за глупый вопрос?!»

«Помнишь тоску, накатившую, когда увидела название...название...»

«Название чего?»

«Название группы?»

«Группы?»

«Ты прочла название группы, выступление которой планировалось двумя неделями раньше. Как называлась группа?»

«Название я точно не вспомню».

«Ладно, а собственное чувство?»

«Не помню».

«Еще как помнишь! Что ты чувствовала?»

«Я грустила и боялась».

«Чем там занимались?»

«В смысле?»

«Чем занимались в баре?»

«Не знаю... Ели и пили».

«Верно. А еще чем?»

«Танцевали...»

«Танцевали?»

«Да».

«И?»

«И что?»

«Какой танец танцевали?»

«Не знаю».

«А подо что танцевали?»

«Под музыку. Под музыку, которую исполняла группа».

Мэлори поднесла ладонь ко лбу и улыбнулась.

«Верно. Танцевали под музыку, которую исполняла группа».

Группе нужны микрофоны. И усилители нужны.

Томовы задумки наводнили дом, как призраки.

«Делай как мы, – сказал бы Том. – Как мы с Джулсом, когда обходили окрестности. В той вылазке ты не участвовала, зато можешь предпринять свою. Мы с Джулсом нашли собак, потом с их помощью добрались до моего дома. Подумай, Мэлори. Вылазки случились одна за другой. Каждый шаг готовил последующий. Все потому, что мы не стояли на месте. Мы рисковали. Ты тоже должна рискнуть. Рискни выкрасить лобовое стекло в черный».

Дон посмеялся над предложением ехать вслепую, но Мэлори поступила именно так.

Виктор, вот кто ей поможет. Вообще-то Джулс запрещал использовать его таким образом. Только на руках у Мэлори остались два младенца. Правила изменились. Мэлори еще от родов не оправилась. Тело ныло. Постоянно болела поясница. При резких движениях казалось, вот-вот треснет промежность. Мэлори быстро уставала. Отдохнуть, как положено роженицам, у нее не получилось.

«Виктор... Он тебя выручит», – подумала она тогда.

Мэлори принесла краску из подвала и выкрасила окна автомобиля в черный. Стекла изнутри оклеила носками и свитерами. С помощью столярного клея и клейкой ленты прикрепила к бамперу матрасы и одеяла. Все это на улице. Все это вслепую. Все это через боль, которой недавние роды наказывали за каждое движение.

Детей придется оставить дома. Мэлори поедет одна.

Сперва четыре мили в сторону, противоположную той, откуда она приехала год назад. Потом поворот налево и еще четыре мили. Потом поворот направо и еще две с половиной мили. Дальше нужно искать бар.

Она захватит еду для Виктора. Когда понадобится, он приведет ее обратно к машине, к еде.

Пять-шесть миль в час казалось разумной скоростью. Не представляющей большой опасности. Но, едва попробовав, Мэлори поняла, как трудно ей будет. Даже со всеми мерами предосторожности ехать вслепую – чистый ужас.

«Вагонер» дико подскакивал, натываясь на предметы, которые Мэлори никогда не опознать. Раз двадцать она врезалась в обочину тротуара, дважды в столбы, однажды – в припаркованную машину. Вот она, страшная тревога ожидания! При каждом щелчке одометра Мэлори ждала столкновения и травмы. Домой она вернулась, изрядно потрепав нервы и несолоно хлебавши. Она сомневалась, что решится на новую вылазку.

Но решилась. С девятой попытки, сильно побив «Вагонер», она нашла бар.

Прачечную Мэлори нашла с седьмой попытки. Окрыленная успехом – прачечную она видела в день приезда, – Мэлори попробовала снова. С завязанными глазами, перепуганная, она заходила поочередно в обувной, в кофейню, в кафе-мороженое, в театр. Ее шаги разносись по фойе офисного здания с мраморными полами. Мэлори врезалась в стенд, свалив открытки на пол, а бар не нашла. В девятый раз она толкнула незапертую деревянную дверь и сразу поняла, что попала в бар.

Скисшими фруктами, затхлым табачным дымом и пивом пахло так же противно, как ей помнилось. Она опустилась на колени и обняла Виктора за шею.

– Мы на месте, – объявила она.

Тело и разум изнемогали от усталости. Во рту пересохло. Живот превратился в сдутый шарик.

Зато она нашла бар.

Мэлори долго нащупывала деревянную стойку. Налетела на стулья, больно ударилась локтем о колонну. Разок даже запнулась, но стол удержал от падения. Пальцы Мэлори скользили по разным устройствам. Это кухня? Здесь коктейли смешивали? Виктор нетерпеливо тянул поводок. Мэлори повернулась и врезалась животом во что-то жесткое. Стойка! Виктора она привязала к тому, что сочла стальным табуретом, шагнула за стойку и ощупала бутылки. Каждое движение напоминало, как недавно Мэлори разрешилась от бремени. Одну за другой она подносила бутылки к носу. Это виски. Что-то персиковое. Что-то лимонное. Водка. Джин. И наконец, ром, такой же, какой ее соседи пили вечером, когда появилась Олимпия.

Приятно держать в руках бутылку! Чем не подруга, с которой не виделись тысячу лет? Мэлори донесла бутылку до конца стойки, нашла табурет, села и сделала глоток.

Алкоголь растекся по телу. На миг даже боль притупил.

В своем внутреннем мраке Мэлори понимала, что тварь может сидеть за стойкой рядом с ней. А если бар кишит ими? Если их по три за каждым столиком? Если они молча следят за ней? Если наблюдают за сломленной женщиной с завязанными глазами и собакой-поводырем? В тот момент Мэлори это совершенно не тревожило.

– Виктор! – позвала она. – Хочешь выпить? Хочешь?

Кайф!

Мэлори выпила еще, вспоминая, как здорово сидеть в баре. Забываешь о детях, о доме – обо всем.

– Виктор, ром отличный!

Пса интересовало совершенно другое. Он натянул поводок, которым Мэлори привязала его к табурету.

Мэлори сделала еще глоток. Виктор заскулил.

– Виктор, в чем дело?

Пес еще сильнее натянул поводок. Он не рычал, а именно скулил. Мэлори прислушалась. Виктора что-то сильно растревожило. Она поднялась и отвязала пса – пусть ведет ее.

– Виктор, куда мы?

Ясно, он потянул ее обратно, к двери, через которую они вошли. По пути они врезались в столы. Виктор поскользнулся на плиточном полу, Мэлори ударилась голенью о стул.

Здесь пахло сильнее. Пивом, дымом, кислыми фруктами и чем-то еще.

– Виктор!

Пес замер, потом начал скрести что-то на полу.

«Это мышь, – подумала Мэлори. – Их тут наверняка пруд пруди».

Ногой она прочертила на полу дугу и задела что-то маленькое и твердое. Отпихнув Виктора, Мэлори осторожно ощупала пол. Думала она о малышах: без нее они погибнут.

– Виктор, что это?

Мэлори держалась за кольцо, похоже, стальное. К нему привязали короткую веревку. Мэлори ощупала его и догадалась, что нашла.

– Виктор, это подвальный люк.

У пса сбилось дыхание.

– Не будем трогать кольцо. Нам здесь кое-что нужно.

Виктор снова натянул поводок.

«Вдруг там люди? – думает Мэлори. – Вдруг там кто-то прячется или живет? Вдруг они помогут тебе растить детей?»

– Эй, там есть кто-нибудь? – крикнула она, но ответа не услышала.

Повязка взмокла от пота. Виктор когтями впился в деревянный люк. Мэлори с трудом опустилась на колени – измученное тело не слушалось – и подняла люк.

Из подвала повалил такой жуткий запах, что ром пошел обратно. Мэлори стошнило.

– Виктор, – пролепетала она меж позывами, – там что-то гниет. Что-то...

Вот он, страх. Настоящий, обжигающий страх. Такой чувствуешь, не когда едешь в машине с покрашенными окнами, а когда глаза завязаны и ты понимаешь, что в комнате кто-то есть.

Мэлори потянулась к люку, боясь, что упадет в подвал и столкнется с тем, что на дне. Пахло не тухлой едой, и не дрянной выпивкой.

– Виктор!

Пес тянул поводок, злясь на источник запаха.

– Виктор, успокойся!

Но пес не успокаивался.

«Так пахнет могила. Вот она, смерть».

В панике Мэлори быстро уволокла пса из комнаты. Скорее обратно в бар, скорее найти колонну! Мэлори отыскала деревянный столбик ограждения, привязала к нему поводок, опустилась на колени и прижала ладони к морде Виктора, умоляя его уgomониться.

– Виктор, нам нужно вернуться к малышам, – увещевала она. – Прощу тебя, успокойся!

Мэлори самой не мешало успокоиться.

«Мы так и не выяснили, как реагируют животные. Мы так ничего и не узнали».

По-прежнему с завязанными глазами, Мэлори повернулась к коридору, который вел к подвалу.

– Виктор, – позвала она сквозь слезы, – что ты там видел?

Пес затих. Дышал он тяжело. Очень тяжело.

– Виктор!

Мэлори поднялась и шагнула в сторону.

– Виктор, я отойду. Микрофоны поищу.

Что-то внутри Мэлори понемногу отмирало. Казалось, она сходит с ума. Вспомнился Джулс. Он любил своего пса больше самого себя. Пес стал последней ниточкой, соединяющей Мэлори с соседями.

Из пасти Виктора вырывался рык, полный боли и страдания. Такого Мэлори от него не слыхала. Такого она не слыхала ни от одной собаки на свете.

– Виктор, прости! Прости, что привезла тебя сюда.
Пес задергался так, что едва не сорвался с поводка.
Деревянный столбик треснул.

Виктор залаял.

Мэлори попятилась и под ноющими коленями ощутила не ступеньку, не то возвышение.

– Виктор, не надо. Прости меня!

Виктор повернулся и бросился на стол.

– Господи! ВИКТОР! Не рычи! Пожалуйста, перестань!

Только Виктор не мог перестать.

Сзади возвышение, устланное ковром. Мэлори ощупала его и забралась повыше, не решаясь повернуться спиной к тому, что увидел Виктор. Она съежилась и, дрожа, слушала, как пес сходит с ума. Как он писает. Как лязгает зубами, хватая воздух.

Мэлори закричала. Она машинально потянулась за чем-нибудь тяжелым и нащупала невысокий металлический шест. Мэлори осторожно выпрямилась, ведя по нему рукой.

Виктор снова хватанул воздух. Клацнул зубами так, что они затрещали.

Пальцы Мэлори сомкнулись на овальном предмете, которым заканчивался шест. Предмет венчало что-то вроде стальной сетки.

Мэлори охнула.

Она стояла на сцене, а в руках держала то, ради чего устроила вылазку.

Микрофон!

Распоролась шкура, разорвались мышцы. У Виктора сломалась кость.

– Виктор!

Мэлори сунула микрофон в карман и упала на колени.

«Убей его!» – подсказывал холодный рассудок.

Но Мэлори не могла.

Пока она истово ощупывала сцену, Виктор, судя по звукам, жевал себе лапу.

«У тебя нет сил. Виктор гибнет. Дома остались два младенца. Ты им нужна, Мэлори. Ты им нужна ты им нужна ты им нужна».

Слезы просочились сквозь повязку. Дыхание стало судорожным. На коленях Мэлори поползла за проводом к кубику на дальнем конце сцены, потом разыскала еще три провода, которые вели к трем микрофонам.

Виктор издал звук, какой псам издавать негоже. Он кричал, как человек в отчаянии. Мэлори собрала все, что могла.

Усилители компактные, их нести несложно. Микрофоны. Провода.

Стойку.

– Прости меня, Виктор. Прости. Прости.

Мэлори поднялась, но подумала, что на ногах не устоит. Будь сил на каплю меньше, она падала бы, падала, падала. Но она устояла. Виктор все терзался, а Мэлори, прижавшись спиной к стене, нащупывала дорогу со сцены и, наконец, сошла с лестницы.

Виктор что-то видел. Где сейчас это что-то?

Слезы не остановишь, но пересилило другое чувство – драгоценный покой, подарок материнства. Свои желания забыты, теперь Мэлори жила только для детей.

Передвигаясь по бару, Мэлори задела Виктора. Это его бок? Морда? Он прощается с ней? Или швырнул ей откушенный язык?

Мэлори вернулась к входу в бар. Где-то рядом был подвальный люк. Открытый. Только где он?

– ПРОЧЬ ОТ МЕНЯ! ПРОЧЬ! ПРОЧЬ!

Оборудование нести непросто, Мэлори оступилась – пол ушел из-под ног.

Мэлори потеряла равновесие.

Чуть не упала.

Сумела выпрямиться.

Перед тем как выйти из бара, она крикнула и не узнала свой голос.

Солнце нещадно палило. Мэлори быстро зашагала к машине.

Мысли кружились в бешеном водовороте. Уж слишком стремительно развивались события. Мэлори ступила на асфальт и налетела на машину. Трофеи она спешно погрузила в багажник, села за руль и зарыдала.

Ах, этот новый мир! Ах, жестокость! Ах, Виктор!

Мэлори вставила ключ в зажигание, хотела повернуть, но вдруг замерла. Черные волосы взмокли от пота.

Вдруг кто-то проник в машину? Вдруг кто-то сидит рядом с ней на пассажирском сиденье? В таком случае она привезет незваного гостя к детям.

«Чтобы добраться до дома, необходимо смотреть на одометр», – сказала себе Мэлори. Даже внутренний голос дрожал, даже внутренний голос казался плачущим.

Вслепую Мэлори замахала руками, ударила приборный щиток, заколотила по крыше, постучала в окна. Потом сорвала с глаз повязку.

Увидела черное лобовое стекло. В салоне она сидела одна.

Сверяясь с одометром, она проехала две с половиной мили, потом четыре мили до Шиллингема, потом еще четверть мили до дома. Мэлори

ударялась о каждый бордюр, о каждый знак. На скорости пять миль в час поездка показалась вечностью.

Мэлори остановила машину и собрала трофеи. Когда дверь была заперта, она открыла глаза и бросилась в детскую.

Мальши не спали. Они проголодались. Личики побагровели от рева.

Много позднее Мэлори лежала на сыром полу кухни. Мелко дрожа, смотрела на микрофоны, на два маленьких усилителя и вспоминала звуки, которые издавал Виктор.

«Собаки уязвимы. Собаки подвержены безумию. Собаки уязвимы».

Только подумает, что слезам конец, как они текут снова.

И снова.

Глава 34

Мэлори в ванной второго этажа. Уже поздно, в доме тихо. Соседи спят. Мэлори думает о портфеле Гари.

Том велел ей стать лидером. А Мэлори волнует портфель Гари. И внезапный интерес Дона к Гари. И все неестественно-напыщенные фразы Гари.

Вынюхивать нехорошо. Личное пространство особенно важно для соседней поневоле. Но разве это не ее долг? В отсутствие Тома разве не следует ей проверить свою интуицию?

Мэлори прислушивается. В доме тишина.

Из ванной Мэлори поворачивает к комнате, где спит Шерил. Из спальни Олимпии доносится негромкий храп. Мэлори бесшумно спускается по лестнице, держась за перила.

Она заходит на кухню и включает свет над плитой. Лампочка слабая и негромко гудит. Хватит и ее. В гостиной Мэлори ловит на себе взгляд Виктора. Феликс спит на диване. Томово место на полу сегодня пусто.

Шаг, еще шаг – столовая совсем близко. Неяркого света как раз хватает, чтобы разглядеть на полу Гари. Он спит на спине.

Мэлори думает.

Портфель у стены, на расстоянии вытянутой руки от Гари.

Мэлори крадется по гостиной. Под ногами поскрипывают половицы. Мэлори замирает и вглядывается в бородатое лицо с приоткрытым ртом. Гари дышит с присвистом, но мерно. Сама Мэлори боится вдохнуть. Она делает еще один, последний шаг к Гари и замирает. Смотрит на него сверху вниз.

Потом встает на колени.

Гари всхрапывает, и у Мэлори екает сердце. Она ждет.

За портфелем надо тянуться через грудь Гари. Ладонь Мэлори в дюймах от его рубашки. Пальцы сжимают ручку портфеля. Гари снова всхрапывает. Мэлори поворачивается.

Гари смотрит на нее.

Мэлори замирает, разглядывает лицо Гари и чуть слышно выдыхает: глаза закрыты. Ее обманули тени.

Она поднимает портфель и выскользывает из столовой.

У двери подвала Мэлори останавливается и слушает. Из столовой не долетает ни звука. Подвальная дверь открывается медленно и тихо, только

петли все равно скрипят. Почему-то сегодня скрип кажется куда громче обычного. Можно подумать, что так скрипит, медленно открываясь, весь дом.

Когда образуется достаточно широкая брешь, Мэлори проскальзывает за дверь. В доме снова воцаряется тишина.

Мэлори медленно спускается на земляной пол подвала.

Она нервничает и веревку у лампочки находит не сразу. Ура, наконец-то! Подвал заливают ослепительно-желтый свет – такой яркий, что, кажется, разбудит Шерил, спящую двумя этажами выше. Мэлори оглядывает подвал и снова ждет.

Слышит лишь свое сдавленное дыхание и больше ничего.

Тело ноет, требует отдыха, но сейчас у Мэлори одно желание – увидеть, что принес с собой Гари.

Мэлори подходит к деревянному табурету, усаживается и открывает портфель.

Внутри старая зубная щетка.

Носки.

Футболки.

Рубашка.

Дезодорант.

Бумаги. Целый блокнот.

Мэлори смотрит на дверь подвала. Она вслушивается: не зашелестят ли шаги? Ничего не слышно. Мэлори вытаскивает из-под одежды блокнот и ставит портфель на пол.

У блокнота чистая синяя обложка. Уголки страниц не загнуты. Такое ощущение, что Гари берег его, держал в чистоте и аккуратности.

Мэлори открывает блокнот и читает.

Почерк пугающе четкий. Писал человек дотошный, въедливый. Писал с азартом, с гордостью. Мэлори переворачивает страницы и отмечает: часть предложений написаны традиционно, то есть слева направо, часть наоборот, справа налево. Ближе к середине блокнота предложения начинаются вверху страницы и тянутся вниз. Ближе к концу они, выписанные с тем же тщанием, закручиваются в спираль, складываются в причудливые узоры и орнаменты из слов.

«Познаешь истинную власть тварей – познаешь “потолок” человеческого разума. Если суть в понимании, то последствия встреч с тварями для каждого человека должны быть разными. Мой “потолок”, очевидно, отличается от вашего. Он не такой, как у моих идиотов-соседей. Люди, погруженные в разнузданную истерию, более зависимы от правил,

которые мы вывели для тварей. Иными словами, простаки с детскими интеллектами не выживут. Подобные мне – другое дело, что я уже доказал».

Мэлори переворачивает страницу.

«Кто ропщет, когда грядет конец света? Когда люди истребляют себе подобных, когда насилие захлестнуло провинциальную Америку? Кто прячется за повязками и одеялами? Ответ – ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО. Им сказали, что они сойдут с ума, вот они и сходят».

Мэлори смотрит на лестницу. В щель под дверью льется свет лампы. Может, лучше его выключить? Мэлори снова переворачивает страницу.

«Мы сами себя терзаем мы сами себя терзаем мы САМИ СЕБЯ ТЕРЗАЕМ. Иначе говоря – слушайте внимательно – ЧЕЛОВЕК И ЕСТЬ ТВАРЬ, КОТОРОЙ СТРАШИТСЯ».

Это блокнот Фрэнка. Почему же он у Гари?

Потому что писал в нем Гари.

Потому что – Мэлори не сомневается – не Фрэнк сорвал одеяла с окон в том доме.

Это сделал Гари.

Мэлори встает, чувствуя, как бешено бьется сердце.

«Тома рядом нет. Он отправился в трехмильный поход туда, где жил раньше».

Мэлори смотрит на подвальную дверь. В щель сочится свет лампы. Мэлори опасается, что его вот-вот заслонят мужские ноги. Она оглядывает полки в поисках оружия. Если явится Гари, чем она сможет его убить?

Мужские ноги свет не заслоняют. Мэлори подносит блокнот к глазам и читает дальше.

«Здравый смысл и желание переубедить их твердят, что у меня нет выбора. Я напишу это тысячу раз, чтобы решиться. Две тысячи раз. Три. Эти люди не хотят видеть реальность. Переубедит их лишь доказательство. Как же им доказать? Как заставить их поверить? Я сниму одеяла с окон и отопру двери».

Записи на полях пронумерованы, соответствующие номера аккуратно проставлены сверху. Вот запись номер 2343. Вот запись номер 2344. Безостановочные, бесконечные, безжалостные записи.

Мэлори переворачивает страницу.

Сверху доносится шум.

Мэлори смотрит на дверь. Смотрит и ждет, боясь шевельнуться, боясь даже глазом моргнуть.

Тянется за портфелем, не сводя глаз с двери. Сует блокнот меж вещей

Гари. Как он лежал? Обложкой в какую сторону?

Мэлори не помнит. Не помнит!

Она закрывает портфель и тянет за веревку, чтобы потушить свет.

Потом зажмуривается и чувствует под ногами сырую землю. Разлепляет веки. Абсолютный мрак нарушает только свет лампы, проникающий в щель.

Мэлори следит за ним и ждет.

Пока она пробирается к лестнице, глаза привыкают к темноте. Мэлори осторожно поднимается по ступенькам и прижимает ухо к двери.

Аж дыхание сбилось: так старательно она вслушивается. В доме снова тишина.

«Гари в другом конце кухни. Следит за дверью в подвал. Только откроешь ее, он тебя и встретит».

Мэлори ждет. Ждет. Ничего не слышно.

Она открывает дверь. Петли скрипят.

Мэлори, с портфелем в руке, бросает взгляд на кухню. Тишина чересчур громкая.

На кухне ни души. Никто ее не караулит.

Свободную руку Мэлори кладет на живот, проскальзывает за дверь и закрывает ее.

Смотрит в гостиную. Потом в столовую.

Снова в гостиную.

Снова в столовую.

Мэлори на цыпочках крадется по кухне и наконец заходит в столовую.

Гари так и лежит на спине. Его грудь равномерно поднимается и опускается. Он постанывает. Мэлори подходит ближе. Гари шевелится. Мэлори замирает и ждет.

«Он шевельнулся...»

Нет, просто рукой двинул.

Мэлори наблюдает за Гари, вглядывается ему в лицо, в закрытые глаза. Потом быстро опускается на колени в считанных дюймах от него и ставит портфель к стене.

«Он ведь так стоял, а не застежкой к стене?»

Мэлори оставляет портфель и вылетает из столовой. На кухне при свете лампы перехватывает чей-то взгляд и замирает.

Олимпия.

– Что ты делаешь? – шепчет она.

– Ничего, – задыхаясь, отвечает Мэлори. – Мне показалось, я кое-что там забыла.

– А мне приснился кошмар, – жалуется Олимпия.

Мэлори подходит к ней, берет за руку и ведет на лестницу. По ступеням они поднимаются вместе. В холле второго этажа Мэлори оглядывается на лестницу.

– Нужно сказать Тому, – говорит она.

– Про мой кошмар?

Мэлори смотрит на Олимпию и качает головой.

– Нет, нет, извини меня.

– Мэлори?

– Что?

– Ты как, ничего?

– Мне нужен Том.

– Нужен, а его нет.

Мэлори смотрит на первый этаж. Лампа над плитой до сих пор горит. На порог гостиной падает достаточно света, и если кто-то войдет на кухню из столовой, Мэлори увидит тень.

Она вглядывается в сумрак. Ждет тень.

Тень обязательно появится.

Пока ждет, Мэлори думает о словах Олимпии.

«Тома нет».

Дом ей представляется большой коробкой. Мэлори хочет из нее выбраться. Том с Джулсом устроили вылазку, но, по сути, до сих пор в коробке. Целый мир накрыт крышкой. Мир – та же картонная коробка, в какой они держат птиц. Мэлори ясно, что Том ищет способ поднять крышку. Ищет способ выбраться на свободу. Но вдруг над первой крышкой вторая, а над второй – третья?

«Мы в коробке, – думает Мэлори. – Мы под крышкой. Навсегда».

Глава 35

Неделя минула с тех пор, как Том с Джулсом взяли лаек и отправились в трехмильный поход. Сейчас Мэлори больше всего хочется, чтобы они вернулись. Хочется услышать стук в дверь и вздохнуть с облегчением: они дома. Хочется услышать про то, что им встретилось, увидеть, что им удалось принести. Хочется рассказать Тому о прочитанном в подвале.

Прошлой ночью Мэлори так и не заснула. Лежала в темноте и размышляла о блокноте Гари. Сейчас Мэлори в прихожей. Таится от остальных, по крайней мере, так она думает.

Феликсу сказать нельзя. Он что-нибудь устроит. Он что-нибудь скажет. Пусть Том с Джулсом сперва вернутся: если так выйдет, Феликсу понадобится их помощь.

Кто знает, что способен натворить Гари. Что он уже натворил.

Шерил сказать нельзя. Она сильная, но вспыльчивая. Она разозлится и устроит что-нибудь еще раньше Феликса.

Олимпия только перепугается.

Поговорить с Гари нельзя, и Мэлори не станет. Только не в отсутствие Тома.

А вот с Доном можно, даром что он непредсказуем и изменил свои симпатии.

В Доне живет добродетель. Живет и всегда жила.

Гари несколько недель его искушает. Впрочем, Дону не хватало такого Гари. Не хватало родственной души. Но куда подевался его скептицизм? Неужели во время бесчисленных разговоров новый сосед не вызвал у него подозрений?

«Гари спит с портфелем под мышкой. Бережет его. Бережет свои записи и верит в них».

Новый мир жесток и страшен, только что может быть страшнее, чем найти блокнот Гари в отсутствие Тома?

«Вдруг Том ушел надолго?»

«Прекрати».

«Вдруг навсегда?»

«Прекрати!»

«Вдруг он погиб? Вдруг твари убили его прямо у дома? Вдруг тот, кого ты ждешь, погиб неделю назад на лужайке у дома?»

«Он не погиб. Он вернется».

«Может быть».
«Вернется!»
«Может быть».
«Они составляли маршрут вместе с Феликсом».
«Много ли знает Феликс?»
«Они вместе готовили вылазку. Том не стал бы рисковать, если бы не верил, что у него есть шанс».
«Вспомни видео, которое смотрел Джордж. Том такой же, как он».
«ПРЕКРАТИ!»
«Так и есть. Том боготворил его. А про собак ты забыла?»
«Мы не знаем, уязвимы ли собаки для тварей».
«Верно, не знаем. Но, возможно, и уязвимы. Представь себе потерявшего разум пса. Представь, на что это похоже».
«Не надо... перестань!»
«Нужно обо всем подумать. Все предусмотреть. Вдруг Том не вернется?»
«Вернется вернется вернется».
«Если нет, тебе придется рассказать кому-то другому».
«Том вернется».
«Неделя прошла».
«ОН ВЕРНЕТСЯ!»
«Гари не говори. Сперва поделись с кем-нибудь другим».
«С Доном».
«Нет, не с ним. Лучше с Феликсом. Дон тебя убьет».
«Что?!»
«Дон изменился, Мэлори. Сильно изменился. Не будь наивной!»
«Он нас не тронет».
«Еще как тронет. Он топором всех вас зарубит».
«ПРЕКРАТИ!»
«Жизнь для него – ничто. Он ведь велел тебе ослепить новорожденного».
«Он нас не тронет».
«Очень даже тронет. Поговори с Феликсом».
«Феликс разболтает остальным».
«Так запрети ему. Поговори с Феликсом. Вдруг Том не вернется?»
Мэлори выбирается из прихожей. На кухне Гари и Шерил. Гари сидит за столом и ест консервированные груши.
– Добрый день! – говорит он таким тоном, словно именно его стараниями день становится добрым.

Мэлори чудится, что он догадался. Что он все знает.

– Добрый день! – отвечает она и уходит в гостиную.

Феликс сидит там у телефона. На приставном столике разложена карта.

– Не понимаю, – смущенно говорит он.

Выглядит Феликс неважно. Он плохо ест. Гарантии, которые он давал Мэлори неделю назад, рассыпались в пух и прах.

– Столько времени прошло, – вздыхает он. – Нет, Том наверняка контролирует ситуацию, но уж очень они долго.

– Тебе нужно отвлечься, – советует Шерил, заглядывая в гостиную. – Феликс, я серьезно. Займись чем-нибудь. Ну или на улицу без повязки выйди. Все равно до безумия себя доводишь!

Шумно вздохнув, Феликс проводит рукой по волосам.

Нет, Феликсу говорить нельзя. Он что-то теряет. Уже потерял. У него даже глаза потускнели. Он теряет рациональность, внимание, духовную силу.

Не сказав ни слова, Мэлори уходит. В коридоре она встречает Дона.

Слова просыпаются, рассказ о вчерашнем открытии вертится на языке.

«Дон, Гари нехороший. Он опасен. В портфеле у него блокнот Фрэнка».

«Что-что?!»

«Что слышал».

«Ты вынюхивала? Рылась в вещах Гари?»

«Да».

«Зачем ты ко мне с этим пришла?»

«Мне нужно с кем-то поделиться. Ты же понимаешь?»

«Почему ты просто не сказала Гари? Эй, Гари!»

Нет, Дону говорить нельзя. Он тоже что-то утратил. Дон может и руку на нее поднять. И Гари может.

«Толкнут разок – и потеряешь ребенка», – думает Мэлори, живо представляет Гари наверху подвальной лестницы, а себя, окровавленную и искореженную, внизу.

«Любишь читать в подвале? ЛЮБИШЬ? Так сдохни там вместе со своим детенышем!»

В гостиной слышны голоса. Шерил разговаривает с Феликсом, Гари разговаривает с Доном.

Мэлори разворачивается и делает шаг к гостиной. Она расскажет всем.

Стоит зайти в гостиную, и тело становится словно из льда. Словно из тающего льда. Словно оно разваливается, кусочек за кусочком, и тонет под

невыносимым давлением предстоящего.

Шерил с Олимпией устроились на диване. Феликс ждет у телефона. Дон сидит в кресле. Гари стоит лицом к завешенным окнам.

Только Мэлори открывает рот, Гари оборачивается и перехватывает ее взгляд.

– Мэлори, тебе есть что сказать? – резко спрашивает он.

Вдруг Мэлори четко понимает, что все на нее смотрят. Все ждут ее слов.

– Да, Гари, есть, – отвечает она.

– Так выкладывай, – требует Дон.

Слова застряли в горле. Они многоножкой карабкаются вверх, подползают к губам, ждут возможности выбраться на волю.

– Кто-нибудь помнит, как Гари...

Мэлори замолкает и вместе с остальными смотрит на завешенные окна.

Птицы щебечут!

– Том! – выпаливает Феликс. – Это наверняка он!

Гари снова смотрит Мэлори в глаза. Тем временем в дверь стучат.

Обитатели дома суетятся. Феликс бежит к двери. Мэлори и Гари задерживаются в гостиной.

«Он знает он знает он знает он знает он знает».

Когда раздается голос Тома, Мэлори дрожит от страха.

«Он знает».

Гари оставляет Мэлори и вслед за остальными спешит в прихожую.

Дверь отпирают, звучат обычные вопросы, все закрывают глаза, и Мэлори слышит, как дверь открывается. В дом влетает свежий воздух, а с ним осознание того, сколь близко Мэлори была к выяснению отношений с Гари в отсутствие Тома.

По плиткам стучат собачьи лапы и сапоги. Что-то гулко стучит о дверь, она захлопывается. По стенам шуршат метлы. Том прерывает молчание. Его голос – спасение.

– Я хотел позвонить вам, ребята, из своего дома. Но клятый телефон отключили.

– Том, я знал, что вы вернетесь. Я знал! – Голос Феликса выдает и его возбуждение, и слабость.

Когда Мэлори открывает глаза, она не думает ни о Гари, ни о его портфеле, ни о блокноте с аккуратнейшими записями. Она думает лишь о том, что ребята вернулись.

– Мы залезли в продуктовый магазин, – объявляет Том. – Кто-то туда

уже наведывался, но мы принесли много нужного.

Вид у Тома усталый, но довольный.

– Собаки не подкачали, – продолжает он. – Они нас вели, – гордо рассказывает Том. – Я захватил кое-что из своего дома. Надеюсь, это станет подспорьем.

Феликс помогает ему с сумкой. Том что-то из нее вытаскивает и бросает на пол прихожей.

Телефонный справочник!

– Мы обзвоним все номера, – обещает он. – Все до последнего. Кто-нибудь да ответит.

Простой телефонный справочник, а Том превратил его в маяк.

– А теперь давайте поедим! – предлагает он.

Обитатели дома радостно суетятся в столовой. Олимпия достает посуду. Феликс наполняет стаканы колодезной водой.

Том вернулся!

Джулс вернулся!

– Мэлори! – зовет Олимпия. – Здесь крабы в собственном соку!

Мэлори, застрявшая между небом и землей, заходит на кухню и тоже берется за приготовление ужина.

Глава 36

Их преследуют.

Бессмысленно спрашивать себя, далеко ли им еще плыть. Мэлори не знает, когда услышит звукозапись, объявляющую им о прибытии. Не знает, существует ли звукозапись до сих пор. Сейчас Мэлори лишь гребет, лишь терпит боль и усталость.

Час назад они слышали что-то очень напоминающее битву львов. Доносились рыки, рев, фыркание, в небе кричали хищные птицы. Река течет быстрее. Мэлори вспоминает палатку, на которую Том и Джулс натолкнулись посреди улицы. А здесь, на реке, может попасться что-то столь же вопиюще неуместное? Могут они врезаться в него... прямо сейчас?

Здесь, на реке, возможно абсолютно все.

Впрочем, сейчас тревоги у нее куда конкретнее. Их преследуют. Да, Мальчик тоже слышал. Он слышал призрачное эхо. Гребки, синхронные их гребкам.

Кто это? Если кто-то злонамеренный, почему не воспользовался ее обмороком? Или это еще один беглец, бросивший свой дом?

– Мальчик, кто за нами гонится? – тихо спрашивает Мэлори.

– Не знаю, мама, – отвечает он пристыженно.

– За нами до сих пор гонятся?

– Не знаю!

– Так слушай.

Может, остановиться? Развернуть лодку носом к источнику шума?

«Запись проигрывается снова и снова. Четко и ясно. Ты обязательно ее услышишь. Тогда и открывай глаза».

Кто же их преследует?

– Мальчик, кто за нами гонится? – снова спрашивает Мэлори.

Она бросает весла. Вокруг шумит река.

– Я не знаю, что это, – признается Мальчик.

Мэлори ждет. На правом берегу лает собака. Лает еще одна.

«Одичавшие собаки? – гадает Мэлори. – Или опять волки?»

Она снова берется за весла и снова спрашивает Мальчика, что он слышит.

– Прости меня, мама! – кричит он, чуть не плача. Ему стыдно, что он не знает.

Впервые за много лет Мальчик не опознал звук. Значит, слышит он то, что прежде не слышал.

Впрочем, Мэлори думает, что он может помочь.

– Далеко наши преследователи? – спрашивает она.

Мальчик плачет.

– Не знаю!

– Тише! – шипит на него Мэлори.

На левом берегу кто-то хрюкает. Неужели свинья? Хрюкает еще одна. Потом еще одна.

Река слишком узкая. Берега слишком близко.

Их кто-то преследует?

Мэлори гребет.

Глава 37

Впервые со дня приезда в дом Мэлори знает то, что неизвестно остальным.

Том с Джулсом только что вернулись. Пока обитатели дома занимались ужином, Том перенес добытые консервы в подвал. Мэлори спустилась туда следом за ним. Не важно, сохранил ли Гари блокнот, чтобы изучать почерк Фрэнка, или это его собственные записи. Том должен о них узнать. Немедленно.

В свете подвальной лампы Том кажется усталым, но очень довольным. Голова грязная, лицо осунувшееся. Он заметно постарел и похудел с тех пор, как Мэлори впервые спустилась с ним в подвал. Он вытаскивал банки консервов из сумок – своей и Джулса – и ставил на полки, безостановочно рассказывая про магазин, где воняло тухлой едой. Мэлори только решила, что пора сменить тему, как подвальная дверь распахнулась.

Наверху лестницы стоял Гари.

– Я помогу тебе, если не возражаешь, – проговорил он.

– Не возражаю, – отозвался Том. – Заходи!

Едва Гари спустился на земляной пол подвала, Мэлори ушла.

Сейчас все сидят за обеденным столом, а Мэлори все ждет свой шанс.

Том и Джулс не спеша рассказывают, как они провели неделю. Невероятные приключения! Мэлори думает только о Гари, хотя старается вести себя как ни в чем не бывало, старается слушать Тома и Джулса. Время идет, а Том все не знает, сколь опасен для них Гари.

Они будто вторглись в личное пространство Гари. Будто им с Доном хватило порядочности пригласить остальных к себе в столовую, в свое любимое место для разговоров шепотом. Столовая пропахла ими – столько времени они здесь провели. А если ужин подали бы в гостиной? Мэлори не думает, что эти двое ели бы вместе со всеми.

Том рассказывает о трехмильном походе вслепую. Гари – сама любезность и общительность. Каждый раз, когда он собирается что-то сказать, Мэлори хочется заткнуть ему рот криком: «Сначала карты раскрой!» Но она ждет.

– Теперь ты уверен, что животные неуязвимы для тварей? – спрашивает Гари.

– Нет, пока не уверен, – отвечает Том. – Возможно, нам просто не встретилось ничего, что могло спровоцировать собак.

– Это вряд ли, – говорит Гари.

Мэлори с трудом сдерживает крик.

Тут Том объявляет, что у него есть сюрприз для каждого.

– Да у тебя бездонная сумка! – шутит Гари.

Том приносит коричневую коробочку и достает из нее восемь велосипедных звонков.

– Вот, в отделе игрушек нашли, – объясняет Том.

– Мой даже подписан, – говорит Олимпия.

– Я каждый подписал, – отзывается Том. – Вслепую, маркером.

– Для чего они? – спрашивает Феликс.

– Мы будем проводить больше времени на улице, – отвечает Том. –

Звонками можно подавать друг другу сигналы.

Гари первым звонит в звонок – похоже на гусиный крик. Потом гусей становится целая стая: свой звонок пробует каждый.

Феликс улыбается, и кругов под глазами как не бывало.

– А сейчас гранд-финал! – объявляет Том и вытаскивает из сумки бутылку рома.

– Вот это да! – восклицает Олимпия.

– Поэтому я и хотел заглянуть к себе, – шутит Том.

Мэлори не в состоянии видеть улыбки и слышать смех.

Она встанет и хлопает ладонями по столу.

– Я обыскала портфель Гари и наткнулась на блокнот, о котором он нам рассказывал, – объявляет она. – Блокнот, в котором описано сдирание одеял с окон. Блокнот, который, по словам Гари, Фрэнк забрал с собой.

Воцаряется тишина. Все смотрят на Мэлори. У той горят щеки, лоб покрывается потом.

Том, по-прежнему с бутылкой рома в руках, смотрит Мэлори в глаза и медленно поворачивается к Гари.

– Что скажешь, Гари?

Тот разглядывает скатерть.

«Тянет время, – думает Мэлори. – Этому говнюку нужно время на размышление».

– Не знаю, что сказать, – отвечает Гари.

– Ты рылась в чужих вещах? – спрашивает Шерил, вставая.

– Да, рылась. Понимаю, что нарушила правила этого дома, но мою находку нужно обсудить.

Тишина воцаряется снова. Мэлори так и стоит у стола. В голове полная каша.

– Ну, Гари! – зовет Джулс.

Гари откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди, потом выпрямляет их. Вид у него серьезный, даже недовольный. Гари усмехается, встает и идет за портфелем. Приносит его и ставит на стол.

Все смотрят на портфель, а Мэлори – в лицо Гари. Тот открывает портфель и вытаскивает блокнот.

– Да, – говорит он, – блокнот Фрэнка у меня.

– Блокнот Фрэнка? – переспрашивает Мэлори.

– Да, – отвечает Гари, поворачиваясь к ней, и с той же наигранной вежливостью добавляет: – Ты, оказывается, проныра!

Все начинают говорить одновременно. Феликс просит дать ему блокнот. Шерил спрашивает, когда Мэлори его нашла. Дон тычет пальцем в Мэлори и орет на нее.

– Ты параноидная беременная шлюха! – изрыгает Гари, буравя Мэлори взглядом среди всеобщего хаоса.

Джулс набрасывается на него. Собаки лают. Том вклинивается меж дерущимися, велит всем прекратить это безобразие. Немедленно прекратить. Мэлори не шелохнется. Она смотрит на Гари.

Джулс первым берет себя в руки.

– Пусть сию минуту объяснится! – взрывается Дон, вскакивает на ноги и тычет пальцем в Мэлори.

Том тоже смотрит на нее.

– Что скажешь, Мэлори? – спрашивает он.

– Я не доверяю Гари.

Обитателям дома этого мало.

– Что написано в блокноте? – допытывается Олимпия.

– Слушай, Олимпия, блокнот у тебя под носом. Возьми да прочти сама! – взрывается Мэлори.

Но блокнот уже у Феликса.

– Зачем тебе памятка о человеке, который подверг твою жизнь опасности? – спрашивает он.

– Именно поэтому я его забрал, – с нажимом говорит Гари. – Хотел понять, как рассуждал Фрэнк. Я прожил рядом с ним несколько недель и никогда не считал способным на убийство. Может, я оставил блокнот как предупреждение. Чтобы самому не рассуждать, как Фрэнк, и вам не позволить.

Мэлори категорично качает головой.

– Нам ты говорил, что Фрэнк забрал блокноты с собой.

Гари начинает отвечать, но осекается.

– Внятного объяснения у меня нет, – заявляет он. – Может, я решил не

пугать вас, вот и не сказал, что один блокнот у меня. Думай как хочешь, но лучше доверяй мне. Я же не виню тебя в том, что ты рылась в моих вещах, вопреки местным правилам. По крайней мере, позволь мне оправдаться.

Блокнот у Тома: строчки ползут у него перед глазами.

Следующим блокнот забирает Дон, и злость в его взгляде понемногу перерастает в смущение.

Мэлори чувствует: столь серьезную проблему голосованием не решить.

– Ты не можешь здесь оставаться, – говорит она, тыча пальцем в Гари. – Ты должен уйти.

– Мэлори, позволь ему объясниться, – не слишком убежденно просит Дон.

– Эй, ты что, свихнулся? – спрашивает Феликс.

Дон с блокнотом в руках поворачивается к Гари.

– Ты ведь понимаешь, как скверно это выглядит, да, Гари?

– Конечно, понимаю.

– Так это не твой почерк? Можешь доказать?

Гари достает ручку из портфеля и пишет в блокноте свое имя.

– Гари, мы должны поговорить всемером, – объявляет Том, мельком взглянув на написанное. – Хочешь – оставайся здесь. Из другой комнаты ты нас все равно услышишь.

– Ясно, – отзывается Гари. – Ты тут командир. Твое слово – закон.

Мэлори хочется его ударить.

– Ладно, что будем делать? – невозмутимо спрашивает Том у остальных.

– Гари должен уйти, – твердо заявляет Шерил.

Том устраивает голосование.

– Джулс?

– Том, ему нельзя здесь оставаться.

– Феликс?

– Я против Гари. Вообще-то я против того, чтобы выгонять по результатам голосования, но этого блокнота у Гари не должно было оказаться.

– Речь не о том, чтобы выпустить на улицу желающих, – напоминает Дон. – Мы выгоняем человека. Том, неужели тебе совесть позволит?

Том поворачивается к Олимпии.

– Что скажешь?

– Позволит, Том? – не унимается Дон.

– Дон, ты уже проголосовал.

– Нельзя выгонять человека на улицу.

Блокнот лежит на столе. Раскрытый. Строчки безупречно аккуратные.

– Дон, прости меня, – говорит Том.

Дон с надеждой поворачивается к Олимпии. Та молчит, хотя ее слово уже не важно. Воля большинства ясна.

Гари встает, убирает блокнот в портфель и делает шаг назад. Он поднимает подбородок и кивает, набрав в грудь побольше воздуха.

– Том! – зовет Гари. – Можно мне взять твой шлем? По-соседски прошу.

– Конечно, бери, – тихо отвечает Том, выходит из столовой, возвращается со шлемом и едой, вручает и то и другое Гари.

– Так он просто надевается, да? – спрашивает Гари, подтягивая ремешок на шлеме.

– Ужас какой! – причитает Олимпия.

Том помогает Гари надеть шлем и провожает до двери. Следом гуськом идут остальные обитатели дома.

– По-моему, все соседние дома свободны, – говорит Том. – По крайней мере, все осмотренные нами с Джулсом. Выбирай любой.

– Звучит ободряюще! – шутит Гари, нервно улыбаясь под повязкой.

Мэлори внимательно смотрит на Гари. Внутри у нее все кипит.

Вместе с другими она закрывает глаза, а когда открывает, слышит, как распаивается и захлопывается дверь. Мэлори разлепляет веки и не видит в прихожей Дона. Неужели он ушел вместе с Гари? Тут с кухни доносится шорох.

– Дон?

В ответ раздается ворчание. Да, это Дон.

Перед тем как распахнуть и захлопнуть дверь подвала, Дон что-то бормочет. Очередное оскорбление в адрес Мэлори.

Обитатели дома потихоньку разбредаются, и Мэлори осознает серьезность того, что они сотворили.

Кажется, Гари за каждым окном.

Его выставили из дома. Выгнали. Вышвырнули.

«Что хуже, – спрашивает себя Мэлори, – когда Гари в доме, где за ним можно следить, или когда на улице, где за ним не уследишь?»

Глава 38

«Это гари тебя преследует?»

Шум за спиной не стихает – далекий, но вполне различимый.

«Он хочет напугать тебя. Поэтому не нагоняет, а ведь давным-давно мог».

Гари.

«Четыре года прошло!»

Неужели он четыре года ждал, чтобы отомстить?

– Мама! – шепчет Мальчик.

– В чем дело?

Мэлори боится его ответа.

– Шум теперь ближе.

«Где был Гари четыре года? Следил за тобой. Караулил у дома. Наблюдал, как растут дети. Как мрачнеет и холодеет мир. Наблюдал, пока однажды не сгустился туман, в котором ты наивно решила спрятаться. Только Гари видел сквозь него. Он видел сквозь туман. Видел тебя, Мэлори. Видел все, что ты делаешь».

– Черт подери, быть такого не может! – кричит Мэлори. Шея затекла, но она поворачивает голову и кричит снова: – Оставь нас в покое!

Гребки уже не те, что утром. Не те, что в начале путешествия. Тогда у Мэлори были здоровые руки, сердце, полное энергии, и четыре года ожидания за плечами.

Тяготам и злоключениям вопреки, Мэлори отказывается верить, что их преследует Гари. Это было бы слишком. Человек, карауливший их четыре года. Не тварь, а человек.

«ЧЕЛОВЕК И ЕСТЬ ТВАРЬ, КОТОРОЙ СТРАШИТСЯ».

Фраза из блокнота Гари. Всего шесть слов. Эти слова не покидали Мэлори с той самой ночи, когда она прочла их в подвале. Разве это не так? Кого она боялась, слыша шорохи через усилители, которые добыли они с Виктором? Зверя? Тварь?

«Гари. Конечно, Гари».

Он мог легко проникнуть в дом. Мог сломать окно. Мог напасть на нее, когда она ходила к колодцу, Зачем же он ждал? Караулил, пугал, а удар нанести не решался.

«Он сумасшедший. Не в нынешнем, а в обычном понимании этого слова».

«ЧЕЛОВЕК И ЕСТЬ ТВАРЬ, КОТОРОЙ СТРАШИТСЯ»

– Мальчик, это человек?

– Не знаю, мама.

– Он гребет?

– Да, но не веслами, а руками.

– Спешит или мешкает? Расскажи мне обо всем, что слышишь.

«Кто тебя преследует?»

«Гари».

«Кто тебя преследует?»

«Гари».

«Кто тебя преследует?»

«Гари. Гари. Гари».

– По-моему, нас преследуют не на лодке, – вдруг говорит Мальчик. В голосе слышится гордость: слух не подвел-таки его.

– О чем это ты? Нас преследуют вплавь?

– Нет, мама, за нами не плывут, а идут.

Далеко позади раздаются звуки, каких Мэлори прежде не слышала. Они как гром, но необычный. Или как голоса птиц, которые, слетев с вершин деревьев, не воркуют, не поют, а кричат.

Гулкое эхо подхватывает звуки лишь раз, и Мэлори бьет озноб, причина которого не в октябрьской прохладе.

Мэлори гребет.

Глава 39

Дон в подвале. Дон постоянно в подвале. Он теперь спит в подвале. Он роет туннель в земляной стене? Или роет глубже под землю? Дальше от остальных? Или он пишет? Вдруг он пишет в блокноте, наподобие того, что Мэлори нашла в портфеле у Гари?

Гари.

Гари ушел пять недель назад. Как это повлияло на Дона? Ему нужен такой, как Гари? Нужен наперсник?

Дон все больше углубляется в себя, все больше углубляется в недра дома.

Он сейчас в подвале.

Он постоянно в подвале.

Глава 40

Наступает вечер, который Мэлори будет впоследствии считать последним в доме, хотя следующие четыре года проживет здесь же. Живот у нее такой большой, что в зеркало посмотреть страшно: кажется, он от тела отвалится. Мэлори разговаривает с ребенком.

– Ты вот-вот появишься на свет. Я хочу тебе столько рассказать... и столько не хочу.

Волосы у Мэлори отросли – длинные, как в детстве. Тогда Шеннон ей завидовала, говорила: «Ты похожа на принцессу. Я похожа на принцессину сестру».

Живот большой, но консервы и колодезная вода сделали свое дело. У Мэлори торчат ребра, руки тоньше прутиков. Черты лица заострились и огрубели. Отражение глубоко посаженных глаз пугает ее саму.

Ее соседи собрались в гостиной. Чуть раньше они обзвонили последних абонентов из телефонного справочника. Больше имен нет. По словам Феликса, они сделали порядка пяти тысяч звонков и оставили семнадцать сообщений. Это все. Впрочем, Том не унывает.

Мэлори рассматривает свой живот в зеркале и слышит с первого этажа собачий рык.

Это Виктор? Мэлори выходит в коридор и прислушивается.

– В чем дело, Виктор? – спрашивает Джулс.

– Ему не нравится.

– Что не нравится?

– Дверь в подвал.

Подвал. Для обитателей дома не секрет, что Дон не желает иметь с ними ничего общего. Когда по предложению Тома начали обзванивать номера из телефонного справочника и поделили список абонентов, Дон отказался участвовать, заявив, что «не верит в успех затеи». За семь недель, прошедших со дня выдворения Гари, Дон не ел за общим столом и почти ни с кем не заговаривал.

Кухонный стул скользит по полу.

– В чем дело, Виктор? – спрашивает Джулс.

Дверь подвала открывается, и Мэлори слышит, как Джулс зовет:

– Эй, Дон, ты там?

– Дон! – зовет Шерил.

Раздается приглушенный ответ. Дверь подвала захлопывается.

Тревога и любопытство заставляют Мэлори накинуть рубашку и спуститься вниз.

Когда она заходит на кухню, Джулс стоит на коленях и успокаивает Виктора, который скулит и мечется. Мэлори заглядывает в гостиную. Том смотрит на завешенные одеялами окна.

«Он слушает, не кричат ли птицы, – думает Мэлори. – Виктор его пугает».

Том словно чувствует взгляд Мэлори и поворачивается к ней. За спиной у нее скулит Виктор.

– Джулс, в чем дело? – спрашивает Том, заходя на кухню. – Почему Виктор нервничает?

– Не знаю. Что-то его взбудоражило. Виктор царапался в дверь подвала. Дон там, внизу, но чтобы разговорить его, надо наизнанку вывернуться. А наверх притащить и того сложнее.

– Ладно, тогда пошли, спустимся к нему, – предлагает Том.

Джулс смотрит на Тома, и Мэлори читает в его глазах испуг.

Что с ними сделал Гари?

«Он отравил нас недоверием, – думает Мэлори. – Джулс вон вообще боится связываться с Доном».

– Пошли, – зовет Том, – пора с ним потолковать.

Джулс встает и берется за ручку подвальной двери. Виктор снова рычит.

– Нет, парень, ты останешься здесь, – говорит Джулс.

– Возьмем его с собой, – предлагает Том.

После секундной паузы Джулс толкает дверь подвала.

– Дон! – зовет Том.

Ответа нет.

Том входит первым. Следом Джулс с Виктором, последней Мэлори.

В подвале темно, хотя свет горит. Поначалу Мэлори кажется, что они одни. Она думала, что Дон сидит на табурете. Что он читает, пишет или размышляет. Но табурет пуст. Она уже готова объявить, что здесь никого нет. Вместо этого из горла вырывается крик.

Дон стоит у занавеса, в полумраке прислонившись к стиральной машине.

– Что творится с псом? – спокойно спрашивает он.

– Мы не знаем, Дон, – отвечает Том, тщательно подбирая слова. – Похоже, Виктору здесь что-то не нравится. У тебя все нормально?

– О чем это ты?

– В последнее время ты часто здесь сидишь, – отвечает Том. – Хочу

убедиться, что у тебя все благополучно.

Дон приближается к ним на шаг, и Мэлори негромко охает. Выглядит он ужасно. Худой. Бледный. Сальные волосы поредели. Лицо землистое. Круги под глазами словно впитали тьму, на которую Дон смотрел неделями.

– Мы обзвонили весь телефонный справочник, – рассказывает Том, как кажется Мэлори, пытаюсь хоть немного развеять мрак подвала.

– Ну и как успехи?

– Пока никак. Но ведь кто знает...

– Да, кто знает.

Все молчат. Мэлори понимает, что прежние разногласия переросли в раскол. Обитатели дома не просто навещают Дона, а проверяют его, словно он им не сосед. Прежних отношений не вернуть.

– Не хочешь пойти с нами? – мягко предлагает Том.

У Мэлори кружится голова. Она кладет руку на живот.

Ребенок! Зря она спустилась по лестнице. Но ведь она тревожилась о Доне не меньше других.

– Зачем? – наконец отзывается Дон.

– Ну, не знаю, – говорит Том. – Вечер в нашем кругу тебе не повредит.

Дон медленно кивает, облизывает губы и оглядывает подвал. Вон полки, вон коробки, вон табуретка, на которой семь недель назад Мэлори сидела и листала блокнот из портфеля Гари.

– Ладно, – шепчет Дон. – Пошли.

Том кладет руку ему на плечо, и Дон начинает рыдать. Он закрывает глаза рукой, прячет слезы.

– Прости меня, Том! Я вконец запутался.

– Не ты один запутался, – тихо говорит Том. – Пошли вверх. Все будут рады тебя видеть.

На кухне Том достает из буфета бутылку рома, наливает себе и Дону. Они чокаются и делают по глотку.

Кажется, что ничего не изменилось и никогда не изменится. Обитатели дома вместе. Мэлори не помнит, когда в последний раз видела Дона таким, без Гари под боком. Без искусителя Гари, нашептывающего свои идеи, промывающего Дону мозги фразами вроде тех, что Мэлори читала у него в блокноте.

Виктор возвращается на кухню и трется Мэлори о ноги. Она смотрит на пса и снова чувствует головокружение.

«Мне нужно прилечь», – думает Мэлори.

– Так иди, приляг, – говорит Том.

Оказывается, Мэлори думала вслух.

Она не хочет ложиться. Она хочет посидеть с Томом, Доном и остальными, хочет на миг поверить, что дом такой же, как прежде. Что он опять стал местом, где незнакомые люди встречаются и вместе борются с ужасами внешнего мира.

Потом становится невмоготу. Накатывает третья волна тошноты. У Мэлори подкашиваются ноги. Подходит Джулс, помогает ей подняться на второй этаж. Мэлори ложится на кровать и видит рядом своих соседей. Они все здесь, даже Дон. Все смотрят, беспокоятся. Они глазеют! Спрашивают, как Мэлори себя чувствует. Ей что-нибудь нужно? Воды? Влажное полотенце? «Нет, спасибо», – отвечает Мэлори или думает, что отвечает, и проваливается в забытие. Из вентиляционного люка доносится рычание Виктора, которого оставили на кухне одного.

Последнее, что она видит перед тем, как закрыть глаза, – ее соседи. Они стоят плотной группой и внимательно смотрят на нее. На ее живот.

Они понимают: время пришло.

Виктор снова рычит. Дон глядит на лестницу.

Джулс выходит из комнаты.

– Том, спасибо за велосипедные звонки, – лепечет Мэлори.

Ей кажется, что она слышит, как коробка с птицами бьется о дом. Но это ветер стучит в окно.

Мэлори засыпает. Ей снятся птицы.

Глава 41

Птицы на вершинах деревьев потеряли покой. Звуки такие, словно одновременно трясется тысяча ветвей. Словно дует сильный ветер. Только Мэлори ветра не чувствует. Ветра нет, но птиц что-то тревожит.

Боли, какая сейчас терзает плечо, Мэлори прежде не испытывала. Она клянет себя за то, что последние четыре года так мало занималась своим телом. Вместо этого она занималась детьми. Мэлори занималась с детьми до тех пор, пока их способности не вышли за границы упражнений, которые она придумывала.

«Мама, лист упал в колодец!»

«Мама, на улице дождик. Он идет в нашу сторону!»

«Мама, птичка села на ветку за нашим окном!»

Дети услышат записанное обращение раньше ее? Наверняка. Когда это случится, настанет пора снять повязку. Снять и посмотреть, где река делится на четыре рукава. Мэлори нужен второй справа. Именно так ей велели сделать.

Скоро ей придется так сделать.

На деревьях галдят птицы. По берегам рыщут не то люди, не то звери, не то чудища. Мэлори понятия не имеет.

Страх заполонил ей душу.

Птицы галдят прямо над головами.

Мэлори вспоминает дом. Вспоминает последнюю ночь в компании соседей. Тогда все собрались вместе. За окнами шумел ветер. Приближалась гроза. Сильная гроза. Сейчас птицы чувствуют грозу? Или что-то другое?

– Я ничего не слышу, – вдруг жалуется Девочка. – Мама, птицы так кричат. Слишком громко!

Мэлори гребет и вспоминает Виктора.

– Какой у птиц голос? – спрашивает Мэлори обоих детей.

– Испуганный! – отвечает Девочка.

– Безумный! – отвечает Мальчик.

Чем больше Мэлори прислушивается к крику, тем больше он ее пугает.

«Сколько там птиц? По звукам – бесчисленное множество».

Рас слышат ли дети записанное обращение среди такого галдежа?

Виктор сошел с ума. Звери сходят с ума.

Этот птичий крик нормальным не назовешь.

Медленно, не снимая повязки, Мэлори поворачивает голову в сторону неведомого преследователя.

«Глаза твои закрыты, – думает она. – Как и тогда, когда ты носила воду из колодца. Как и тогда, когда ты выезжала за усилителями. В отличие от Виктора ты глаза закрывала. Чего ты боишься? Разве ты не оказывалась в непосредственной близости от тварей? Разве не подходила вплотную, так, что, как самой казалось, чуяла их запах?»

Приближалась. Подходила.

«Подробности ты додумываешь сама, – уверяет себя Мэлори. – Внешность тварей ты сочинила сама и дорисовываешь то, о чем не имеешь понятия. Ты добавляешь черты лицу, которого, возможно, не существует».

В ее воображении твари имеют полную свободу. Они стоят за окнами брошенных домов. Следят. Наблюдают. Изучают. Делают то, что Мэлори не дозволено.

Смотрят.

Они считают садовые цветы красивыми? Понимают, в каком направлении течет река?

– Мама! – зовет Мальчик.

– В чем дело?

– Мама, этот звук... Кажется, там кто-то разговаривает.

Мэлори думает о мужчине в лодке. О Гари. Даже сейчас, вдали от дома, она думает о Гари.

Она пытается расспросить Мальчика, но птичьи голоса вздымаются причудливой волной. Крик становится почти мелодичным.

Судя по звукам, птиц столько, что ветки не выдерживают. Столько, что они занимают целое небо.

«Голоса у них безумные. Голоса у них безумные. Господи, голоса у них безумные!»

Видеть Мэлори ничего не видит, но снова поворачивается на звук. Мальчик слышал голос. Птицы обезумели. Кто же их преследует?

Сейчас уже не похоже, что их преследуют. Похоже, что их нагнали.

– Это человеческий голос! – кричит Мальчик.

Мэлори кажется, что ей снится его крик, перекрывающий невероятный галдеж птиц.

Сомнений нет: птицы увидели что-то внизу.

Птичья какофония набирает, набирает силу, потом сжимается, изворачивается, разрывая границы. Теперь гомон не над Мэлори, а вокруг нее, будто она попала в вольер к тысяче безумных птиц. Будто на них опустили большую клетку. Или картонную коробку. Коробка с птицами

навсегда закрыла солнце.

«Что это? Что это? Что это?»

«Бесконечность».

«Откуда это? Откуда это? Откуда это?»

«Из бесконечности».

Птицы галдят. Пением такое не назовешь.

– Мама, меня что-то ударило! – вскрикивает Девочка. – Что-то упало!

Мэлори тоже это чувствует. Неужели дождь?

Как ни удивительно, птицы поют еще громче. Их галдеж оглушает.

Мэлори зажимает уши, зовет детей, просит их сделать то же самое.

Что-то больно ударяет растерзанное плечо, и Мэлори взвизгивает, морщась от боли.

– Мама! – снова вскрикивает Девочка.

Между пальцами Мэлори не дождевик, а искореженное, крошечное птичье тельце. Мэлори нащупывает тонкое крыло.

Теперь понятно.

Высоко в небе, куда ей запрещено смотреть, началась птичья бойня. Птицы уничтожают друг друга.

– Закройте головы руками! Крепче держите повязки!

Потом, как по команде, начинается птичий град. С небес падают пернатые тела. Река вздымается от тысяч мертвых птиц, летящих в воду. Они и в лодку валяются, бьют по голове, по рукам, снова и снова.

По щекам струится птичья кровь, хоть на вкус ее пробуй.

«Ты и запах чувствуешь. Запах гибели. Запах смерти. Запах разложения. Небо рушится. Небо падает. Небо мертво».

Мэлори зовет детей, но Мальчик сам пытается что-то ей сказать.

– Ривербридж, – говорит он. – Шиллингом, двести семьдесят три...

Меня зовут...

– Что?!

Мэлори подается вперед и припадает ухом к губам Мальчика.

– Ривербридж, – повторяет он. – Шиллингом, двести семьдесят три.

Меня зовут Том.

Раненая, сжимающая повязку, Мэлори выпрямляет спину.

«Меня зовут Том».

Птичьи трупы колотят ее тело, с глухим стуком падают в лодку.

Мэлори не до них. Она думает о Томе.

«Привет! Я звоню из Ривербриджа, Шиллингом, дом двести семьдесят три. Меня зовут Том. Вы ведь понимаете, как я рад дозвониться до вашего автоответчика. Это значит, у вас есть электричество. У нас тоже есть...»

Мэлори качает головой.

нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет нет

– Нет!

Мальчик услышал его первым. Голос Тома. Его сообщение проигрывалось снова и снова. Как сигнализация, активированная движением. Для нее, для Мэлори, на случай если она решит сплавиться по реке. Когда бы ни настал этот день. Том, милый Том говорил здесь все эти годы. Том пытался установить контакт, пытался наладить связь. Пытался построить мост между жизнью у них в доме и лучшей жизнью в другом месте.

«Его голос использовали, потому что он тебе знаком. Вот в чем дело, Мэлори».

«Тогда и открывай глаза».

Зелена ли сейчас трава? Яркие ли листья? Красна ли птичья кровь, растекающаяся по реке?

– Мама! – зовет Мальчик.

«Маме нужно открыть глаза, – хочет сказать Мэлори. – Маме нужно посмотреть».

Птицы обезумели.

– Мама! – снова зовет Мальчик.

– В чем дело, Мальчик? – отзывается Мэлори, едва узнавая свой голос.

– Здесь кто-то есть! Прямо здесь, с нами!

Лодка останавливается.

Кто-то ее остановил.

Мэлори слышит, как в воде рядом с ними кто-то движется.

«Это не зверь, – думает Мэлори. – И не Гари. Это то, от чего ты пряталась четыре с половиной года. Это существо, которое не позволяет тебе снять повязку».

Мэлори готовится.

Слева по борту в воде что-то есть. Оно в считанных дюймах от ее руки. Птичий крик отдаляется. Ощущение такое, что в безумном порыве птицы улетают все выше, к самому концу небес.

Мэлори чувствует рядом с собой чье-то присутствие.

Птицы все тише, все выше. Улетают. Исчезают.

Послание Тома звучит снова и снова. Вокруг лодки плещет река.

Мэлори кричит: с нее стягивают повязку.

Она не шелохнется.

В дюйме от ее закрытых глаз повязку отпускают.

Она слышит дыхание твари? Это она? Она?

«Том, – думает она, – Том дает мне сигнал».

Эхо разносит его голос по реке. В нем надежда. В нем жизнь.

«Том, сейчас мне придется открыть глаза. Пожалуйста, поговори со мной. Скажи, что мне делать. Том, мне нужно открыть глаза».

Его голос доносится с небес. Он как солнце, как единственный светоч во мраке.

Повязку тянут прочь от лица Мэлори. Узел давит на затылок.

«Том, мне нужно открыть глаза».

И вот...

Глава 42

...Глаза открыты.

Мэлори садится в кровати, стискивает живот и лишь тогда понимает, что громко стонет. Постель насквозь промокла. В комнату врываются двое мужчин. Для Мэлори происходящее столь нереально (У меня будет ребенок? Ребенок? Я была беременна?), столь пугающе (Где Шеннон? Где мама?), что она не сразу узнает Феликса и Джулса.

– Мать твою! – вырывается у Феликса. – Олимпия уже наверху. У нее началось пару часов назад.

«Где наверху? – недоумевает Мэлори. – Где наверху?»

Мужчины осторожно помогают ей пересесть на край кровати.

– Ты готова? – с тревогой спрашивает Джулс.

Мэлори молча смотрит на него. Брови нахмурены, лицо порозовело.

– Я спала, – отвечает она. – Я просто... Феликс, наверху – это где?

– Она готова, – говорит Джулс и улыбается, стараясь успокоить Мэлори. – Вижу, что ты готова, Мэлори. Выглядишь прекрасно.

– Наверху... – начинает Мэлори, но Феликс не дает закончить.

– Мы поднимемся на чердак. Том говорит, это самое безопасное место в доме. Ну, если что-то случится. Только ничего плохого не случится. Олимпия уже там. У нее началось пару часов назад. С ней Том и Шерил. Не беспокойся, Мэлори, мы сделаем все, что можем.

Мэлори не отвечает. Чувство, что кто-то рвется из тебя наружу, самое невероятное и ужасное на свете. Джулс и Феликс берут ее под руки, ведут сначала в коридор, потом в глубину дома. С чердака уже спустили стремянку. Джулс и Феликс не дают упасть, а Мэлори смотрит на одеяла, которыми завесили окна в конце коридора. Интересно, какое сейчас время суток? Вечер следующего дня или прошла неделя?

«Я рожая? Сейчас?»

Феликс и Джулс помогают взобраться по старой лестнице. Она слышит голос Олимпии, слышит мягкий голос Тома, который ее успокаивает: «Дыши! Не волнуйся! Ты справишься».

– Может, все пройдет более-менее нормально, – говорит Мэлори (слава богу, ей помогают взбираться по скрипучим ступенькам). – Может, все пройдет, как я ожидала.

Просторный чердак освещает одна-единственная свеча. Олимпия лежит на полотенце, расстеленном на полу. Рядом с ней Шерил. Колени у

Олимпии подняты, ниже пояса тело покрыто простыней. Джулс помогает Мэлори опуститься на другое полотенце, лицом к Олимпии. К Мэлори подходит Том.

– Ах, Мэлори! – сбивчиво лепечет Олимпия, корчится и бьется. – Я так рада, что ты здесь!

Мэлори почти без сознания. Кажется, это сон: за коленями, обернутыми простыней, она видит Олимпию точно в такой же позе, как у нее самой.

– Олимпия, ты давно здесь?

– Не знаю. По-моему, целую вечность.

Феликс разговаривает с Олимпией, осторожно спрашивает, что ей нужно, потом бежит вниз по лестнице выполнять просьбу. Том напоминает Шерил, что главное – чистота. Мол, для рожениц ничего важнее нет. У них есть свежие простыни и полотенца, антисептик для рук, который Том принес из своего прежнего жилища, и два ведра колодезной воды.

Том кажется спокойным, но Мэлори понимает: это обманчивое впечатление.

– Мэлори! – зовет он.

– Что?

– Тебе что-нибудь нужно?

– Воды, Том. А еще... Музыка не помешает.

– Музыка?

– Да. Какая-нибудь спокойная, мелодичная, чтобы...

Чтобы заглушить звуки, которые мое тело издаст на деревянном полу чердака.

– Концерт для флейты подойдет.

– Ясно, – отзывается Том. – Я принесу.

Лестница у Мэлори за спиной. Том спускается на первый этаж, и Мэлори сосредоточивает внимание на Олимпии. Сонливость не проходит. Рядом, буквально в шаге от Мэлори, на бумажном полотенце лежит нож с острыми зубчиками. Шерил только что макнула его в воду.

– Боже! – вдруг кричит Олимпия.

Феликс опускается на колени и берет ее за руку.

Мэлори наблюдает за ними.

«Такие люди отвечают на объявления в газетах, – думает Мэлори. – Такие люди выживают вопреки всему».

В душе воцаряется умиротворение, но только на миг. Мэлори понимает: долго оно не продлится. Лица соседей одно за другим мелькают перед ее мысленным взором. Каждого из них она почти любит.

«В чем, в чем, а в храбрости нам не откажешь».

– Боже! – кричит Олимпия.

Шерил тут же подбегает к ней.

Однажды, когда Том искал рулетку, Мэлори смотрела на чердак, стоя у основания лестницы. Наверх она прежде не поднималась. Сейчас, тяжело дыша, она разглядывает занавес на единственном окне и содрогается. Даже чердак защитили. Его почти не используют, а одеяло понадобилось. Взгляд скользит по деревянной раме, по обшивке стен, по скошенному потолку, по коробкам с вещами Джорджа. Вот высокая стопка одеял. Вот еще один пластиковый контейнер. Вот старые книги. Вот старая одежда. Возле одежды кто-то стоит.

Это Дон.

У Мэлори первая схватка.

Том приносит стакан воды и маленький кассетник.

– Вот, Мэлори, нашел.

Из маленьких колонок звучат скрипки. Мэлори очень довольна.

– Спасибо, – говорит она.

Вид у Тома усталый. Глаза опухли, толком не открываются. Похоже, он спал не больше часа.

Мэлори чувствует спазм невероятной силы. Кажется, талию стиснули медвежьим капканом.

Голос доносятся из-за спины или с первого этажа? Голос Шерил. Голос Джулса. Кто на чердаке, кто внизу, Мэлори не разобрать.

– Господи! – кричит Олимпия.

Рядом с ней Том. Рядом с Мэлори Феликс.

– Ты справишься! – уверяет Мэлори Олимпию.

Гремит гром. Дождь барабанит по крыше. Именно таких звуков хотелось Мэлори. Внешний мир созвучен ее внутренним ощущениям. Он угрожающий, зловещий, недобрый. Соседи выныривают из теней, потом снова исчезают. Ступени скрипят. Появляется кто-то новый. Это Джулс. Том говорит ему, что у Олимпии дело идет быстрее, чем у Мэлори. Гром грохочет, а когда сверкают молнии, Мэлори видит Дона. Лицо у него угрюмое, глаза запали, веки набрякли.

Живот распирает просто нестерпимо. Тело словно подчиняется собственной воле, отвергает призывы разума успокоиться.

Мэлори вскрикивает. Шерил бросается от Олимпии к ней. Мэлори даже не знала, что Шерил здесь, на чердаке.

– Ужас какой! – шепчет Олимпия.

Мэлори представляет себе женщин на велосипедах-тандемах, женщин,

настроенных на ритм друг друга. Сколько они с Олимпией говорили о том, кто родит первой, однако ни та, ни другая даже в шутку не предполагали, что будут вместе корчиться в схватках.

Что бы Мэлори ни отдала за роды в нормальных условиях!

Снова гремит гром.

На чердаке потемнело. Том приносит вторую свечу, зажигает и ставит на пол слева от Мэлори. В мерцающем пламени Мэлори видит Феликса и Шерил, а вот Олимпию не разглядеть. Ее голова и грудь скрыты дрожащими тенями.

За спиной у Мэлори кто-то спускается по лестнице. Это Дон? Вытягивать шею не хочется. Через освещенную зону проходит Том, за ним Феликс (вроде он), за ним Шерил. Соседи, как призраки, мечутся между Олимпией и Мэлори.

Дождь еще сильнее стучит по крыше.

С первого этажа вдруг доносится шум. Мэлори кажется, что она слышит крик. У нее слуховые галлюцинации?

Кто там ругается?

Да, судя по звукам, там ссора.

Сейчас Мэлори об этом думать не хочет. И не будет.

Она кричит. Перед ней неожиданно возникает Шерил.

– Мэлори, сожми мою руку. Сильно жми, ломай!

«Зажгите нормальный свет! – хочет закричать Мэлори. – Вызовете доктора! Примите у меня роды!»

Вместо этого она лишь кряхтит в ответ.

Роды начались. Вопрос «когда?» отпал.

«Теперь я стану видеть иначе? Я же видела все через призму беременности. И дом, и соседей, и мир вообще. Через призму беременности я воспринимала первый выпуск новостей о тварях, через призму беременности я воспринимала последний выпуск новостей. Были шок, злость, навязчивые идеи. Когда тело вернет себе форму, я и видеть начну иначе?»

Каким покажется Том? А его мысли?

– Мэлори! – кричит из мрака Олимпия. – Я не справлюсь!

Шерил убеждает, что она справится, мол, осталось совсем немного.

– Что творится внизу? – вдруг спрашивает Мэлори.

Дон на первом этаже. Мэлори слышит его крики. Джулса она тоже слышит. Да, Джулс и Дон ругаются в зале под чердаком. Том с ними? А Феликс? Нет. Феликс выступает из мрака и берет ее за руку.

– Мэлори, у тебя все хорошо?

– Нет, – отвечает она. – Что творится внизу?

– Не знаю, – после небольшой паузы отвечает Феликс. – У тебя есть дела поважнее, чем беспокоиться о тех, кому поцапаться приспичило.

– Дон скандалит?

– Мэлори, не думай об этом.

Дождь льет сильнее. Слышно, как о крышу ударяется каждая капля. Мэлори поднимает голову и перехватывает взгляд Олимпии.

Тут Мэлори улавливает другой звук. Не шелест дождя, не ругань, не суету на первом этаже, а другое. Что-то мелодичнее скрипок.

Что это?

– Мать вашу! – орет Олимпия. – Ну сколько можно! Хватит!

Мэлори все труднее дышать. Ребенок словно перекрывает ей воздух, пытается заползти в горло.

Том здесь, рядом с ней.

– Мэлори, прости меня.

Она поворачивается к нему. Выражение лица Тома, его взгляд она запомнит на долгие годы.

– За что мне тебя прощать? За то, как я рожаю?

Том кивает. Глаза у него грустные. Оба понимают: извиняться ему не за что. Оба понимают: ни одна женщина не должна рожать на душном чердаке жилища, которое зовет домом лишь потому, что не может уйти.

– Знаешь, в чем я уверен? – тихо спрашивает Том, сжав Мэлори руку. – Ты станешь прекрасной матерью. Вырастишь ребенка, способного жить в любом мире.

Мэлори кажется, будто ребенка тянут из нее ржавым зажимом. Или буксиром волокут на цепи прочь от теней.

– Том, что творится на первом этаже? – лепечет она.

– Дон нервничает.

Мэлори хочет поговорить об этом. Она уже не злится на Дона. Она о нем беспокоится. Из всех соседей он наиболее уязвим перед новым миром. Он совершенно потерян. В глазах Дона что-то страшнее безнадежности. Мэлори хочет сказать Тому, что она любит Дона, что они все его любят, что Дону нужна помощь, но боль занимает ее целиком. На слова Мэлори пока не способна, ругань внизу воспринимается как шутка. Кто-то словно издевается над ней. Дом словно говорит: «Ну же, где твое чувство юмора?»

Мэлори терпела голод, усталость, физическую боль и нервное истощение. А вот нынешнее состояние ей впервой. Она имеет право не только отгородиться от ссор соседей по дому. Выставить бы смутьянов из дому, пусть стоят во дворе с закрытыми глазами, пока они с Олимпией не

разродятся. Мэлори вполне такого заслуживает.

Том поднимается.

– Я на минуту, – говорит он. – Принести тебе еще воды?

Мэлори качает головой и снова смотрит на простыню и тени. Перед ней корчится Олимпия.

– Мы рожаем! – с диким пылом твердит та. – Дело идет!

Столько звуков! Голоса внизу, голоса на чердаке (голоса теней и тех, кто появляется из теней), скрип ступеней, когда соседи поднимаются и спускаются, чтобы оценить ситуацию наверху и внизу (Мэлори знает, что там проблема, но пока о ней не думает). Шорох дождя. Что-то еще. Что-то музыкальное. Самая высокая нота, на какую способно пианино в столовой.

Внезапно Мэлори накрывает новая волна умиротворения. Легкие, грудь, шею пронзают тысячи ножей, но Мэлори понимает: вопреки всему ребенок покидает ее чрево. Есть ли разница, в каком мире он окажется? Олимпия права: главное – дело идет. Ребенок покидает ее чрево, ребенок почти родился. Он давно стал частью нового мира.

«Мой ребенок знает тревогу, страх, паранойю. Он беспокоился, когда Том с Джулсом уходили за собаками. Он чуть не задохнулся от облегчения, когда они вернулись. Он испугался перемен в Доне, в других соседях, в новом жилище, из островка надежды превратившемся в тюрьму. На душе у него было тяжело, и когда я прочла объявление в газете, которое привело меня сюда, и потом, когда я листала блокнот в подвале».

Стоит подумать о подвале, снизу раздается голос Дона.

Он кричит.

Только Мэлори беспокоят не вопли Дона.

– Олимпия, слышишь этот звук?

– Что? – хрипит Олимпия, словно в горле у нее скобки.

– Странный звук, похоже на...

– Это дождь, – перебивает Олимпия.

– Нет, не дождь. Тут другое. Словно дети у нас уже родились.

Странный звук напоминает Мэлори детский плач. Плачут не на лестнице, а дальше, не то на первом этаже, не то в гостиной, не то даже...

Не то даже на улице.

В чем же дело? Что происходит? Кто-то плачет на крыльце?

Нет, дело наверняка в другом.

Но ведь звук издает живое существо.

Молния сверкает и на один кошмарный миг освещает чердак полностью. Одеяло на окне стоит перед глазами Мэлори еще долго после того, как гром и молния уходят. При раскатах грома Олимпия кричит.

Мэлори зажмурилась, но перед ее мысленным взором застыло перекошенное от страха лицо подруги.

Впрочем, скоро в мыслях остается лишь невыносимое давление на живот. Неужели Олимпия стонет за нее? Каждый раз, когда в Мэлори вонзаются жуткие ножи, Олимпия рыдает.

«Мне тоже рыдать за нее?»

Кассетник замолкает. Стихает и шум внизу, и даже дождь.

Теперь лучше слышны негромкие звуки чердака. Мэлори улавливает шелест собственного дыхания, четче стали шаги соседей, которые помогают им с Олимпией.

Силуэты появляются, силуэты исчезают.

Вот Том (Мэлори точно знает).

Вот Феликс (Мэлори так думает).

Теперь рядом с Олимпией Джулс.

«Мир отдаляется или я погружаюсь в свою боль?»

Опять этот странный звук!словно младенец плачет на лестнице. Там, внизу, кто-то живой и маленький. Сейчас его крик отчетливее. Сейчас он не пробивается через ругань, музыку и дождь.

Да, теперь звук стал четче и яснее. Том идет по чердаку, а в паузах меж его шагами Мэлори улавливает странный звук. Едва ноги Тома отрываются от деревянного пола, снизу доносится детский плач.

Звуки такие четкие, что Мэлори наконец их узнает.

«Птицы! Господи, это птицы!!!»

Картонная коробка бьется снаружи о стену дома. Птицы воркуют.

– У дома кто-то есть, – негромко говорит Мэлори.

Шерил в паре шагов от нее.

– У дома кто-то есть! – кричит Мэлори.

Джулс отрывает взгляд от Олимпии.

Снизу доносится грохот. Феликс кричит. Джулс несется мимо Мэлори. Его ботинки стучат по деревянной лестнице у нее за спиной.

Мэлори в панике оглядывает чердак. Тома нет. Он внизу.

– Олимпия, мы тут одни, – говорит Мэлори, обращаясь, скорее, к самой себе.

Олимпия не отвечает.

Мэлори старается не слушать, только как удержаться? Ощущение такое, словно они все в гостиной. По крайней мере, на первом этаже. Все орут. Это Джулс только что сказал «Не надо»?

Шум нарастает вместе с болью в животе у Мэлори.

Лежа спиной к лестнице, Мэлори вытягивает шею, хочет узнать, что

там творится. Она хочет, чтобы ор прекратился. На чердаке две беременные, которым нужна помощь. Пусть соседи замолчат!

Обессилев от боли, Мэлори опускает голову на грудь. Веки слипаются. Если даст слабину, может потерять сознание. Как минимум.

Снова начинается дождь. Мэлори открывает глаза и смотрит на Олимпию. Та лежит, запрокинув голову. На шее проступили вены. Мэлори медленно оглядывает чердак. Рядом с Олимпией коробки. Чуть дальше окно. Дальше еще коробки. Старые книги. Старые вещи.

Вспышка молнии озаряет подвал. Мэлори закрывает глаза. Мысленный взор выхватывает из мрака «фотографию» стен чердака.

Потом окно. Потом коробки.

Силуэт мужчины, стоящего там, где стоял Дон, когда Мэлори сюда поднялась.

«Не может быть», – думает она.

Но мужчина там.

Еще не открыв глаза полностью, Мэлори понимает, кто таился во мраке, кто проскользнул к ним на чердак.

– Гари! – зовет Мэлори. В голове теснится тысяча мыслей. – Ты прятался в подвале.

Она вспоминает, как Виктор рычал на дверь подвала.

Вспоминает, как Дон там спал.

Пока Мэлори буравит Гари взглядом, на первом этаже разгорается ссора.

Джулс охрип, Дон задыхается от ярости. Судя по воплям, вот-вот начнется драка.

Гари выходит из укрытия и приближается к Мэлори.

«Когда мы закрыли глаза, и Том отпер дверь, Дон утащил Гари в глубь дома», – думает Мэлори, понимая, что так и получилось.

– Что ты здесь делаешь? – неожиданно кричит Олимпия.

Гари на нее не смотрит. Он подходит к Мэлори.

– Не приближайся ко мне! – верещит та.

Гари опускается на пол рядом с ней.

– Ты. В нынешнем состоянии такая уязвимая, – начинает он. – Я-то думал, в тебе больше милосердия и ты не посмеешь выкинуть человека на улицу.

Снова сверкает молния.

– Том! Джулс!

Ребенок пока не родился. Ему нужно еще немного времени.

– Не ори, – велит Гари. – Я на тебя не злюсь.

– Пожалуйста, оставь меня в покое. Пожалуйста, не трогай нас.
Гари хохочет.

– Ну вот, опять ты за свое. Опять меня гонишь.
На улице грохочет гром. На первом этаже кричат все отчаяннее.

– Ты никуда не уходил, – говорит Мэлори, от каждого слова на душе чуть легче.

– Верно, не уходил.
На глаза Мэлори наворачиваются слезы.

– Дон оказался на диво прозорлив и милосерден: предвидел, что вы проголосуете за выдворение, и помог мне.
«Дон, что ты наделал!» – думает Мэлори.

Гари склоняется над Мэлори.

– Хочешь, историю тебе расскажу, пока ты корячишься?
– Что?

– Расскажу тебе историю. Ну, чтобы отвлечь от страданий. Знаешь, дело у тебя идет отлично. Куда лучше, чем у моей жены.
Олимпия дышит тяжело. Неужели она не выживет?

– Здесь возможны два варианта, – начинает Гари. – Либо моя...
– Прошу тебя! – кричит Мэлори. – Умоляю, оставь меня в покое!
– Либо моя теория верна, либо – ненавижу это слово! – я *неуязвим*.

По ощущениям, ребенок уже на выходе, но выбраться не может: слишком крупный. Мэлори охает и закрывает глаза. Но боль везде, даже в ее внутреннем мраке.

«Они не знают, что он здесь. Господи, они не знают, что он здесь!»

– Я долго наблюдал за этой улицей, – сообщает Гари. – Я наблюдал за ней, когда Том с Джулсом бродили по округе. Я стоял в считаных дюймах от Тома, когда он ощупывал палатку, в которой я укрывался.

– Хватит. Хватит!

От крика только больнее. Мэлори сосредоточивается. Тужится, дышит. Не слушать, увы, не получается.

– Я удивлялся, на какие ухищрения идут люди, а сам спокойно наблюдал, как твари мигрируют днем, ночью, порой целыми дюжинами. Поэтому я и укрывался на этой улице. Не представляешь, Мэлори, сколько движения тут бывает.

«пожалуйста пожалуйста пожалуйста пожалуйста пожалуйста
пожалуйста пожалуйста ПОЖАЛУЙСТА»

С первого этажа доносится голос Тома:
«Джулс! Нужна твоя помощь!»

На лестнице гремят шаги: по ступенькам кто-то сбегает.

– ТОМ, ПОМОГИ НАМ! ЗДЕСЬ ГАРИ! ТОМ!

– Он занят, – объясняет Гари. – Там, внизу, произошел серьезный инцидент. – Он встает, подходит к двери, осторожно закрывает ее. Потом запирает и спрашивает: – Так лучше?

– Что ты наделал? – шипит Мэлори.

Внизу кричат еще громче. Кажется, движутся все, кто там находится. «Я сошла с ума?» – думает Мэлори. Ей было так спокойно, а теперь не скрыться от безумия нового мира.

Кто кричит в коридоре за запертой дверью? Мэлори думает, что это Феликс.

– Моя жена оказалась не готова, – рассказывает Гари, вернувшись к Мэлори. – Я был рядом, когда она увидела тварь. Я не предупредил жену, не объяснил, кто к ней приближается, я...

– Почему ты не сказал нам? – спрашивает Мэлори, тужась и плача.

– Потому что вы не лучше других, – отвечает Гари. – Вы не поверили бы мне. Никто, кроме Дона.

– Ты сумасшедший.

Гари хохочет.

– Что творится внизу? – кричит Олимпия. – Мэлори, что творится внизу?

– Не знаю!

– Это Дон, – отвечает Гари. – Он убеждает других в том, чему я его научил.

«Это Дон!»

Возглас с первого этажа слышен так хорошо, словно кричат на чердаке.

«Дон содрал одеяла! Дон содрал одеяла с окон!»

– Они нас не тронут! – шепчет Гари. Его влажная борода касается уха Мэлори.

Но она его больше не слушает.

– Мэлори! – шепчет Олимпия.

«ДОН СОДРАЛ ОДЕЯЛА С ОКОН И ОТПЕР ДВЕРЬ! ОНИ В ДОМЕ! СЛЫШИТЕ? ОНИ В ДОМЕ!»

«ребенок вот-вот родится ребенок вот-вот родится ребенок вот-вот родится»

– Мэлори!

– Олимпия, – отвечает Мэлори. В ее голосе полная безнадежность. (Неужели? Неужели у нее такой голос?) – Да, они к нам прорвались.

Гроза хлещет дом.

Шум на первом этаже просто невыносим.
– У них волчьи голоса! Волчьи! Волчьи! – кричит Олимпия.
Дон Дон Дон Дон Дон Дон Дон Дон Дон Дон
содрал одеяла
впустил тварей
их уже видели
их видели в доме
кто-то сошел с ума
кто именно?
Дон впустил тварей
Дон содрал одеяла
Дон считает тварей безобидными
Дон считает, опасность в нас самих
Гари прятался за него в столовой
Гари шептал ему из-за тонкого занавеса в погребе
Дон стянул одеяла с окон
Гари убедил его, что одеяла не нужны, убедил его, что твари
безопасны
кто-то мог сойти с ума, кто именно мог?
(тужься, Мэлори, тужься, ты вот-вот родишь ребенка, о котором нужно
заботиться, если нужно, закрой глаза и тужься, тужься, тужься)
твари уже в доме
у всех соседей
волчьи голоса.
У Мэлори истерика, в голове сумбур.
«Птицы – хорошая мысль, Том, – думает она. – Отличная мысль».
Олимпия забрасывает Мэлори вопросами, на которые у той нет ответа.
В голове полная каша.
– Это правда? Твари в доме? Не верю! Ребята не позволили бы!
Неужели твари в доме? Прямо сейчас?
Внизу что-то ударяется о стену. Похоже на тело. Псы заливаются.
«Пса швырнули об стену».
«ДОН СОДРАЛ ОДЕЯЛА С ОКОН!»
Кто из соседей закрыл глаза? Кому хватило хладнокровия? Мэлори
хватило бы? Смогла бы она зажмуриться, если бы рядом теряли разум
соседи?
«Господи, – думает Мэлори, – они там погибнут».
Ребенок убивает ее.
Гари все шепчет ей на ухо.

– Там, внизу, подтверждаются мои теории. Твои соседи думают, что сойдут с ума. Ничего подобного. Я месяцами жил на улице. Я неделями смотрел на тварей.

– Не может быть! – заявляет Мэлори не то Гари, не то шуму внизу, не то неумолимой боли.

– Когда я впервые увидел тварь, то решил, что теряю рассудок. – Гари нервно усмехается. – Но я не сошел с ума, а мало-помалу разобрался в том, что происходит. С моими друзьями. С моей семьей. Со всеми.

– Не хочу это больше слышать! – кричит Мэлори. Кажется, ее тело вот-вот расколется пополам. Тут какая-то нестыковка: ребенок, покидающий ее чрево, слишком крупный, он раздирает ее.

«Мальчик», – думает она.

– Знаешь...

– Хватит!

– Знаешь...

– Нет! Нет! Нет!

Воет Олимпия, воет ветер, на первом этаже воют собаки. Мэлори кажется, на фоне страшной какофонии она слышит Джулса. Он бежит по коридору в ванную. Он что-то раздирает.

– Может, я неуязвим, Мэлори. Может, просто осведомлен.

«Представляешь, сколько пользы ты мог нам принести? – хочет крикнуть Мэлори. – Представляешь, как мы могли себя обезопасить твоими стараниями?»

Но Гари безумен.

Вероятно, он всегда таким был.

Дон содрал одеяла с окон.

Гари прятался за него в столовой.

Гари шептал ему из-за тонкого занавеса в погребе.

Гари искал его.

В дверь чердака кто-то барабанит и орет:

– ВПУСТИТЕ МЕНЯ!

«Это Феликс, – думает Мэлори. – Или Дон».

– БОЖЕ, ДА ВПУСТИТЕ ЖЕ МЕНЯ!

Это не Феликс и не Дон.

Это Том.

– Гари, открой ему дверь! – кричит Мэлори.

– Ты точно этого хочешь? По-моему, не самая здравая мысль.

– Впусти его! Прощу тебя!

«Это Том, господи, это Том, это Том, господи, это Том».

Мэлори тужится. Господи, как сильно она тужится!

– Дыши! – велит Гари. – Дыши, дело почти сделано.

– Пожалуйста! – рыдает Мэлори. – Пожалуйста!

– ВПУСТИТЕ МЕНЯ! ВПУСТИТЕ МЕНЯ! ВПУСТИТЕ МЕНЯ!

Теперь кричит и Олимпия:

– Открой дверь! Это Том.

В дверь колотит безумие с первого этажа.

Том.

Том безумен. Том видел тварь.

Том безумен.

«Ты слышишь? Слышишь его голос? Такие звуки он издает. Точнее, такие звуки он издает, когда молчит его разум, его прекрасный разум».

Гари поднимается и идет к двери. Дождь стучит по крыше. Стук в дверь обрывается.

Мэлори смотрит на Олимпию. У той волосы сливаются с тенями. Глаза горят.

– Мы... почти... справились, – лепечет Олимпия.

В зареве свечи Мэлори видит: ребенок Олимпии наполовину выбрался из чрева. Мэлори инстинктивно тянется к нему, хотя он на другом конце чердака.

– Олимпия, не забудь закрыть малышу глазки. Не забудь...

Дверь чердака распахивается. Замок сломан. Мэлори кричит, но слышит лишь собственное сердце – его стук заглушает остальные звуки нового мира.

Воцаряется тишина. Гари отступает к окну.

За спиной у Мэлори звучат тяжелые шаги.

Ребенок покидает тело Мэлори.

Ступени стонут.

– Кто это? – кричит Мэлори. – Кто это? Внизу все целы? Том, ты? Кто к нам поднялся?

Того, кто к ним поднялся, Мэлори не видит, но чувствует его присутствие.

Она лежит спиной к лестнице и наблюдает за выражением лица Олимпии: страх в глазах той сменяется благоговением.

«Олимпия, не смотри! – беззвучно просит Мэлори. – Мы с тобой такие смелые. Мы такие умницы. Потянись к своему ребенку. Когда он совсем выйдет, закрой ему глазки. И сама зажмурься. Не смотри, Олимпия! Не смотри!»

Слишком поздно. Подруге уже не помочь.

Олимпия подается вперед. Глаза вылезают из орбит, рот открывается – на лице три идеальных круга. Олимпия кривится, потом сияет от счастья.

– Ты красивый, – с улыбкой говорит Олимпия. Улыбка у нее кривая, дрожащая. – Ни капли не страшный. Хочешь взглянуть на моего ребенка?

«Ребенок, ребенок, – думает Мэлори. – Ребенок в чреве Олимпии, а она сошла с ума. Господи, Олимпия сошла с ума. Господи, тварь за мной, тварь за моим ребенком».

Мэлори закрывает глаза.

Закрывает, но успевает заметить Гари, стоящего на границе пространства, освещенного свечами. Только где уверенность, которой он так бахвалился? Гари сейчас похож на испуганного ребенка.

– Олимпия, закрой малышу глазки, – говорит Мэлори. – Потянись к нему, постарайся ради своего ребенка.

Лицо подруги Мэлори не видит, но изменения в голосе очевидны.

– Что? Ты будешь мне указывать, как растить моего ребенка? Ну и сучка ты! Ну и... – Голос Олимпии превращается в рык.

Бред сумасшедшего.

Безумные, опасные речи Гари.

Олимпия лает.

Показывается головка малыша Мэлори.

Мэлори тужится. Невесть откуда взявшаяся сила помогает ползти вперед. Мэлори тянется к малышу Олимпии. Она его защитит.

Тут среди боли и безумия раздается первый крик малыша Олимпии.

«Закрой ему глаза».

Ребенок полностью выходит из чрева Мэлори, и она тут же закрывает ему глаза. Головка такая мягкая! Мэлори надеется, что дотянулась до него вовремя.

– Иди сюда, – говорит она и подносит ребенка к груди. – Иди сюда и закрой глазки.

В другом конце чердака нервно смеется Гари.

– Потрясающе! – говорит он.

Мэлори нащупывает нож и перерезает себе пуповину.

Потом отрезает два лоскута от окровавленного полотенца, на котором лежит. Ощупывает промежность ребенка. Это мальчик. Рассказать об этом некому. Рядом ни сестры, ни отца, ни матери. Ни акушерки. Ни Тома. Мэлори крепко прижимает сына к груди и завязывает ему глаза полотенечным лоскутом.

«Важно ли для ребенка увидеть лицо матери сразу после рождения?»

За спиной у нее шевелится тварь.

– Дитя, – дребезжащим голосом говорит Олимпия, – мое дитя, – гордо повторяет она.

Мэлори ползет вперед. Тело отчаянно протестует. Она тянется к малышу Олимпии.

– Олимпия! – зовет она, слепо цепляясь за воздух. – Я здесь, Олимпия. Дай мне малыша. Посмотри дай.

– С какой радости мне отдавать его тебе? – хрипит Олимпия. – Зачем тебе мое дитя? Ты рассудок потеряла?

– Нет. Просто посмотреть хочу.

Глаза у Мэлори закрыты. На чердаке тишина. Дождь негромко стучит по крыше. Мэлори скользит вперед на собственной крови.

– Олимпия, я только посмотрю! Это ведь девочка? Предчувствие тебя не обмануло?

Вдруг Мэлори замирает посреди чердака. Слышит, как Олимпия что-то жует. Неужели... Да, она перегрызает пуповину.

Мэлори зажмуривается крепче. К горлу подкатывает тошнота.

– Прошу тебя, дай посмотреть, – выдавливает из себя Мэлори.

– На, возьми, – говорит Олимпия. – Посмотри, посмотри на нее!

Наконец ребенок Олимпии на руках у Мэлори. Девочка!

Олимпия поднимается. Звук такой, словно она угодила в лужу. Мэлори знает, что это послед вместе с кровью и путом.

– Спасибо! – шепчет Мэлори. – Спасибо, Олимпия!

Этот поступок останется для Мэлори самым светлым воспоминанием о подруге. Олимпия, потеряв рассудок, все же отдала ребенка, позаботилась о нем.

Мэлори завязывает малышке глаза вторым лоскутом.

Олимпия бредет к завешенному окну. Туда, где стоит Гари. Тварь затаилась за спиной у Мэлори, которая влажными от крови пальцами еще крепче зажимает младенцам глаза. Малыши плачут.

Судя по звукам, Олимпия куда-то пробирается, на чем-то скользит.

Похоже, она куда-то лезет.

– Олимпия?

Она что-то устанавливает, к чему-то готовится.

– Олимпия? Что ты делаешь, Олимпия? Гари, останови ее! Прошу тебя!

Бесполезно. Гари безумнее всех.

– Я иду на улицу, сэр, – заявляет Олимпия Гари, который наверняка рядом с ней. – Засиделась я дома.

– Стой, Олимпия!

– Я выйду на улицу! – твердит та голосом, не то детским, не то столетней старухи на смертном одре.

– Олимпия!

Слишком поздно. Стекло чердачного окна бьется, что-то ударяет о стену снаружи.

Тишина. На первом этаже и на чердаке тишина. Нарушает ее Гари:

– Олимпия повесилась! Повесилась на пуповине!

«Нет! Господи, не позволяй Гари описывать мне этот ужас».

Гари радостно смеется.

Тварь движется у Мэлори за спиной. Мэлори в эпицентре безумия. Классического безумия. Такое поражает людей после войны, развода, разорения, или когда твоя подруга...

– Повесилась на пуповине! На собственной пуповине!

– Замолчи! – кричит Мэлори, не открывая глаз. – Замолчи!

Крик захлебывается, потому что тварь наклоняется к Мэлори. Теперь тварь (ее лицо?) у самых губ Мэлори.

Мэлори не шелохнется. Она едва дышит. На чердаке тишина.

Мэлори чувствует тепло твари, ее жар.

«Шеннон, посмотри на облака, – думает она. – Они похожи на нас с тобой».

Она еще плотнее зажимает малышам глаза. Тварь отстраняется и, судя по звукам, отступает. Потом еще дальше.

Тварь замирает. Останавливается.

Деревянные ступени скрипят под шагами, уходящими вниз. Мэлори стонет, как не стонала никогда в жизни.

Шаги все тише и тише. Наконец их совсем не слышно.

– Тварь ушла, – говорит малышам Мэлори.

Теперь она слышит Гари.

– Не приближайся к нам! – с закрытыми глазами кричит Мэлори. – Не трогай нас!

Гари их не трогает. Он проходит мимо, опять скрипят ступени.

«Он спустился на первый этаж. Он хочет проверить, кто выжил, кто нет».

Мэлори трясет и шатает от усталости, от кровопотери. «Спать! Спать!» – велит тело. На чердаке теперь только она с малышами.

Мэлори собирается прилечь. Ей нужно прилечь. Но она ждет. Слушает. Отдыхает.

«Сколько времени прошло? Давно я держу младенцев?»

Отдых Мэлори нарушает новый звук. Доносится он снизу. В старом

мире Мэлори частенько его слышала.

Олимпия висит (он так и сказал он так и сказал) за чердачным окном.

Ее тело раскачивается на ветру и стучит о стену дома.

Внизу что-то звенит.

Это телефон, телефон звонит!

Звон буквально гипнотизирует Мэлори. Когда она в последний раз слышала трель телефонного звонка?

Кто-то звонит им.

Кто-то им перезванивает.

Мэлори поворачивается, скользит по последу. Кладет девочку на колени и осторожно накрывает своей рубашкой. Свободной рукой ощупывает ступеньки. Они крутые, старые. Сразу после родов по таким не спускаются.

Но ведь телефон звонит. Им кто-то перезванивает. Мэлори намерена ответить.

Дзззззынь!

Полотенечные повязки на месте, но Мэлори велит малышам не открывать глаза.

В следующие четыре года этот наказ будет самым частым. Понимают его дети или пока нет, но Мэлори будет его повторять.

Дзззззынь!

Мэлори подтаскивает непослушное тело к лестнице, нащупывает ногой верхнюю ступеньку. Тело умоляет прекратить, но Мэлори полна решимости.

Так, теперь вниз. Мальчика она держит в правой руке, ладонью закрывая ему личико, девочку прячет под рубашкой. Глаза у Мэлори зажмурены, ее мир погружен во мрак, спать хочется так, что она может упасть со ступеней в объятия сна. Но она спускается, ступенька за ступенькой, ориентируясь на звон телефона.

Дзззззынь!

Она спускается на голубоватую дорожку в белом холле второго этажа. Глаза у Мэлори закрыты, цвета она видеть не может, так же как и Джулса, лежащего ничком у правой стены. Его ладонь прижата к полу, от нее к Мэлори тянутся пять кровавых подтеков.

В холле Мэлори останавливается и делает глубокий вдох. «У тебя получится!» – думает она и решительно бредет дальше.

Проходит мимо Шерил, но не знает этого. Пока не знает. Шерил лежит головой к первому этажу, ногами ко второму. Поза невероятная: человек так изогнуться не может.

Мэлори проходит в дюймах от подруги, сама не зная этого.

Феликс в самом низу лестницы. Мэлори едва-едва не касается его. Потом она охнет, увидев дыры у него на лице.

Дзззззынь!

Мэлори не подозревает, что идет мимо лайки. Собака у стены, на которой теперь темнеет багровое пятно.

«Есть тут кто-нибудь?» – хочет спросить Мэлори, даже не спросить, а крикнуть. Но телефон звонит и, наверное, не перестанет звонить, пока она не ответит.

Мэлори идет на звон, держась за стену.

Ветер швыряет дождевые капли в разбитые окна.

«Я должна ответить на звонок».

Не закрой Мэлори глаза, она не вынесла бы вида всей этой крови.

Дзззззынь!

Кровавые следы она увидит позже. Сейчас телефон так близко! Он звонит так громко...

Мэлори поворачивается спиной к стене и тяжело оседает на ковер. Телефон на приставном столике. От боли изнемогает каждая клеточка тела. Мэлори кладет мальчика и девочку на колени, тянется к столику и нащупывает телефон, который так и звонит без умолку.

– Алло?

– Алло.

Говорит мужчина. Голос у него спокойный, неуместно спокойный.

– Кто это? – спрашивает Мэлори, почти не сознавая, что пользуется телефоном.

– Меня зовут Рик. Ваше сообщение мы получили пару дней назад, но раньше ответить не смогли... Как вас зовут?

– Кто вы?

– Еще раз, меня зовут Рик. Сообщение нам оставил некий Том.

– Том...

– Да, он ведь живет здесь?

– Меня зовут Мэлори.

– Мэлори, с тобой все нормально? Голос у тебя расстроенный.

Она делает глубокий вдох. Вряд ли у нее когда-то будет все нормально.

– У меня все хорошо, – отвечает она.

– Я не могу долго разговаривать. Хочешь перебраться в другое место? Туда, где поспокойнее? Полагаю, что да.

– Да, – отвечает Мэлори.

– Тогда послушай меня. Если можешь, запиши. Ручка есть?

Мэлори говорит, что есть, и тянется за ручкой, которая лежит у телефонного справочника Тома.

Младенцы плачут.

– У тебя ребенок?

– Да.

– Ради него тебе нужно спокойное место. Слушай меня, Мэлори: сплавляйся по реке.

– Что?

– Сплавляйся по реке. Знаешь, где река?

– Д-да, знаю. За домом. Мне говорили, что в восьмидесяти ярдах от колодца.

– Отлично. Сплавляйся по реке. Затея опасная, но если вы с Томом продержались так долго, то справитесь. Я нашел вас на карте. Добираться вам миль двадцать. Река разделится на рукава...

– На что она разделится?

– Прости, я забегаю вперед. Но здесь тебе будет лучше.

– Почему?

– Во-первых, здесь нет окон. Есть водопровод. Еду мы выращиваем сами. В общем, настоящее натуральное хозяйство. Комнаты у нас хорошие, места много. Большинство считает, сейчас мы живем лучше, чем прежде.

– Сколько вас?

– Сто восемь человек.

Для Мэлори число может быть любым. И бесконечностью тоже.

– Давай сначала расскажу, как сюда добраться. Не дай бог связь оборвется, и я не успею объяснить.

– Объясняйте.

– Река разделится на четыре рукава. Тебе нужен второй справа. Держаться правого берега не получится. Задача нелегкая. Придется открыть глаза.

Мэлори качает головой. Нет.

Рик продолжает:

– Как узнать, что ты на месте? Услышишь звукозапись. Человеческий голос, – обещает Рик. – Мы не можем сидеть у реки целый день. Это слишком опасно. Поэтому поставили громкоговоритель. Он реагирует на движение. Благодаря подобным устройствам мы хорошо знаем, что творится в лесу и на реке рядом с нашим убежищем. Громкоговоритель срабатывает, и запись проигрывается каждые тридцать минут. Снова и снова. Четко и ясно. Одно и то же сорокасекундное обращение, ты обязательно его услышишь. Тогда и открывай глаза.

– Спасибо, Рик, но я не смогу.

Голос у Мэлори апатичный, надломленный.

– Понимаю, тебе страшно. Конечно, страшно. Только в этом и заковырка. Других вариантов нет.

Мэлори подумывает повесить трубку, но Рик продолжает:

– У нас происходит столько хорошего. На месте мы не стоим. До желаемого результата пока далеко, но мы стараемся.

Мэлори начинает плакать. Рик дает ей надежду? Или это извращенный вариант безысходности?

– Если последую вашим советам, как искать вас дальше? – спрашивает Мэлори.

– От стрелки?

– Да.

– У нас есть сигнализация. Принцип действия тот же, что у громкоговорителя. Ты выбираешь нужный рукав и плывешь еще сто ярдов. Там сработает сигнализация, опустится шлюз. Лодка заблокируется. Тогда мы выйдем проверить, кто к нам пожаловал.

Мэлори дрожит.

– Правда? – спрашивает она.

– Да. Ты не веришь?

Перед мысленным взором мелькают картинки, образы старого мира. Каждая картинка так или иначе связана с путами и цепями, с грузом обязательств, с предчувствием, что там, куда зовет Рик, может быть хорошо или плохо, хуже или лучше, чем здесь, но свободы точно не будет.

– Сколько вас там? – спрашивает Рик.

Мэлори прислушивается к тишине, царящей в доме. Окна разбиты. Дверь, вероятно, распахнута. Нужно встать. Запереть дверь. Завесить окна одеялами. Мэлори кажется, все это происходит не с ней.

– Трое, – отвечает она. – Если число изменится...

– Об этом не волнуйся. Мы примет любое число гостей. Сейчас места хватит для ста, и мы готовим новые комнаты. Главное, приезжайте скорее.

– Рик, а вы не можете приехать ко мне и помочь?

В трубке слышится тяжелый вздох.

– Прости, Мэлори, это чересчур рискованно. Я нужен здесь. Понимаю, звучит эгоистично. Увы, тебе нужно плыть к нам самой.

Мэлори молча кивает. Вопреки боли, горю, физической слабости, она уважает стремление Рика обезопасить себя.

«Я даже глаза открыть не могу, а на коленях у меня два младенца, которые не видели окружающий мир. В комнате пахнет кровью, мочой и

смертью. В доме сквозняки. Раз сквозит, значит, окна выбиты, дверь открыта. Настежь распахнута. Ваше предложение звучит здорово, очень здорово, но я не уверена, что доберусь до ванной, не то что до неведомого убежища в сорока милях вниз по реке, или где там вы находитесь».

– Мэлори, я перезвоню тебе. Узнаю, как дела. Или ты прямо сейчас к нам отправишься?

– Не знаю. Не знаю, когда смогу отправиться в путь.

– Ладно.

– Спасибо вам, Рик.

Мэлори в жизни не благодарила никого так искренне.

– Я перезвоню через неделю.

– Хорошо.

– Мэлори?

– Что?

– Если я не перезвоню, значит, у нас отключился телефон. Или он отключился у тебя. Но, уверяю, мы будем на месте. Приезжай в любое время. Мы тебя ждем.

– Хорошо, – отвечает Мэлори.

Рик диктует ей свой номер. Мэлори вслепую царапает его в раскрытом справочнике.

– До свидания, Мэлори.

– До свидания.

Вот тебе обычный, заурядный разговор по телефону...

Мэлори вешает трубку, опускает голову и плачет. Младенцы ерзают у нее на коленях. Мэлори плачет еще минут двадцать, потом вскрикивает: в подвальную дверь скребутся. Виктор! Он лает, просит, чтобы его выпустили. К счастью, его вовремя заперли в подвале. Может, это сделал Джулс, сообразив, что вот-вот произойдет.

Мэлори завесит окна одеялами, запрет двери и метлой обыщет каждый закоулок дома: не затаились ли где твари? Лишь через шесть часов она решится открыть глаза и увидит, что случилось в доме, где она родила ребенка.

Чуть раньше, с плотно закрытыми глазами, Мэлори через гостиную пройдет к подвальной лестнице. Она вплотную приблизится к трупу Тома.

Мэлори убедит себя, что пинает не Тома, а мешок сахара, когда склонится над ведром колодезной воды, чтобы выкупать младенцев и вымыться самой.

В следующие месяцы она много раз поговорит с Риком по телефону, но потом связь отключится.

Целых шесть месяцев уйдет на очистку дома от следов крови и смерти.

Дона Мэлори найдет на полу кухни, головой к подвалу. Безумный, он словно спешил туда, чтобы Гари вернул ему разум. Мэлори станет искать Гари. Везде. Не найдет и следа. Мэлори всегда будет помнить о нем, всего будет его опасаться. Во внешнем мире она всегда будет ждать встречи с ним.

Соседей Мэлори похоронит вокруг колодца и всякий раз, отправляясь за водой для себя и детей, будет чувствовать под ногами неровные холмики могил, вырытых и засыпанных вслепую.

Тома она похоронит ближе всех к дому, на травянистом бугорке. Туда она станет выводить детей в повязках, чтобы подышали свежим воздухом. Там, как она надеется, у маленьких душ больше свободы.

Пройдет четыре года, прежде чем она решит принять приглашение Рика и отправиться в место, которое он описывал по телефону.

Сейчас Мэлори просто моется сама и купает малышей. Малыши плачут.

Глава 43

Голос Тома звучит снова и снова. Том наговаривает сообщение.

«...Шиллингом, дом двести семьдесят три. Меня зовут Том. Вы ведь понимаете, как я рад дозвониться до вашего автоответчика...»

Повязка в дюйме от закрытых глаз Мэлори.

Мэлори поднимает руку и касается черной ткани. На миг она и тварь держатся за одну повязку. Эта тварь и ей подобные украли у Мэлори Шеннон, мать, отца и Тома. Эта тварь и ей подобные украли детство у Мальчика и Девочки. Мэлори не так уж и страшно. Ведь твари отняли у нее все, что могли.

– Нет, это мое, – заявляет Мэлори, цепляясь за ткань.

Сперва ничего не происходит. Потом что-то касается ее лица. Мэлори морщится, но это лишь ткань ложится на нос и виски.

«Тебе придется открыть глаза».

Верно. Голос Тома означает, что они добрались до стрелки, о которой рассказывал Рик. Голос Тома звучит как раньше, как в гостиной, где он однажды сказал:

«Может, твари не желают нам вреда. Может, их удивляет то, как они на нас действуют. Их мир и наш существуют параллельно. Так случайно вышло. Может, твари не хотят нас изводить?»

Какими бы ни были намерения тварей, сейчас одна из них рядом, а Мэлори должна открыть глаза.

Дети Мэлори подчас совершали удивительные поступки. Однажды Мальчик пролистал телефонную книгу и объявил, что дошел до сто шестой страницы. Он почти не ошибся. Сейчас Мэлори ждет от детей чего-нибудь столь же удивительного.

Слева по борту нет никакого движения. Тварь либо потеряла интерес к повязке и ретируется, либо затаилась и ждет следующего шага Мэлори.

– Мальчик? – зовет Мэлори.

Расшифровывать вопрос нельзя, но Мальчик понимает.

Он молчит, вслушивается, потом отвечает:

– Мама, она удаляется от нас.

Высоко в небе бьются птицы, из громкоговорителя льется прекрасный, умиротворяющий голос Тома, а Мэлори слышит тишину. Тишину, которую источает тварь.

Где она сейчас?

Освобожденная лодка плывет по течению. Шум воды подсказывает Мэлори, что впереди стрелка. Времени у них в обрез.

– Мальчик, ты что-нибудь еще слышишь?

Он не отвечает.

– Мальчик!

– Нет, мама, не слышу.

– Уверен? Абсолютно уверен? – с надрывом спрашивает Мэлори.

Готова она или нет, момент настал.

– Да, мама, уверен. Мы снова одни.

– Куда делась тварь?

– Ушла.

– Куда?

Мальчик отвечает не сразу.

– Мама, она за нами.

– Девочка?

– Да, мама, она за нами.

Мэлори молчит.

Дети сказали, что тварь за ними.

Мэлори замечательно их вымуштровала. Это единственное, на что она может рассчитывать в этом мире.

Она доверяет детям.

Иначе никак.

Мэлори слышит голос Тома, ей кажется, он с ними в лодке.

Мэлори чувствует, что это знак. Том здесь. Том с ней. Значит, она выживет.

Она нервно сглатывает.

Смахивает с губ слезы.

Глубоко вдыхает.

Мэлори чувствует. Чувствует, как когда они открыли дверь Тому с Джулсом. Чувствует, как когда они решили прогнать Гари.

Вот она, последняя секунда предвкушения.

Решение принято. Еще секунда – и Мэлори откроет глаза.

Она поворачивается к рукавам реки и размыкает веки.

Сначала Мэлори щурится. Не от яркого солнца, а от обилия красок.

Она охает и подносит руку ко рту.

В голове ни мыслей, ни тревог, ни переживаний, ни надежд. Мэлори не в силах описать увиденное.

Мир бесконечный. Многоликий. Волшебный.

«Смотри, Шеннон! То облако – вылитая Энджела Мэркл из нашего

класса!»

В прежней жизни Мэлори не щурясь смотрела на краски в два раза ярче этих. Сейчас ей больно от красоты.

Она смотрела бы и смотрела. Вечно. Ну хоть еще пару секунд! Но голос Тома зовет в путь.

Как в замедленном кино, Мэлори наклоняется в сторону, откуда звучит голос Тома. Смакует каждое его слово. Он будто стоит на берегу, будто говорит, что она почти у цели. Мэлори ясно: красками ей не любоваться. Она должна снова закрыть глаза. Должна оторваться от яркого чудесного мира.

Мэлори смыкает веки.

Возвращается в привычную тьму.

Берется за весла.

Лодка приближается ко второму рукаву справа, а Мэлори кажется, она плывет по волнам лет. По волнам своих воспоминаний. Вот она в пору, когда сделала тест на беременность, когда наткнулась на труп Шеннон и прочла объявление в газете. Вот она в пору, когда приехала в дом Джорджа, когда впервые встретилась с соседями, когда согласилась впустить Олимпию. Вот она в день появления Гари. Вот она в час, когда лежала на полотенце, расстеленном на полу чердака, а Дон сдирал одеяла с окон первого этажа.

Сейчас Мэлори сильнее и храбрее. В этом мире она одна вырастила двоих детей.

Она изменилась.

Лодка качается, внезапно коснувшись берега. Значит, они вошли в рукав.

Дальше Мэлори плывет по волнам настоящего. Вот она, в одиночку растившая детей. Целых четыре года. Она воспитывала их, берегла от внешнего мира, который становился опаснее день ото дня. Вот Том, вот его идеи, его бесчисленные замыслы, которыми он надеялся вдохновить, обнадежить, убедить, что лучше противопоставить безумию свой план, чем сидеть и ждать, когда оно возьмет верх.

Теперь лодка плывет быстро. Рик говорил, до шлюза лишь сто ярдов.

Мэлори плывет по волнам сегодняшнего дня. Сегодня она проснулась с надеждой, что туман укроет их с детьми от типов вроде Гари, который может следить за ними с берега. Сегодня она побывала в лапах волка. Сегодня она столкнулась с безумным лодочником и с безумными птицами. Она встретилась с тварью – тварей Мэлори боится больше всего, – которая пыталась отнять у нее единственное средство защиты. Повязку.

Как много значила для нее повязка... Подумав об этом, Мэлори слышит лязг.

Лодка во что-то врезалась. Мэлори сразу тянется к детям.

Это шлюз! Лодка активировала сигнализацию Рика.

Сердце Мэлори бешено стучит: грести больше не нужно! Она запрокидывает голову и кричит. От облегчения. От гнева. От всего сразу.

– Мы здесь! – громко объявляет она. – Мы здесь!

С берега слышится шорох. Кто-то быстро к ним приближается.

Мэлори хватается весла. Она теперь всегда будет наготове.

Что-то касается ее руки. Мэлори сжимается в комок и слышит женский голос:

– Не бойся! Не бойся меня! Я Констанс. Я с Риком.

– У тебя открыты глаза?

– Нет, я в повязке.

Сознание Мэлори заполняют смутно знакомые звуки. Женский голос она не слышала с тех пор, как Олимпия сошла с ума.

– Со мной двое детей. Всего нас трое.

– Дети? – В голосе Констанс звучит радостное волнение. – Возьми меня за руку. Нужно вытащить вас из лодки и отвезти в Такер.

– В Такер? – переспрашивает Мэлори и замирает.

– Да, так называется наше убежище.

Сперва Мэлори передает Констанс детей. Потом, опираясь на руку новой подруги, вылезает сама.

– Прости, но у меня ружье, – смущенно говорит Констанс.

– Ружье?

– Ты не представляешь, на каких зверей срабатывала наша сигнализация! Ты ранена? – спрашивает Констанс.

– Да.

– У нас есть лекарства. И доктора есть.

Мэлор улыбается так широко, как не улыбалась последние четыре года, аж губы трескаются.

– Лекарства?

– Да, лекарства, инструменты, бумага. Много всего.

Бредут они медленно. Мэлори не может идти самостоятельно и опирается на плечи Констанс. Дети, по-прежнему в повязках, цепляются за брюки Мэлори.

– Двое детей... Представляю, через что ты сегодня прошла.

Голос Констанс звучит успокаивающе. Она говорит «сегодня», но обе женщины понимают, что речь о годах.

Они взбираются по склону. Тело Мэлори пульсирует от боли. Внезапно почва под ногами сменяется асфальтом. Это тротуар? Мэлори слышит негромкое постукивание.

– Что это?

– Ты о звуке? Это моя трость. Но она больше не нужна. Мы на месте. Констанс стучит в дверь.

Судя по скрипу, открывается тяжелая металлическая дверь. Констанс заводит их внутрь. Дверь захлопывается.

Мэлори чувствует запахи, каких давным-давно не чувствовала. Запах еды. Свежеприготовленной еды. Запах опилок, словно здесь что-то мастерят. Она и звуки соответствующие слышит – негромкий гул, словно одновременно работают несколько механизмов. Воздух свежий. Гулкое эхо разносит каждое слово.

– Можно открыть глаза, – мягко предлагает Констанс.

– Нет! – кричит Мэлори, прижимая к себе Мальчика и Девочку. – Только не детям! Я первая!

К ним кто-то подходит. Мужчина.

– Господи! – восклицает он. – Мэлори, неужели это ты?

Мэлори узнает низкий сипловатый голос. Четыре года назад она слышала его на другом конце провода. Целых четыре года она решала, готова ли услышать его снова.

Это Рик!

Мэлори стягивает повязку и медленно открывает глаза, щурясь от белого света убежища.

Они в просторном фойе, залитом светом, таким ярким, что Мэлори хочет зажмуриться. Это огромная школа. Потолки высокие, купольные. Благодаря панелям освещения кажется, что находишься на улице. Стены до самого потолка завешаны досками объявлений. Вот столы. Вот стеклянные шкафы. Окон нет, но воздух свежий и бодрящий, как возле реки. Пол чистый, прохладный. Коридору с кирпичными стенами не видно конца. Мэлори поворачивается к Рику и читает в его морщинистом лице ответ на многие вопросы.

Глаза у него открыты, но смотрят в никуда. Серые, точно остекленевшие, они потеряли блеск много лет назад. Густые, давно не стриженные каштановые волосы не скрывают глубокий бледный шрам у левого глаза. Рик осторожно касается его, словно почувствовав взгляд Мэлори. У него посох – грубый, сделанный из узловатого сука.

– Рик, ты слепой, – говорит Мэлори, прижимая к себе детей.

Рик кивает.

– Да, Мэлори. У нас тут много слепых. Зато Констанс видит отлично. Успехи у нас колоссальные.

Мэлори не спеша оглядывается по сторонам. На рукописных баннерах отчеты о развитии поселения, на флаерах расписания медосмотров, графики текущих земледельческих работ, очищения воды, других занятий.

Взгляд падает на медные буквы на кирпичной арке.

«ШКОЛА ДЛЯ СЛЕПЫХ ИМЕНИ ДЖЕЙН ТАКЕР»

– Тот мужчина... – Рик делает паузу. – Тот, который оставил нам сообщение, с вами не приехал?

Мэлори чувствует, как подскакивает пульс, и с трудом сглатывает.

– Мэлори? – встревоженно окликает ее Рик.

– Нет, Рик, он с ними не приехал, – шепчет Констанс, коснувшись его плеча.

Мэлори отступает к двери, по-прежнему прижимая к себе детей.

– Он погиб, – холодно отвечает Мэлори, высматривая в коридоре других обитателей. Она не доверяет местным. Пока не доверяет.

Рик стучит посохом, приближается к Мэлори, тянется к ней.

– Мэлори, за эти годы мы связались со многими, хотя, возможно, их меньше, чем ты думаешь. Кто знает, сколько осталось живых? И сколько из них в твердом рассудке? Ты – единственная, кого мы ждали на реке. Естественно, сплавиться могли и другие, но после долгих размышлений мы решили, что голос Тома не только объявит тебе о прибытии, но и сообщит другим странникам, заблокированным шлюзом, что рядом цивилизация. Знай я, что Тома нет в живых, настоял бы на другом варианте. Прости меня, пожалуйста!

Мэлори присматривается к Рику. В его голосе звучит не просто надежда, а оптимизм. Такого она давным-давно не слышала. Зато на лице отпечаток стресса и усталости от жизни в новом мире. Четыре с лишним года назад так выглядели соседи Мэлори.

Рик и Констанс объясняют, как живет убежище. На полях выращивают картофель и тыкву, летом собирают ягоды, дождевую воду очищают. Мэлори слушает и вдруг видит за спиной Рика чью-то тень.

Из комнаты появляется стайка девушек в простых голубых платьях. Они стучат тростями по полу и машут руками перед собой. Девушки проворно огибают Мэлори, а у той стынет кровь от одного взгляда на зияющие пустотой глазницы. Голова кружится, подступает дурнота.

Вместо глаз у девушек огромные темные шрамы. Мэлори еще крепче цепляется за детей, а те льнут ей к ногам.

Констанс тянется к ней, но Мэлори проворно отступает, судорожно

разыскивая на полу повязку, и увлекает детей за собой.

– Она их видела, – говорит Констанс Рику.

Тот кивает.

– Не подходите к нам! – умоляет Мэлори. – Не приближайтесь к нам! Не трогайте нас! Да что же тут творится?!

Констанс оглядывается на девушек. Те уже в конце коридора. Тишину фойе теперь нарушают лишь тяжелое дыхание Мэлори и ее негромкие всхлипы.

– Мэлори, так мы решали проблемы раньше, – начинает Рик. – Иначе не получалось. Когда заселились сюда, мы голодали, словно брошенные среди врагов на чужбине. Нынешних бытовых удобств у нас не было, а есть хотелось. Мы охотились. Безопасности на нынешнем уровне тоже не было. Однажды вечером, когда наш отряд отправился на охоту, сюда пробралась тварь. Мы многих потеряли. Молодая мать, секундой раньше вполне вменяемая, в приступе гнева убила четверых детей. Потом мы несколько месяцев приходили в себя и отстраивали убежище. Мы поклялись больше не рисковать. Ради блага всех местных жителей.

Мэлори смотрит на Констанс: у той нет шрамов.

– У нас не осталось выбора, Мэлори, – продолжает Рик. – Мы ослепляли себя чем попало – вилками, ножами, собственными пальцами. Слепота казалась панацеей. Но этого больше не повторится. Мы отказались от подобных мер. Примерно через год мы достаточно укрепили убежище и теперь можем облегчить свое страшное бремя. Система безопасности пока сбоев не давала.

Мэлори вспоминает видеоролик Джорджа. Вспоминает, как сама едва не ослепила детей, не представляя, как еще их защитить.

«Констанс видит. Она не слепая. Наберись ты храбрости четыре года назад, кто знает, что стало бы с тобой. Кто знает, что стало бы с детьми».

Рик опирается на плечо Констанс.

– Ты поняла бы, если бы жила здесь, с нами.

Мэлори страшно, но она понимает. Отчаянию вопреки она хочет верить этим людям. Хочет верить, что привезла детей в место лучше прежнего.

Мэлори поворачивается и ловит свое отражение в стеклянной двери кабинета. Она едва узнает девушку, которая рассматривала свой живот в ванной, когда Шеннон из гостиной позвала ее посмотреть новости. Сейчас волосы у нее тонкие, спутанные, испачканы грязью и птичьей кровью. Появились шелушащиеся проплешины. Она исхудала до предела. Черты лица тоже изменились: теперь они не нежные, а резкие, будто высеченные.

Кожа истончилась, пожелтела. Мэлори приоткрывает рот и замечает сколотый зуб – наверное, сломался, когда она потеряла сознание. Сколько кровоподтеков, ссадин, синяков. Левая рука распухла, на плече глубокая рана – след волчьих когтей. Но отражение источает силу. В новой Мэлори полыхает огонь, который четыре с половиной года заставлял ее жить и бороться за лучшее будущее для детей.

Дом Джорджа позади, река позади. Обессиленная Мэлори падает на колени и срывает повязки с детей. Глаза открыты. Мальчик и Девочка щурятся от яркого света. Оба молчат, оба в полном недоумении. Они не понимают, куда попали, и вопросительно смотрят на Мэлори. Впервые в жизни они видят не дом Джорджа, а что-то новое.

Ни слез, ни жалоб – Мальчик и Девочка смотрят на Рика и слушают.

– Как я уже говорил, возможностей здесь немало, – осторожно продолжает Рик. – Наше убежище куда больше, чем кажется по этому фойе. Мы выращиваем овощи и поймали несколько домашних животных. Куры несут яйца, корова дает молоко, есть две козы, которые расплодятся. В ближайшее время мы планируем найти других домашних животных и устроить ферму.

Мэлори делает глубокий вдох и впервые смотрит на Рика с надеждой.

«Козы, – думает она. – А мои дети, кроме рыбок, ничего не видели».

– Такер на полном самообеспечении. У нас есть доктора, которые занимаются реабилитацией слепых. Здесь ты обретишь покой, Мэлори, как день за днем обретаю его я.

Констанс опускается на колени перед детьми.

– Ну а вас как зовут?

Таким вопросом Мэлори прежде не задавалась. Наконец она может позволить себе выбрать имена детям.

– Это Олимпия, – говорит она, положив окровавленную руку Девочке на голову.

Девочка смотрит на мать. Краснеет. Улыбается. Имя ей по нраву.

– А это Том, – объявляет Мэлори, прижимая к себе Мальчика.

Тот смущенно улыбается.

Мэлори стоит на коленях, обнимает детей и заливается горячими слезами, которые сейчас лучше любого смеха.

Вот оно, облегчение!

По щекам катятся слезы. Мэлори вспоминает, как соседи вместе носили воду из колодца, как спали на полу гостиной, как говорили о новом мире. Вспоминает, как Шеннон, смеясь, высматривала в облаках лица знакомых. Добрая, по-хорошему любопытная, старшая сестра обожала

младшую. Мэлори вспоминает Тома. Он постоянно размышлял, решал проблемы, постоянно смотрел вперед и пробовал что-то новое. Мэлори вспоминает, как он любил жизнь.

Дальше по длинному школьному коридору – другие комнаты. Из них выходят мужчины и женщины. Рик кладет руку на плечо Констанс и бредет с ней в глубь убежища. Все местные жители словно решили ненадолго оставить Мэлори наедине с детьми. Все будто понимают, что эти трое наконец в безопасности.

По крайней мере, в относительной безопасности.

Мэлори обнимает детей. Дом Джорджа вместе с рекой уже кажутся абстрактными точками на огромной карте мира.

Мэлори знает: в новом убежище они не будут беспомощны.

Не будут одиноки.

---

notes

Примечания

1

Пи-Ви Херман – герой комедийного сериала, нескольких фильмов и телешоу. Роль Пи-Ви неизменно исполнял комик Пол Рубенс.

Table of Contents

[Джош Малерман Птичий короб](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Примечания](#)

[1](#)